
The Booker Prize 2023 Winner
Песнь пророка
Пугающе правдоподобно. IRISH TIMES
Пол ЛИНЧ
Книга, наиболее точно выражающая наше время... Блестящий, незабываемый роман. OBSERVER

Песнь пророка
Пол Линч

Аннотация
Пол Линч. Песнь пророка
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9

Аннотация

Впервые на русском! Роман — лауреат Букеровской премии 2023 года, который уже называют «ирландским „1984“» и «новым „Рассказом служанки“». Как писал в своей рекомендации Букеровский комитет, эта «радикальная антиутопия… ярко живописует решимость матери защитить свою семью во времена, когда либеральная демократия… неумолимо и пугающе скатывается к тоталитаризму».

Однажды вечером микробиолог Айлиш Стэк, мать четверых детей, отвечает на стук в дверь. На пороге — двое оперативников свежеобразованной Государственной службы национальной безопасности, которые хотели бы поговорить с мужем Айлиш, активистом учительского профсоюза. А после демонстрации протеста ее муж пропадает — и Айлиш оказывается в плену логики кошмара: общественные институты рассыпаются на глазах, правительство превратило тихий пригород в зону боевых действий, и, чтобы спасти семью, Айлиш вынуждена решиться

на невозможное…

«Роман-предупреждение о том, как легко утратить свободы, которые мы считаем само собой разумеющимися, однако величайшее достижение автора в том, что описываемые невероятные события выглядят абсолютно реальными» *(Sunday Independent)*.

ПОЛ ЛИНЧ

Песнь пророка

Издательство «Иностранка»
Москва

Пол Линч
Песнь пророка

Paul Lynch
Prophet Song

Copyright © 2023 by Paul Lynch
All rights reserved

Перевод с английского Марины Клеветенко
Оформление обложки Вадима Пожидаева
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© М. В. Клеветенко, перевод, 2024
© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

* * *

Радикальная антиутопия Пола Линча «Песнь пророка» ярко живописует решимость матери защитить свою семью во времена, когда либеральная демократия в Ирландии неумолимо и пугающе скатывается к тоталитаризму. Забыть эту удивительно своевременную книгу невозможно. Редкому автору под силу так убедительно передать социальные и политические тревоги нашего времени.

Букеровский комитет 2023 г.

Пугающе правдоподобно.

Irish Times

Исполненный сострадания, вдохновенный и своевременный роман, заставляющий читателя спросить себя: что, если бы я оказался на месте героев?

Financial Times

Много лет я не встречал книги, которая потрясла бы меня так сильно. Сравнения неизбежны: Сарамаго, Оруэлл, Кормак Маккарти — однако этот роман всегда будет стоять особняком.

Колум Маккэнн

Мощно, клаустрофобно и ужасающе реально… Линч изображает Айлиш с сочувствием и глубоким пониманием, а ее бескомпромиссная любовь к своим детям не оставит читателей равнодушными. Чтобы защитить семью, героиня вынуждена принимать невозможные решения. Свобода воли, само понятие свободы испытываются на разрыв.

The Guardian

Если есть книга, наиболее точно выражающая наше время, то это «Песнь пророка» Пола Линча… Блестящий, незабываемый роман.

Observer

Линч отказывается от счастливого финала, но оставляет читателю надежду. Однако он не тешит себя иллюзией, что дурные правительства лишь отклонение от нормы и политика неизбежно вернется в нормальное русло. Это смелое сочетание антиутопии и поэзии, несущее пророчество, которому веришь.

The iNews

Лучший роман одного из самых прославленных ирландских писателей своего поколения. Захватывающее приключение и в то же время политическое предостережение — не зря этот роман называют «ирландским „1984“».

Telegraph

Заворожив читателя убаюкивающим ритмом своей лиричной прозы, Линч делает блестящий ход. Просчитанный, задевающий самые глубокие струны души, леденящий кровь.

Big Issue

Сокрушительно мощно… В «Песни пророка» Пол Линч сталкивает нас лицом к лицу с некоторыми из самых мрачных наших страхов. Он не предлагает нам утешения и дает мало надежды, его истинная цель — заставить разъяренного читателя вернуться в реальный мир с твердым намерением найти лучший конец для этой истории.

Times Literary Supplement

Один из самых душераздирающих и провокационных романов, которые мне доводилось читать. И хотя действие происходит в альтернативной версии нашего мира, все слишком узнаваемо. Две заключительные главы пронзительны до дрожи — в буквальном смысле.

Scotsman

Монументальный роман, проза настолько безупречная и плавная, что уносит вас, словно волна. И выныриваете вы в полном ошеломлении; вспоминаете, какой должна быть настоящая литература. Трудно назвать за последние годы роман сильнее.

Саманта Харви
(автор романа «Ветер западный»)

Айлиш — невероятная героиня… Линч убедительно показывает, как просто и быстро может разрушиться общество вроде нашего. Одни эпизоды читаются подобно триллеру (читателю придется не раз затаить дыхание), другие являют собой образцы превосходной лирической прозы.

Irish Independent

Если зловещая сила книги заключена в описании того, как демократия мало-помалу уступает место тоталитаризму, ее истинная энергия — в том, как Линч изображает повседневное давление обязательств, которые Айлиш несет перед детьми и престарелым отцом, а тучи вокруг с каждым днем все сгущаются. Провокационный мысленный эксперимент…

Daily Mail

Выдающееся произведение, один из главных романов 2023 года. Пол Линч отважно берется за самые больные и масштабные темы. «Песнь пророка» — это история выживания матери из дублинского пригорода, превращенного правительством в зону боевых действий. И хотя события в книге происходят в Ирландии, они напоминают нам то, что ежедневно показывают в новостях.

Irish Examiner

Автор описывает свою воображаемую Ирландию текучей поэтической прозой, его фразы как будто вылеплены из пластилина. Неудивительно, что Линча сразу сравнивали с Кормаком Маккарти.

The Sunday Times (Ireland)

Захватывающе, блестяще написано… Виртуозный роман, напоминающий нам об извечной хрупкости демократии.

Literary Review

Проза Линча гудит от внутреннего напряжения… Да, это очередной роман-предупреждение о том, как легко утратить свободы, которые мы считаем само собой разумеющимися, однако величайшее достижение автора в том, что описываемые невероятные события выглядят абсолютно реальными.

Sunday Independent (Dublin)

Читатели, которые ценят в книгах хороший темп, будут в восторге: эта убедительная, страстная, актуальная притча о беженцах адресована тем, кто пытается понять, каково простому гражданину оставить родину.

Strong Words

Есть множество выдающихся авторов, чей взгляд непринужденно пронизывает бесконечность, и главные из них — Вирджиния Вулф, Кафка, Борхес, Клариси Лиспектор. Хотя для меня Мелвилл, Достоевский, Фолкнер, Джозеф Конрад

и Кормак Маккарти тоже ведут многосторонний диалог сквозь время. По видовой принадлежности этих писателей следовало бы назвать космическими реалистами. Ибо их отличает космический взгляд, способность всмотреться с высоты в человеческую муку, смятение и величие, удерживать в поле зрения не только стол, стулья и застольную беседу, но и фундаментальную странность нашего бытия — бесконечные пространства, которые нас окружают, вечные истины, которые формируют нас на протяжении веков. Взгляд этих писателей проникает в самые дальние уголки реальности и в самую суть того, чем мы являемся. Тайны мира остаются непознаваемыми, но космический писатель берет на себя труд стать их толкователем.

Пол Линч

* * *

Анне, Эмили и Эллиоту

Что было, то и будет;
и что делалось, то и будет делаться,
и нет ничего нового под солнцем.

Екк. 1: 9

В темные времена
Тоже будет пение?
Да, будет и пение.
О темных временах.

Бертольт Брехт.
Свендборгские стихотворения

Глава 1

1

Снаружи стемнело, и, стоя у окна в сад, она не услышала стука. Как беззвучно тьма вбирает в себя вишневые деревья. Вбирает последние листья, и листья шепчутся, но не сопротивляются. Она устала, день прожит, оставшаяся рутина перед сном, дети устроились в гостиной, и это чувство, что можешь немного передохнуть, стоя у стекла. Смотришь в темнеющий сад и хочешь слиться с тьмой, выйти из дома и улечься с ней рядом, лежать вместе с опавшими листьями, и

пусть ночь идет себе, а с рассветом проснуться обновленной навстречу утру. Вот только этот стук. Она слышит, как он входит в ее мысли, резкий, настойчивый, кто-то не жалеет дверного молотка, и это заставляет ее нахмуриться. Вот и Бейли тоже стучит в стеклянную дверь кухни, зовет ее, показывает в сторону прихожей, не отрываясь от экрана. Айлиш видит, как ее тело движется в направлении прихожей с малышом на руках, открывает входную дверь, за стеклом на крыльце двое мужчин, и во тьме почти не разглядеть их лиц. Айлиш включает свет на крыльце, и по позам мужчин сразу можно понять, откуда такие берутся, она распахивает дверь, и кажется, будто холодный ночной воздух вздыхает, тишина пригорода, дождь почти беззвучно поливает улицу Сент-Лоуренс, черный автомобиль, припаркованный перед домом. Как им удается нести в себе это ощущение ночи. Айлиш наблюдает за мужчинами, чувствуя свою защищенность, тот, что слева, помоложе, спрашивает, дома ли муж, и что-то в его отстраненном, но пристальном взгляде словно пытается проникнуть внутрь Айлиш и там зацепиться. Она успевает мельком оглядеть улицу, замечая одинокого собачника под зонтом, ивы, кивающие в такт дождю, мельтешение

большого телеэкрана в доме Зэйджеков через дорогу. Отмечает, почти со смехом, универсальное чувство вины, которое невольно испытываешь, когда полиция стучится в твою дверь. Бен начинает извиваться у нее на руках, тот, что справа, в штатском, постарше, смотрит на ребенка, лицо как будто смягчается, поэтому она обращается к нему. Айлиш видит, он сам отец, такое не скроешь, тот второй слишком молод, слишком опрятен, крепкая кость, она начинает говорить, голос неожиданно садится. Муж скоро будет дома, примерно через час, хотите, я ему позвоню? Нет, в этом нет необходимости, миссис Стэк, когда он вернется, не могли бы вы попросить его при первой возможности нам перезвонить, вот моя визитка. Пожалуйста, зовите меня Айлиш, могу ли я чем-нибудь помочь? Боюсь, что нет, миссис Стэк, у нас дело к вашему мужу. Тот, что постарше, в штатском, широко улыбается малышу, она замечает морщины вокруг его рта, в лице больше нет угрюмой серьезности, неподходящее выражение для работы. Не волнуйтесь, миссис Стэк. С чего бы мне волноваться, гарда? И то верно, миссис Стэк, мы больше не хотим отнимать ваше время, разве мы недостаточно намокли, пока стучались, теперь, чтобы обсохнуть, придется

включать в машине печку. Она закрывает дверь на крыльцо, сжимая в руке карточку, наблюдая, как мужчины идут к автомобилю, как автомобиль двигается с места, тормозит на перекрестке, задние фары вспыхивают, словно два глаза. Еще раз окидывает взглядом улицу, которая снова затихает, ее обдает жаром из прихожей, когда она заходит и закрывает за собой дверь, Айлиш замирает, изучая визитку, и ловит себя на том, что стоит, затаив дыхание. Это чувство, как будто что-то вошло в дом, ей хочется положить ребенка, остановиться и подумать, вспоминая, как нечто стояло рядом с чужими мужчинами на пороге, а после свободно зашло в прихожую, что-то бесформенное, но явственно ощутимое. Айлиш чувствует, как оно крадется с ней рядом, когда она пересекает гостиную, Молли сжимает пульт над головой Бейли, тот пытается его перехватить и с умоляющим видом смотрит на мать. Мам, скажи ей, чтобы не переключала мою программу. Айлиш закрывает за собой кухонную дверь, усаживает малыша в детское креслице, хочет убрать со стола ноутбук и дневник, но замирает, закрывает глаза. Ощущение чужого присутствия никуда не делось. Она смотрит на телефон, берет его со стола, рука медлит над экраном, затем шлет

Ларри сообщение, и Айлиш снова оказывается перед окном. Сад, окутанный тьмой, уже не кажется желанным, что-то из этой тьмы вползло в дом.

Ларри Стэк расхаживает по гостиной с визиткой в руке. Он хмуро смотрит на визитку, кладет ее на журнальный столик, качает головой, откидывается в кресле, рука теребит бородку, пока жена молча наблюдает за ним, привычно оценивая, в определенном возрасте мужчина начинает отращивать бороду не для того, чтобы казаться старше, а напротив, подчеркивая, что молодость осталась позади, и сейчас Айлиш с трудом вспоминает его бритым. Наблюдает, как его ноги шарят в поисках тапочек, лицо немного разглаживается, когда он откидывается на спинку кресла, и, пока брови не сходятся на переносице и хмурая гримаса не расползается по его лицу, можно решить, что Ларри думает о чем-то другом. Он наклоняется, подбирает визитку со стола и говорит: скорее всего, ничего особенного. Она укачивает ребенка, пристально вглядываясь в него. Что значит «ничего особенного», Ларри? Он вздыхает, проводит по губам тылом кисти, встает с кресла, начинает шарить по столику. Куда делась газета? Ходит по комнате, ищет и не находит, вероятно, уже не газету, а что-то в глубине своих мыслей. Затем оборачивается, смотрит на жену, кормящую грудью, этот образ, который есть сама жизнь, настолько не вяжется

со злым умыслом, что его начинает отпускать. Он подходит к Айлиш, протягивает к ней руку, но отдергивает, когда их взгляды встречаются. Государственная служба национальной безопасности, говорит она, ГСНБ, это не простые ребята, не полицейский инспектор у твоей двери, что им от тебя надо? Он показывает на потолок: ты когда-нибудь научишься говорить тише? Заходит на кухню, пожевывая губу, берет с сушилки стакан, переворачивает, открывает кран, глядя во тьму мимо своего отражения, вишневые деревья стали совсем трухлявые, того и гляди упадут следующей весной. Ларри делает большой глоток, возвращается в гостиную. Послушай, говорит он, почти бессознательно понижая голос до шепота. Я уверен, беспокоиться не о чем. И пока он говорит, уверенность утекает сквозь пальцы, как будто он вылил стакан воды в подставленные ладони. Айлиш наблюдает, как муж снова растекается в кресле, машинально переключая каналы. Он поворачивается, замечает, что пригвожден ее взглядом, наклоняется вперед, вздыхает, тянет себя за бородку, словно хочет сдернуть ее с лица. Послушай, Айлиш, ты же знаешь, как они работают, чего добиваются, они собирают информацию, но скрытно, и рано или

поздно тебе придется выложить им то, чего они хотят, не сомневаюсь, они копают под какого-то учителя, естественно, что им захотелось обсудить это со мной, предупредить, возможно, перед тем, как арестовать его, послушай, я позвоню завтра или послезавтра и узнаю, что им нужно. Она разглядывает его лицо, ощущая внутри пустоту, разум и тело жаждут забыться сном, сейчас она поднимется и переоденется, считая часы до следующей кормежки младенца. Ларри, произносит она, и он отшатывается, как будто она пропустила ток через его руку. Они просили перезвонить при первой возможности, перезвони им сейчас, номер на визитке, докажи, что тебе нечего скрывать. Он хмурится, медленно вдыхает, словно примеряется к неизбежному, разворачивается и смотрит ей прямо в лицо суженными от гнева глазами. Что значит нечего скрывать? Ты знаешь, что я имею в виду. Нет, не знаю. Ларри, это просто фигура речи, пожалуйста, перезвони им сейчас. Почему ты всегда все усложняешь, я не собираюсь звонить им в такой час. Ларри, пожалуйста, сделай это сейчас, я не желаю, чтобы ГСНБ толпились у нашей двери, ты же знаешь, что происходит в последние месяцы. Ларри подается вперед, словно ему тяжело встать с кресла,

хмурится, затем подходит и забирает ребенка у нее из рук. Айлиш, пожалуйста, выслушай меня, нельзя терять лицо, они знают, я человек занятой, заместитель генерального секретаря ирландского учительского профсоюза, и я не собираюсь плясать под их дудку. Все это прекрасно, Ларри, но почему они явились к нам домой в такой час, вместо того чтобы днем заглянуть к тебе в офис? Послушай, любимая, я перезвоню им завтра или послезавтра, может быть, оставим это до утра? Его тело стоит перед ней, но глаза обращены к телеэкрану. Уже девять, говорит он, я хочу посмотреть новости, и кстати, где это шляется Марк? Она оглядывается на дверь, рука сна обнимает ее за талию, она шагает навстречу Ларри и принимает ребенка из его рук. Понятия не имею, я перестала следить за его перемещениями, вечером у него была тренировка по футболу, и, вероятно, он поужинал у друга или пошел к Саманте, в последнее время они неразлучны, не понимаю, что он в ней находит.

Сидя за рулем, он злится на самого себя, его разум мечется, ища, к чему прислониться, но Ларри понимает, что прислониться не к чему. Голос в трубке был таким деловым, почти вежливым, прошу извинения за поздний час, мистер Стэк, мы не отнимем у вас много времени. Он паркуется за углом от участка «Гарда Шихана»[1] на Кевин-стрит, размышляя о том, какой эта дорога была раньше, уж точно куда более оживленной, за последнее время город заметно притих. Неосознанно сжав зубы, он подходит к стойке и открывает рот для дежурной улыбки, думая о детях, Бейли наверняка вычислит, что он выходил, мимо этого мальчишки и муха не пролетит. Ларри разглядывает бледную веснушчатую руку дежурного офицера, который неслышно докладывает в трубку. Его встречает молодой детектив, худощавый и бойкий, в рубашке и галстуке, на восковом лице собранность и деловитость, судя по голосу, тот самый, что говорил с ним по телефону. Спасибо, что зашли, мистер Стэк, следуйте за мной, сделаем все возможное, чтобы поскорее

[1] Примечания: 1

«Гарда Шихана» (An Garda Síochána na hÉireann, *букв.* «Стража мира Ирландии») — национальная полицейская служба и служба безопасности Республики Ирландия; к сотрудникам службы обращаются «гарда». — *Здесь и далее примеч. перев.*

вас отпустить. Он поднимается по железной лестнице и идет по коридору с закрытыми дверями, прежде чем его заводят в комнату для допросов с серыми стульями и серыми стенами, все выглядит новехоньким, дверь закрывается, и Ларри оставляют одного. Он садится и разглядывает свои руки. Читает с экрана телефона, встает, принимается расхаживать по комнате, размышляя, что его заставляют играть на чужом поле, проявляют неуважение, уже почти одиннадцать вечера. Когда они входят, он разводит руками, медленно подвигает стул и садится, наблюдая за прежним худощавым офицером и другим, начинающим полнеть мужчиной его лет, кружка у него в руке вся в потеках от кофе. Новенький разглядывает Ларри Стэка с легким намеком на улыбку, впрочем, возможно, это природное добродушие прячется в морщинах у рта. Добрый вечер, мистер Стэк, я инспектор Стэмп, а это детектив Берк, чай или кофе? Ларри смотрит на грязную кружку, жестом отказывается и ловит себя на том, что изучает лицо собеседника, вспоминая знакомые черты. А ведь я вас раньше встречал, в Дублине, вы играли в полузащите за Университетский клуб, вполне могли выходить на одно поле, Гэльский футбольный клуб, мы

были лучшими в тот год и вас просто раскатали. Детектив пристально вглядывается в его лицо, морщины вокруг рта разглаживаются, глаза стекленеют, в комнате повисает непроницаемая тишина. Он говорит, не удосужившись покачать головой. Не понимаю, о чем вы. Вслушиваясь в звук собственного голоса, Ларри оценивает его будто со стороны, словно видит себя через стол или в дверной глазок — другого способа заглянуть в комнату нет, никакого одностороннего зеркала, как показывают в кино. И он слышит в своем голосе фальшь, ненужную развязность. Это точно были вы, в полузащите, я противников не забываю. Офицер прихлебывает из кружки, размазывая кофе по зубам, пристально изучая Ларри, пока тот не опускает глаза и начинает водить пальцем по царапинам на столешнице, затем снова смотрит на инспектора. Лицевые кости крупные — было куда нарастить жирок, но взгляд остался прежним. Послушайте, я хочу поскорее с этим покончить, мне давно пора домой, к семье, время позднее, скажите, чем я могу помочь? Детектив Берк поднимает руку. Мистер Стэк, мы знаем, вы человек занятой, поэтому ценим возможность побеседовать с вами, к нам поступило весьма серьезное заявление, и оно

касается непосредственно вас. Ларри Стэк замечает, как мужчины обмениваются взглядами, и у него пересыхает во рту. В комнате какое-то движение, теперь он это чувствует, на миг замирает, поднимает глаза к потолку и видит подвесной светильник, мотылек неистово бьется в стекло, янтарный купол нечист и заполнен трупами мертвых насекомых. Детектив Берк открывает папку, и Ларри Стэк видит бескровные руки священника, на столе отпечатанный лист бумаги. Ларри начинает читать, медленно моргает, прикусывает губу. За дверью шаги по длинному коридору — возникли и стихли. Он слышит приглушенное биение мотылька, и на мгновение внутри что-то сжимается. Поднимает глаза и видит, как детектив Берк наблюдает за ним через стол, такое ощущение, будто он обладает способностью проникать в чужие мысли и выпускать наружу то, чего там нет. Ларри смотрит на инспектора, теперь разглядывающего его не таясь, откашливается и пытается улыбнуться обоим полицейским сразу. Офицеры, вы же меня разыгрываете? Он смотрит на них, чувствуя, как улыбка сползает с губ, оказывается, он схватил лист со стола и размахивает им в воздухе. Но это же чистое безумие, подождите, об этом узнает

генеральный секретарь, и не сомневайтесь, она дойдет до самого министра! Молодой детектив энергично кашляет в кулак, смотрит на инспектора, который улыбается и начинает говорить. Как вам известно, мистер Стэк, сейчас, в трудные для государства времена, мы обязаны серьезно относиться к подобного рода обвинениям… Черт подери, да что вы несете? Никакое это не обвинение, это полная бессмыслица, вы подменяете понятия, да вы сами это и напечатали! Мистер Стэк, вы, без сомнения, слышали про закон о чрезвычайных полномочиях, вступивший в силу с сентября этого года в ответ на продолжающийся кризис, который переживает государство, так вот, этот закон ради обеспечения общественного порядка предоставляет ГСНБ дополнительные ресурсы и полномочия, стало быть, мы действуем в соответствии с законом, вы же ведете себя как человек, разжигающий ненависть к государству, сеющий беспорядки и раздор, и, если последствия ваших действий нарушают стабильность на государственном уровне, у нас есть только два варианта: либо вы агент, действующий вразрез с государственными интересами, либо не осознаете своих поступков, однако в любом случае, мистер Стэк, подобное поведение на руку врагам

государства, и поэтому мы настоятельно советуем вам обратиться к вашей совести и убедиться, что она чиста. Ларри Стэк долго молчит, невидящими глазами упершись в лист бумаги, затем откашливается, стискивает руки. Если я правильно вас понимаю, вам нужны доказательства, что в моих действиях нет ничего крамольного? Все верно, мистер Стэк. Но как мне это доказать, если я просто выполняю свою профсоюзную работу, используя право, предоставленное конституцией? Все в ваших руках, мистер Стэк, в противном случае мы можем решить, что ваше дело требует дальнейшего расследования, и тогда от вас уже ничего не будет зависеть, мы сами сделаем выводы. Ларри ловит себя на том, что вскочил со стула и упирается в стол костяшками пальцев. В лице офицера он видит чуждую волю, понимает, что его привели сюда, чтобы сломить в угоду ей — воле, обладающей безусловной властью обращать «да» в «нет», а «нет» в «да». Я хочу внести ясность, говорит он, министр скоро об этом узнает, так что ждите неприятностей, вы не можете препятствовать профсоюзам осуществлять свою деятельность, у учителей в этой стране еще есть право вести переговоры об улучшении условий труда и устраивать мирные демонстрации, это

не имеет никакого соотношения к так называемому кризису, переживаемому государством, а теперь, если не возражаете, я ухожу домой. Второй офицер медленно открывает рот, и Ларри почти уверен, что видит это своими глазами, он продолжает думать об этом, идя к машине, где долго сидит, разглядывая свои трясущиеся на коленях руки. Ему показалось, будто изо рта полицейского выпорхнул мотылек.

Бена в ясли, остальных — в школу. Молли в наушниках соскальзывает с переднего сиденья «турана», Бейли хлопает задней дверцей, Айлиш наблюдает, как он стоит напротив покрытого каплями стекла, натягивая капюшон парки. Она выезжает на дорогу, когда рука стучит в стекло, Молли просит ее остановиться, дверца открывается, дочь хватает спортивную сумку с пола и исчезает. В зимнем свете, в холодном ноябрьском мареве Айлиш на автомате движется в потоке машин, ощущая внутри опустошение, отдыхая на красном, видит перед собой не новый день, а то, как он опять пройдет бесследно, очередной день, забытый и поглощенный молчаливым подсчетом дней, видит себя за работой, уже не мечтая о карьере, — настоящий микробиолог часами не отходит от лабораторного стола в поисках доказательств, сверяя гипотезу с реальностью, с собственными домыслами, находя в результате ответ, истинный или ложный. Теперь она целыми днями сидит на телефоне, проверяет электронную почту, уже не ученый, но управленец без белого халата, руководит персоналом, скучает во время совещаний, задает неверные вопросы. Айлиш садится за стол, читает электронную почту, переносит встречу на половину

шестого. Берет телефон и звонит Ларри. Ты заполнил анкеты на паспорта, как я просила? Слушай, любимая, я еще немного не в себе, никак не могу выбросить все это из головы. Он говорит так, словно, пока он спал, из него выпустили воздух и, проснувшись, он обнаружил, что сдулся, как он сидел на краю кровати, уставившись в пол. Ты рассказал на работе? Мгновение она слушает, как он разговаривает с коллегой, прикрыв трубку рукой. Я оставил их на столе наверху. Что ты оставил на столе наверху? Анкеты на паспорта. Ларри, ты должен позвонить Шону Уоллесу, чрезвычайные полномочия или нет, в этой стране еще действуют конституционные права. Я хочу лично переговорить с генеральным секретарем, но она подхватила вирус. Скажи, Шон еще мутит с той молоденькой? Шон по уши увяз в суде над Фицджеральдом, не хочу его отвлекать, кто сегодня готовит ужин? И все же тебе следует ему позвонить, сегодня твоя очередь. Отлично, у меня встреча в половине седьмого, но я не в настроении, поэтому отменю. Ларри. Что, любимая? Нет, ничего, вчера я купила немного фарша, можешь сделать бургеры, ладно, мне некогда. Она заканчивает разговор и некоторое время сидит с телефоном в руке, одолеваемая

дурным предчувствием. Смотрит на трубку и возвращается к вызову, отслеживая свой голос в его телефоне, сигнал ретранслируется на мобильный Ларри, подхватывается и передается через сетевой передатчик. Внезапно она слышит собственный голос, как будто из другой комнаты. Чрезвычайные полномочия или нет, в этой стране еще действуют конституционные права. Внезапно она холодеет, резко встает и направляется к кухне, размышляя, в других странах — возможно, но не у нас, здесь такое не принято, ни «Гарда Шихана», ни государству не разрешена прослушка, общество возмутится. Она думает о черном автомобиле, припаркованном рядом с ее домом, о ГСНБ, вспоминает шепотки о том, что творится, и, шагая на кухню, на миг забывает, куда идет. Пол Фелснер, новый менеджер по работе с иностранными клиентами, стоит у кофемашины и теребит манжету. С мягким хлопком машина перестает жужжать, он оборачивается и улыбается одним ртом, не глазами. О, Айлиш, хорошо, что я вас застал, вы не ответили на мое голосовое сообщение, им пришлось перенести видеоконференцию с «Асакуки» на шесть вечера. Ей кажется, в его лице есть что-то фальшивое, глаза должны быть темными, а они зеленые, и

она ловит себя на том, что разглядывает ободок значка у него на лацкане, Партия национального единства, ПНЕ, новый государственный символ. Смотрит на его руки, замечая, что они несколько маловаты. Надо же, пропустила, говорит она, боюсь, принять участие не смогу, но спасибо, что предупредили.

Синяя лошадь на берегу, лошадь приближается к ней, скачет вдоль воды, и Айлиш не помнит, сколько ей тогда было лет, лошадь скачет, залитая светом, внизу в прихожей звонит телефон, и Айлиш выныривает из сна, оказываясь в спальне. Ларри сидит на краю постели и трет глаза. Бога ради, шепчет она, четверть второго, кому придет в голову звонить в такой час. Надеюсь, говорит он, это не твоя сестра. Наклоняется вперед, шагает к двери, протягивает руку к тени, которая распахивается, обращаясь халатом. Шлепанье тапочек по лестнице, пока она лежит, прислушиваясь к дыханию Бена в кроватке, приглушенному кашлю из спальни мальчиков. Тихий голос Ларри поднимается наверх, проникает в спальню, но ничего не разобрать, и она гадает, кто бы это мог быть, думая о сестре Айне из Торонто, это случилось много лет назад, мне так жаль, сестренка, перепутала часовые пояса, немного перебрала. Айлиш закрывает глаза, ищет синюю лошадь на берегу, роется в памяти, сколько тогда тебе было лет? Зима, небо низко нависает над морем, она касается пятками лошадиных боков, чувствуя, как внутри подрагивают мощные мышцы, вес Ларри придавливает матрас рядом. Я уже начала засыпать. Он не отвечает, молча уставившись

в стену, словно наливаясь свинцом, переводит дыхание, она тянется к нему и сжимает его руку. Что случилось, Ларри? Включает лампу, садится на постели, видя, как в мягком свете муж превращается в ребенка, хмурый, недоуменный взгляд, он оборачивается и откашливается. Это была Кэрол Секстон, жена Джима, и по телефону она еле сдерживалась, вчера Джим ушел из офиса, но домой не вернулся. И это все, Ларри, а то я успела испугаться, что кто-то умер. Послушай, Айлиш, она сказала, они его забрали. Кто кого забрал? ГСНБ, кто ж еще. ГСНБ? Но это же бессмыслица, Ларри, что значит забрали? Ну, арестовали, задержали, кто-то видел, как его сажали на заднее сиденье автомобиля, но тому человеку в голову не пришло кому-то сообщить, жена узнала позже, когда начала всех обзванивать. Джим Секстон, этот пустомеля, да что он мог сделать? Айлиш, с тех пор о нем ни слуху ни духу. А профсоюзному адвокату он звонил, как там его? Майкл Гивен, нет, не звонил даже жене. Но нельзя же так просто взять и забрать кого-то, не предоставив право на защиту, есть же закон. Кэрол говорит, Майкл сейчас на Кевин-стрит, но они его не пускают, и он собирается до утра вернуться домой, похоже, туда нельзя дозвониться, у ГСНБ нет прямого но-

мера, не понимаю, почему никто из профсоюза не сообщил мне, какое-то безобразие. Такого просто не может быть. Ведь не может? На визитке того инспектора есть мобильный номер, ты же сам ему звонил, скажи мне, Ларри, что происходит? Не знаю, любимая, похоже, он в ярости. Кто в ярости? Майкл Гивен. Надо обязательно ему передать, я про визитку. Да, об этом я не подумал, сейчас найду, куда ты ее положила? На каминную полку в гостиной, потом подсунула под часы. Айлиш, Кэрол сказала, они допрашивали его на прошлой неделе, сказали, что против него выдвинуто обвинение, а он просто посмеялся над ними, ну, ты знаешь Джима, очевидно, когда на вопрос, арестован ли он, они ответили отрицательно, он дословно процитировал им раздел третий статьи 40.6.1 о праве граждан создавать союзы и объединения, старая гвардия, под его командой половина учителей Лейнстера, готовых загрузиться в автобусы и рвануть в город, если забастовка продолжится. Ее рука шарит по тумбочке, она, не глядя, берет стакан и делает глоток. Ларри, какие конституционные права они могут приостановить в соответствии с этими чрезвычайными полномочиями? Не знаю, не думаю, что основные, не настолько, любой арест

все еще регулируется законом, но какой закон, когда творится такое, послушай, не надо пока, не рассказывай детям. Ларри, сейчас ты все равно ничем не поможешь, ложись спать.

Она стоит, разглядывая отцовский сад. Старые воспоминания шуршат мокрыми листьями, раскачиваются на канате, толпятся в кустах, голоса зовут из прошлого, ты готова, а вот и я. Смотрит, как ясень, посаженный отцом на ее десятый день рождения, высится над узким участком. Бейли бродит по высокой траве, пиная листья, а Молли снимает зимующие растения на телефон. Айлиш отворачивается от стола, за которым, уткнувшись в газету, сидит отец, Бен спит в автокресле у ее ног. Берет со стола две кружки, заглядывает внутрь, проводит пальцем по ободку. Пап, только посмотри на них, почему ты не пользуешься посудомойкой, надо надевать очки, когда моешь посуду. Саймон не отрывает глаз от газеты. Я и сейчас в очках, говорит он. А надо надевать их, когда моешь посуду, смотри, чашки все в разводах. Вини во всем ту бесполезную женщину, которая приходит убираться, когда была жива твоя мать, в этом доме не было ни одной грязной чашки. Наблюдая за ним сейчас, Айлиш погружается в детство, видит отца таким, каким он был, с ястребиным носом и живым пристальным взглядом, а теперь он съежился в кресле, спина горбатится под шерстяным кардиганом, хрупкие косточки выпирают сквозь бумажную кожу

рук. Саймон складывает газеты, наливает себе чай, барабанит пальцами по столу, и зачем я до сих пор это читаю, сплошная ложь. Она берет газету и начинает заполнять клетки кроссворда. Его пальцы уже не барабанят по столу, и, даже не смотря на отца, Айлиш чувствует, что он ее разглядывает, но, когда она поднимает глаза, Саймон хмурится. Кто там в саду с Айлиш? Она выглядывает наружу, поворачивается к отцу, берет его за руку. Пап, там Бейли, а с ним Молли, а я тут, рядом с тобой. На его лице появляется растерянное выражение, он моргает и отмахивается от нее, отодвигая стул. Конечно, говорит он, но она вечно дуется, совсем как ты, не то что твоя сестра. Теперь Айлиш смотрит на отца с горькой улыбкой. Значит, мы обе пошли в тебя, говорит она. Айлиш наблюдает за Молли со стороны, видя себя в том же теле, часы в прихожей, заведенные для боя, три раза бьют из ее детства. Да все с ней в порядке, говорит она, девочке четырнадцать, переходный возраст, сама такой была. Она возвращается к кроссворду. Знаки отличия, семь букв, пятая «л». Саймон произносит «регалии», как будто слово вертелось у него на языке. Она смотрит ему в лицо, радуясь за него, на его шее проступают вены, глаза прячутся под набрякши-

ми веками, но разум расправляет крылья. Она наливает себе чай, размышляя, стоит ли ему говорить, наблюдая за хрупким тонкокостным Бейли, а вот Марк такой же мускулистый, как его отец. Айлиш поднимает глаза и говорит: у Ларри на работе проблемы, правительство не хочет, чтобы учительский профсоюз объявлял забастовку, они вызывали его на беседу и почти угрожали, пап, ты можешь в это поверить? Кто вызывал? ГСНБ. Саймон разворачивается и молча смотрит на дочь, затем качает головой и опускает глаза. Ларри следует вести себя осторожнее с этими молодчиками, ГСНБ, когда Партия национального единства пришла к власти и основала их вместо Особого уголовного отдела, неделю все возмущались, потом перестали, и я не сомневаюсь, людей заставили замолчать, до сих пор в стране не было тайной полиции. Пап, они схватили районного лидера в Лейнстере, ни звонка, ни адвоката, его арестовали, профсоюз пытается поднять шум, но ГСНБ молчит. Когда это случилось? Во вторник вечером… Молли кричит, и они, обернувшись, видят, как она извивается, отбиваясь руками, а Бейли повис на старом канате, обхватив ногами сестру. Внезапный пронзительный взгляд отца. Скажи, ты веришь в реальность? Пап, что

ты хочешь этим сказать? Это простой вопрос, у тебя ученая степень, ты должна понимать, что я хочу сказать. Теперь понимаю, но избавь меня от твоих лекций. На мгновение он отводит глаза, разглядывая старый буфет, заваленный пожелтевшими газетами, политическими журналами, и обнажает зубы в фирменной улыбке. Мы оба ученые, Айлиш, мы принадлежим традиции, но традиция — это то, о чем все давно договорились: ученые, учителя, институции, — и, заполучив институции, ты получаешь власть над фактами, ты можешь менять структуру ценностей, менять прежние договоренности, и да, они делают именно это. Айлиш, все очень просто: ПНЕ пытается изменить то, что мы с тобой называем реальностью, они мутят реальность, как воду, если ты называешь черное белым и делаешь это достаточно долго, черное становится белым, если ты повторяешь это снова и снова, люди начинают принимать твои слова за чистую монету — старая идея, просто теперь это происходит у вас перед глазами, а не в книгах. Она наблюдает, как взгляд Саймона блуждает, пытается проникнуть в его мысли, рука с пигментными пятнами достает из кармана брюк смятый носовой платок, он сморкается, сует платок в карман. Разумеется,

рано или поздно реальность даст о себе знать, вы можете временно присвоить ее себе, но она молча и терпеливо ждет, чтобы выставить цену и уравнять чаши весов… Бен лопочет, таращит глазки. Начинает реветь, и Айлиш отодвигает стул, цыкает на младенца, поднимает и прикладывает его к груди под шарфом. Она тоскует по прежней беззаботности, хочет позвать детей в дом, собрать вокруг, но вместо беззаботности ощущает темноту, и темная зона расширяется. Айлиш втягивает воздух, выдыхает, пытается улыбнуться. Мы определились с пасхальными каникулами, погостим у Айне и ее банды, затем еще недельку поколесим по округе, может быть, доберемся до Ниагарского водопада, поездим по окрестностям Торонто, покажем детям местные красоты. Взгляд Саймона блуждает, и она не уверена, что он ее слушает. Он поднимает руки со стола, пристально их разглядывает, снова опускает и смотрит на дочь. Возможно, замечает Саймон, вам следует подумать о переезде в Канаду. Айлиш отнимает ребенка от груди, встает со стула и смотрит на Саймона сверху вниз. Папа, о чем ты? Я говорю, что слишком стар для таких дел, но дети легко адаптируются, у них будет время начать все с нуля, освоить местный акцент.

Бога ради, папа, вдумайся, о чем ты говоришь, ты преувеличиваешь, а как же моя карьера, работа Ларри, школа, а еще хоккей Молли, в этом году они намерены выиграть чемпионат девичьей юниорской лиги Лейнстера и уже впереди на девять очков, Марк в выпускном классе, а за тобой кто будет присматривать, если ты даже кружки толком помыть не можешь, миссис Тафт приходит раз в неделю, а если ты упадешь и сломаешь шейку бедра, что тогда?

Зимние ливни, слякоть, холод, сменяющие друг друга дни цепенеют под дождем, который как будто маскирует течение времени, один безликий день за другим, пока зима окончательно не вступит в свои права. Странный, неспокойный дух витает в доме. Он вполз вместе с двумя мужчинами, которые как-то вечером постучались к ним в дверь, распространился по всему дому, и теперь кажется, будто что-то подтачивает крепкие семейные узы. Ларри работает допоздна, по утрам он раздражителен и угрюм, двигается с какой-то тихой внутренней яростью, его руки напряжены, тело сжато, словно снаружи на него давит какая-то неодолимая сила. Теперь он так часто возвращается домой поздно, что Айлиш привыкла наблюдать за ним сквозь жалюзи и опускает их, чтобы не быть замеченной, словно какая-то старая перечница, любительница подсматривать за соседями, и потом встретить мужа в прихожей. Ты должен был отвезти Молли на тренировку, Ларри, мне снова пришлось отменить видеоконференцию с партнерами, а ведь я только что вернулась на работу после декретного. Он стоит у двери, стянув ботинок наполовину, опускает глаза, словно побитый пес, встряхивает головой и смотрит ей прямо в глаза, и она ви-

дит, как он меняется, голос падает до сердитого шепота. Они пытаются нас разобщить, Айлиш, они распространяют внутри профсоюза лживые слухи, ты не поверишь, что я сегодня услышал… Голос прерывается, глаза снова утыкаются в пол. Я понял насчет Молли, прости, я сожалею. Он показывает ей маленький предоплаченный телефон, который называет одноразовым. У таких не отследишь номер, их невозможно прослушивать. Айлиш наблюдает за Ларри, думая о детях, которые слышат, как родители шепчутся в прихожей. Ты ведешь себя словно преступник, Ларри, похоже, Бейли подхватил вирус, он сейчас наверху… Муж поднимает руку, останавливая ее. Никакой я не преступник, это они пытаются разрушить профсоюз, арестовывают активистов без санкции и намерены продолжать в том же духе. Он проходит мимо нее в гостиную, оттуда — на кухню и закрывает дверь за собой. Через стекло Айлиш смотрит, как он кладет сумку на стул, подходит к раковине, моет руки, всматривается в тьму снаружи. Ей хочется подойти к нему, достучаться до разума внутри тела, до хорошего, гордого мужчины внутри разума, настойчивого, высоконравственного, преданного, в душе которого разгорается война против того, что не

поддается измерению. Айлиш размышляет о том, как в последнее время Ларри пытается от нее спрятаться, в конце концов, в стремлении к одиночеству все мужчины одинаковы, однажды она видела на стене такое граффити. Айлиш просовывает голову в дверь кухни. Ужинать будешь? Нет, отвечает он, я поздно обедал, может быть, потом перекушу. В гостиную входит Молли в респираторе, она уже продезинфицировала дверные ручки, краны и сливные бачки, оцепила спальню мальчиков скотчем и теперь отказывается есть за общим столом. Она не настроена слушать мать, которая объясняет, что так вирус не остановить, и Айлиш мысленно представляет, как вирус проникает в клетку носителя и размножается, бесшумная фабрика, невидимый враг, проникающий внутрь при вдохе. На следующее утро Молли и Марк заболевают, вслед за ними и Ларри, Айлиш радуется, что все дома, и даже Ларри, кажется, снова стал самим собой, смеется над тем, что у нее с малышом иммунитет, подтрунивает над Марком, который входит в гостиную нечесаный, уткнувшись носом в бумажный платок. Посмотри на себя, встреть я тебя на улице, ни за что бы не узнал. Марк спрашивает, никто, кроме папы, больше не будет кофе? Они соби-

раются посмотреть фильм, Марк возвращается с напитками, она разглядывает его долговязое крепкое тело, ему почти семнадцать, а ростом уже догнал отца. Двигайся ко мне, говорит Марк, усаживаясь рядом и кладя руку ей на плечо, и она не может вспомнить, когда в последний раз они вот так собирались дома все вместе: Молли свернулась калачиком сбоку, Бейли в кресле-груше ест ложкой мороженое, Ларри сидит перед телевизором, Бен спит у нее на коленях. Да ладно вам, говорит Марк, сколько можно смотреть эту сентиментальную чушь? А мне нравится, возражает Бейли, и мне, и мне, соглашается Молли, это так мило, напомни, мам, как вы встретились с папой? Ларри смеется, Марк стонет, сколько можно, ты забыла, что наш папа — великий романтик и ему пришлось месяцами гоняться за мамой с сачком? Неправда, говорит Айлиш, улыбаясь Ларри. Не совсем правда, поправляет Ларри, разумеется, я романтик, этого у меня не отнять, но я использовал мешок из-под картошки. Когда Бен просыпается у нее на коленях, Айлиш всматривается в него, пытаясь разглядеть мужчину, которым он когда-нибудь станет, хотя и Марк, и Бейли успели доказать ошибочность утверждения, что от осинки не родятся апельсинки, так

что Бен непременно будет сам себе голова. И все же она ищет в Бене сходство с Ларри, надеясь, что он будет похож на отца, зная, что все мальчишки вырастают и убегают из дома, чтобы разрушить этот мир, притворяясь, будто хотят создать его, и что так устроено природой.

Малыш просыпается с криком, словно пробуждение потрясло его, и Айлиш всплывает на поверхность сна, пока сон не разбивается о темноту спальни. Она шарит ногой по половине кровати, на которой спит Ларри, но кровать холодна. Поднимает ребенка из кроватки, прикладывает к груди, маленький ротик жадно глотает, маленькая ручка теребит ее плоть. Она протягивает Бену палец, и он вцепляется в него с такой слабенькой мощью, что Айлиш начинает понимать этот врожденный ужас, ребенок цепляется за ее палец, словно от этого зависит его существование, словно только мать привязывает его к жизни. Птичий щебет прогоняет тишину, когда она одевается и спускается по лестнице с Беном на руках. Внизу Ларри сидит в темноте, лицо освещено экраном ноутбука. Он не слышит ее приближения, поэтому Айлиш разглядывает его, не таясь, — печальное усталое лицо, немигающая сосредоточенность. Она тянется к выключателю, он поднимает глаза, вздыхает, затем улыбается, жестом просит передать ребенка ему, ставит Бена к себе на колени, позволяя малышу почувствовать свой вес. Он проспал всю ночь? Не хотел его будить, почему ты так рано встала? Могу спросить то же самое, Ларри, ты выглядишь так,

словно совсем не ложился. Ларри подносит Бена к своему носу. Только посмотри на себя, малыш, только недавно ты застал нас врасплох, а скоро тебя уже отнимут от груди. Скрестив руки, она стоит перед кофеваркой, затем разворачивается и всматривается в лицо Ларри — напряженно, будто в лицо чужака, красные от недосыпания глаза, всклокоченные волосы, видавший виды жилет в елочку поверх шерстяного свитера, какое-то мгновение она сравнивает себя с ним, он состарился быстрее, это правда, борода уже наполовину седая. Внезапно она осознает, что не может вспомнить, как Ларри выглядел раньше, клетки обновляются и быстро, и медленно, начинаете вы с одним телом, но со временем тело становится другим, Ларри тот же и одновременно другой, только глаза никогда не меняются. Айлиш забирает у него Бена и пристально смотрит на мужа. Еще не поздно, говорит она. Он поднимает глаза, начиная хмуриться. Не поздно что? В той игре, в которую вы играете с правительством, еще можно остановиться. Мгновение он молчит, затем вздыхает, закрывает ноутбук, убирает его в кожаный чехол и встает. Бога ради, Айлиш, колеса пришли в движение, от такого нельзя просто взять и отказаться, для профсоюза это станет

позором, учителя начнут уходить от нас толпами, марш должен пройти. Да, Ларри, но Элисон О'Райли до сих пор не вышла на работу, спрашивается, почему? Муж говорит, у нее грипп. Что это за грипп такой, который длится три недели? Да, понимаю, это кажется немного странным, слушай, мне нужно выйти пораньше, у меня брифинг… она отворачивается, разглядывает мокрый сад в темноте, все затянуто влажным маревом, деревья съежились от холода. Не оборачиваясь, она ощущает противостояние его воли, их воли сцепились в молчаливом поединке, кружат, захват, расходятся, потирая синяки и ушибы. Ларри идет в гостиную, останавливается, прошлой ночью умерла мать Мэри О'Коннор, я получил сообщение незадолго до полуночи, ей было девяносто четыре, последняя из титанов, если и были когда-то титаны. Айлиш качает головой и усаживает Бена в креслице. В свое время она никому не давала спуску, когда похороны? В субботу утром, в церкви Трех святых покровителей. Она подходит к мужу, почему именно в субботу, сжимает его запястье. Ларри, Элисон О'Райли не больна, и тебе это известно. Айлиш, у тебя нет доказательств. С ГСНБ лучше не связываться, Ларри, если ты откроешь эту дверь, ты не будешь знать, что ждет

по ту сторону. Послушай, Айлиш, тебе нужно успокоиться, ГСНБ — не Штази, они просто давят на нас, создают нам помехи, чтобы заставить отступиться, нас пятнадцать тысяч, правительство нервничает, но вот увидишь, остановить демократический марш протеста они не осмелятся. Теперь она достаточно близко, чтобы разглядеть пятна на радужке его глаз, приглушенные оттенки красного и янтарного, рисунок разный. Скажи мне, Ларри, где сейчас Джим Секстон? Он моргает, хмурится и отворачивается. Хватит, Айлиш… Ларри мотает головой, берет портфель, идет через гостиную, но до прихожей не доходит. Она слышит, как он неподвижно стоит, затем с долгим вздохом садится в кресло. На мгновение ее чувства переполняются, Айлиш снова выглядывает в окно, стволы отливают свинцом, как быстро рассветает, на листья падает серый свет, стрекочут сороки, различимые лишь силуэтами. Это острое покалывание в ладонях, когда она входит в гостиную и видит, как Ларри неподвижно сидит в кресле и словно разглядывает некую мысль. Он поднимает глаза, качает головой и говорит, может быть, ты и права, Айлиш, сейчас не время, продолжать сейчас — безумие, я позвоню им и скажу, что заболел. Она шагает к

нему, чувствуя, что победила, глядя на него сверху вниз. Хочет заговорить, но тут внутри что-то высвобождается — сорока-обманщица взмывает в небо, — и она останавливается, качая головой. Нет, назад пути нет, дело больше не в тебе или во мне, ПНЕ, похоже, решили, что закон им не писан, все понимают, что их чрезвычайные полномочия — просто захват власти, кто отстоит наши конституционные права, если не учителя? Она наблюдает, как Ларри сидит перед ней, широкий в кости, мальчик, наделенный разумом взрослого, и внезапно он встает, принимая прежний непреклонный вид. Ладно, любимая, пойдем месить грязь, после демонстрации посижу с нашими в пабе, но пить не стану, мне еще забирать Молли с тренировки. Она прислоняется к двери, наблюдая, как он надевает зеленые туристские ботинки. Пытается натянуть плащ поверх пиджака, но рукав вывернут наизнанку, мгновение Ларри сражается с рукавом, застревая на пороге, и Айлиш думает про себя, а ведь он все еще не уверен, Ларри поднимает глаза и встречается с ней взглядом. Иди, говорит она, иди, что с тобой делать.

Айлиш входит в офис после обеда, держа в голове какую-то смутную мысль. Что-то скрытое просится наружу, ищущий разум переключается на другие заботы: сменную одежду для Бена, которую она забыла собрать для яслей, и нужно отправить по почте анкеты для продления паспортов. Тут она вспоминает, что оставила мобильный на рабочем столе. Берет со стола трубку, ни одного пропущенного звонка, непохоже на Ларри, он всегда звонит ей с демонстраций. Она идет на кухню, и Рохит Сингх перехватывает ее взгляд поверх экрана, он говорит в трубку, при этом пытаясь что-то сказать ей глазами, Айлиш не понимает, так что пожимает плечами и вытягивает нижнюю губу, изображая вселенскую скорбь. И тут она слышит, как ее окликают, видит Элис Дили, нерешительно выглядывающую из кабинета. Айлиш, ты что, не смотришь новости? Нет, я только что вернулась с обеда. И только произнеся эти слова, она понимает, что́ написано у Элис на лице, идет к ее кабинету, и на миг ее движения замедляются, как будто она всплывает со дна на поверхность, продирается сквозь водяную толщу, набирает полный рот воздуха, заходит в кабинет и видит, что все собрались вокруг большого монитора. В новостях какие-то

лошади несутся вдоль улицы, превратившейся в тусклый, дымящийся ад. Она видит полицейских с дубинками, они избивают участников шествия, разгоняя по углам улицы, слезоточивый газ медленно расползается, демонстранты убегают или корчатся на земле, кадры повторяются. Люди толпятся в дверных проемах, натянув воротники на нос, и на экране постоянно крутится кадр, как полицейские в штатском хватают учителя и заталкивают в автомобиль без опознавательных знаков. Айлиш переполняет чувство беспомощности, она оказывается за своим рабочим столом с телефоном у уха, без конца посылая исходящий вызов, Пол Фелснер наблюдает сквозь щель жалюзи. Она сидит перед экраном, пытаясь мысленно разглядеть Ларри, но вместо этого видит вялый, изучающий взгляд Фелснера, видит себя полчаса назад, она жует сэндвич, а время уже пошло, время уже промаршировало мимо. Ей нужно к нему, нужно его почувствовать, ощутить смутную вину. Айлиш складывает пропуск и личные вещи в сумку, пересекает офис в пальто, свисающем с одного плеча, лестничный колодец вибрирует от стука ее подошв, затем она стоит на улице, прижимая телефон к уху, Ларри не отвечает, а когда она перезванивает, его телефон

отключен. И тут Айлиш поднимает глаза, и небо этого дня кажется ей чужим, и она чувствует, что распадается на части, и дождь медленно стекает по лицу.

Глава 2

2

Идя к машине с малышом на руках, Айлиш подгоняет детей, безмолвно подгоняет себя. Поворачивается и видит Молли, которая молча шагает с пакетами в обеих руках, Бейли играет с тележкой из супермаркета, и ей приходится его окликнуть. Она пристегивает креслице Бена, встречая его сонную улыбку, а Молли, забросив пакеты в багажник, соскальзывает на переднее сиденье, надевая наушники. Айлиш хочется до-

тронуться до нее, заговорить с ней, пока Бейли, раскинув руки, несется к машине. Он забирается на заднее сиденье, хлопает дверцей и зависает в просвете между сиденьями, изучая мать в зеркале заднего вида. Мам, спрашивает он, а когда папа вернется? Сердце ухает вниз, через все тело, и продолжает падать. Она подыскивает слова, которые не хотят находиться, ловит себя на том, что отводит глаза, чувствует, что Молли тоже за ней наблюдает. Мгновение она разглядывает темнеющую улицу, мимо проходит компания куражащихся друг перед другом подростков, она знает все их ужимки, видя в них будущую Молли и теряя ее, возможно, уже потеряв. Она поворачивается к Бейли, находит и удерживает в зеркале его взгляд. Я уже говорила тебе, милый, папе пришлось уехать по работе, он вернется, как только сможет. Она видит, как ложь срывается с ее губ, невидимая ложь делает свое дело, Бейли, хмыкнув, откидывается на сиденье, принимая ее слова за чистую монету. Он тянет за ремень безопасности, прижимая Молли к спинке, пока та не оборачивается, чтобы стукнуть его по руке. Молли бросает на мать недовольный взгляд, и Айлиш отводит глаза, Молли наверняка догадалась, когда никто не пришел забрать ее с тренировки,

безуспешно пыталась дозвониться до родителей, а подруги по команде одна за другой расходились во тьму, пока наконец ее не забрала мисс Данн. Лицо дочери в дверях было багровым от ярости, а потом она замкнулась в себе, и Айлиш пришлось в тот вечер признаться ей и Марку, что ключевых сотрудников профсоюза задержали, мы живем в сложные времена, но властям придется его выпустить, вы должны помнить, что ваш отец не сделал ничего дурного, правительство пытается его запугать, вам обоим следует вести себя осторожнее, вне дома не распускать языки, и ни единого лишнего слова в школе. Видит ужас на лице Молли, просит сохранить это в секрете от Бейли, он еще слишком мал, чтобы понимать. Девичий гнев сменяется молчанием, и Айлиш мнется под закрытой дверью, не решаясь постучаться. Марк воспринимает новость с какой-то странной сдержанностью, только спрашивает, почему отцу не позволили увидеться с адвокатом. Она поворачивает ключ зажигания, боясь будущей *лжи*, *лжи*, изрекаемой ее собственным ртом, понимая, что даже маленькая ложь оскорбляет ребенка и ее нельзя взять назад, стоит раз солгать, и ложь так и будет торчать изо рта, словно косноязычный ядовитый цветок. Она едет

в густом потоке машин, дети молчат, и почти успевает доехать до дома, когда в ее сумке у ног Молли раздается звонок. Айлиш просит передать ей телефон, просит еще раз и внезапно начинает орать на Молли, сворачивает на обочину, тянется к сумке, вынимает наушники у дочери из ушей, и девочка с ужасом смотрит на мать. Пропущенный звонок с неизвестного номера, какое-то время она смотрит на него, не решаясь набрать. Здравствуйте, это Айлиш Стэк, мне звонили с этого номера. С ней хочет поговорить Кэрол Секстон. Кэрол, послушайте, я сейчас за рулем, давайте позвоню вам вечером? Бейли хмуро таращится в зеркало. Почему я не могу ему позвонить, мам, вы разводитесь, вот почему? Припарковавшись у дома, она открывает дверцу, намереваясь выйти, но не может решиться, словно в гравии под ногами разверзлась пропасть. Один осторожный шажок за другим, ночь обещает быть долгой.

Майкл Гивен обходит всех по порядку, говорить по телефону небезопасно, следует помнить, что тебя могут прослушивать. Она наблюдает, как он бредет на кухню с почти сожалеющим видом, как, усевшись, сплетает желтоватые пальцы, открывает телефон, вынимает и кладет на стол аккумулятор. Айлиш усаживает Бена в креслице и продолжает наблюдать за Майклом Гивеном, скоро докурится до того, что в груди будет тупо ныть вместо кашля. Вид у тебя усталый, Майкл, приготовить тебе чего-нибудь? Длинной рукой он отмахивается, но она кладет печенье на тарелку перед ним, и он вертит его в руке, не собираясь есть. Слушай, Айлиш, ходят слухи, что их хотят переместить. Бездумно наблюдая, как струя воды льется в горлышко, она задерживает дыхание, закрывает кран и ставит чайник. Переместить куда? Говорят о лагерях для интернированных на равнине Каррах, это просто слухи, но арестованных слишком много, чтобы разместить всех в городе, во время войны они держали там тех, кто представлял угрозу государству. Ты хочешь сказать, Майкл, что Ларри представляет угрозу государству? Майкл воздевает руки к небесам. Господи, Айлиш, это фигура речи, термин, который они используют. Ларри

задержали по политическому обвинению, Майкл, в этом доме я не желаю слушать подобных речей. Майкл поджимает губы, в глазах детское удивление, он кивает в сторону раковины. Ты же не собираешься оставлять там эту штуку? Айлиш оборачивается, электрический чайник стоит в раковине. Вот же я идиотка, говорит она, насухо вытирает чайник, ставит на подставку и снова поворачивается к Майклу Гивену, ища источник своего гнева, выбрав его жертвой, он похож на желтое насекомое, сидящее за столом. Они забирают людей повсюду, не слышала о Филиппе Брофи, какой-то журналистишка, ПНЕ вконец обнаглели, об этом было во всех мировых новостях, а здесь тишина, они контролируют новостные редакции, но соцсети шумят. Она наблюдает за адвокатом, и ей кажется, что он мягко раскачивается на стуле, усталость волнами колышет его тело, как будто под водой. Мужья и жены, матери и отцы тонут. Сыновья и дочери, сестры и братья скрываются под водой, опускаясь все ниже и ниже. Ей кажется, она задыхается, тянется глотнуть свежего воздуха, выходит в гостиную, копаясь в своих мыслях, а сама берет пульт, находит новостной канал, убирает звук. Это чувство, что отныне живешь в другой стране, ощущение

надвигающегося хаоса, готового поглотить их своей пастью. Айлиш возвращается на кухню, ощущая гнев, сжимает ладонями воздух, словно беря проблему за горло. Майкл, говорит она, чего я не понимаю, так это почему тебе запрещают с ним видеться. Я изучила закон, конвенции, и это грубое нарушение международного права, почему им все сходит с рук, почему никто до сих пор не поставил их на место? Ее слова бьются в молчание Майкла Гивена, она всматривается в его лицо, печальное и озабоченное, он как сбитый с толку пес, услышавший команду чужака. Майкл поднимает руки, хочет что-то сказать, но она снова набрасывается на него. Государство не имеет права лезть в частную жизнь, врываться в твой дом, словно людоед, хватать и сжирать отца семейства, как мне к этому подступиться, как объяснить детям, что страна, в которой они живут, превратилась в чудовище? Это скоро закончится, Айлиш, рано или поздно ПНЕ придется сдать назад, вся Европа возмущена… Тогда почему ГСНБ каждый день арестовывает все больше народу, объясняя это чрезвычайным положением, во вторник люди в штатском пришли к нам в офис и забрали Имона Дойла прямо из-за рабочего стола — ученого-статистика, самого безобидного

человека на свете… а знаешь, что он попросил, надевая куртку? Чтобы мы позвонили его матери, и все это за две недели до Рождества! Айлиш садится и с силой давит на поршень френч-пресса. Она словно пребывает вне тела, и телу приходится следовать за ней, снова становясь перед телевизором, и она притворяется, что смотрит новости, подавляя рыдания. Майкл Гивен пересказывает слухи о протестах в Корке и Голуэе, которые были подавлены в зародыше, она не слушает, думая о детях наверху, о Марке, который в любую минуту может вставить ключ в замок, перекатить велосипед на задний двор, и ей будет нечего ему сказать. Майкл Гивен возвышает голос, чтобы ей было слышно из гостиной. Они зашли слишком далеко, Айлиш, протестные настроения растут, хотя в новостях ты об этом не услышишь, ПНЕ превращают страну в полицейское государство, ходят слухи, что скоро объявят военный призыв, и это в нашей стране! Люди на улицах только об этом и говорят, они хотят положить этому конец, я сам слышу… Айлиш стоит перед ним, стуча зубами. Говорят-то они говорят, да кто их слушает? Она смотрит на Майкла Гивена, пока его губы не складываются в скорбную гримасу, и он отворачивается. Оглянитесь на себя, говорит она,

профсоюзы кивают и молчат, по меньшей мере полстраны поддерживает это безобразие, считая учителей злодеями… Что-то, зарождающееся в ее сознании, обретает голос, и ей страшно, теперь она слышит этот голос и проговаривает слова про себя. Вы проспали всю жизнь, мы все спим, а теперь грядет великое пробуждение. Это чувство неотступно преследует ее по ночам, она думает о Ларри, о том, как он мялся у двери, засовывал ноги в ботинки, сражался с плащом. Он знал, с чем имеет дело, и оставил тебе право сказать «нет», он сел в кресло и предоставил тебе право решать. Ночи сейчас самые длинные в году, вот что ей хочется сказать, глядя на эти желтоватые пальцы. Ты спишь в холодной постели, а пижама Ларри на подушке еще хранит его запах. Айлиш снова оборачивается к Майклу Гивену, вздыхает, садится, не зная, куда деть руки. Если так будет продолжаться, говорит она, я потеряю работу. Ты им рассказала? Ты же знаешь, как это устроено, в компании всегда есть желающие пролезть в руководство, приходится осторожничать, есть там один тип, который ни перед чем не остановится. Ты можешь взять годовой отпуск, Айлиш, не ты первая. Я не могу уйти в отпуск после того, как полгода провела в декрете. Да, но бывают

чрезвычайные обстоятельства, в любом случае, у профсоюза есть средства, и, если возникнут проблемы, тебе нужно лишь обратиться. К кому, Майкл, обратиться к кому, если в профсоюзе никого не останется? Некоторое время он молчит, разглядывая длинные желтоватые пальцы, тоскующие по сигарете. Она беспокойно перебирает руками, снова встает, чувствуя свое превосходство. Майкл, я хочу вернуть мужа. Айлиш, мы делаем все, что в наших силах… Ты меня не слушаешь, я хочу, чтобы ты доставил его в суд и судья вернул его детям. Айлиш, в любое другое время мы подали бы жалобу в Верховный суд на незаконное задержание, но право арестованного быть доставленным в суд для пересмотра меры пресечения приостановлено в соответствии с законом о чрезвычайных полномочиях, по сути, государство теперь обладает особыми правами, заставляя молчать судебную систему. Ты меня не слушаешь, Майкл, я хочу, чтобы ты меня выслушал, хочу, чтобы ты кое-что сделал, чтобы ты вернул домой моего мужа. Айлиш, это неразумно, происходят беспрецедентные вещи, в стране истерия, думаешь, можно просто щелкнуть пальцами, и государство кинется исполнять твою просьбу… Мысленно она обеими руками

тянется к его горлу, вцепляется в гортань, рывком открывает рот, просовывает ладонь внутрь, хватает трусливый язык, сжимает и выдирает его с корнем. Наблюдает за тем, как он развел на столе руки, без сигареты они робки и невыразительны, они как будто говорят, что адвокат готов сдаться. Майкл Гивен поднимает голову, и Айлиш видит глаза человека, который не спал, и ее охватывает жалость, ибо его руки говорят, что этот человек был обучен играть по правилам, но правил больше нет, и куда человеку деваться? Внутри нее расходится шов гнева. Сходи за ним и приведи сюда, а если ты не пойдешь, я сама его приведу, вот как я поступлю, и я лучше умру, чем буду смотреть, как его отсутствие с утра до ночи мозолит детям глаза. Майкл Гивен встает и долго смотрит на нее, как будто решается. Айлиш, выслушай меня, я не хотел говорить, но вижу, придется, в ГСНБ нам прямо сказали, что, если мы не отступимся, если продолжим ходатайствовать о выдаче судебного приказа, нас тоже арестуют и посадят в тюрьму. Ее рот открывается, но оттуда не вылетает ни звука, она освободилась от тела, став одной черной мыслью, и мысль разрастается, пока не поглощает материю целиком. Когда Айлиш снова ощущает себя внутри собственного

тела, с ее губ срывается шепот. Майкл Гивен встает из-за стола, подходит к раковине, моет руки. Говорят, приближается шторм, какая-то «Белла», следующие пару дней держитесь за шляпы. Айлиш смотрит на адвоката, желая обрушить на него свою ярость, но вместо этого отворачивается к окну. Когда она проснулась, вишневые ветки еще удерживали мокрый снег, но сейчас деревья в каком-то безумном заговоре клонятся навстречу тьме.

Ночью она просыпается на той стороне кровати, где обычно спит Ларри. Где-то во тьме ее тела для него горит свеча, но, когда она ищет свечу вне тела, ее встречает темнота. Во сне она слышала завывания ветра, и сейчас ветер носится по дому, словно забыли запереть входную дверь. Айлиш подходит к окну и выглядывает наружу, облака стремительны и оранжевы, облака с тоской смотрят на город. Бродит по неосвещенному дому, чувствуя, как холодеют ноги, чувствуя, что становится призраком своего прошлого. Стоит у дверей детских спален, слушает, как дети сопят, а ветер завывает снаружи. Что может быть невиннее спящего ребенка, пусть дети поспят, а когда он вернется, все будет по-прежнему. Она забирается под одеяло, растирает ноги и просыпается при ярком свете, слушая хриплые завывания, мокрый гравий шлепает по стеклу. Сонно подходит к окну, ей кажется, что дом взлетел и кружит на ветру. На другой стороне улицы мусорный бак Зэйджеков лежит на боку, подъездную дорожку усеивают бумажки, жестянки и коробки из-под пиццы, ветер подхватывает пригоршню дождя и швыряет в голые ивы. Затем она видит ее, одинокую сороку, какое-то время наблюдает, как птица пытается расправить крылья, но остается при-

шпиленной к ветке, которую гнет ветер, теперь Айлиш видит, что проявлять стойкость придется не ей, а Ларри, это ему предстоит выдержать все испытания, и, чувствуя его силу, она шагает внутрь этой силы и прижимает ее к своему телу.

Утро, она стоит у входной двери, уговаривая Бейли спускаться. Почти двадцать минут девятого, Молли опоздает в школу, и ты тоже… Марк выезжает на улицу, притормаживает, смотрит в небо. Она следует за его взглядом, ощущая покой во взбаламученном воздухе, наблюдая, как он перекидывает ногу через сиденье, мягко трогая велосипед с места, не прощаясь. Погоди, говорит она. Изучает лицо сына, когда он к ней оборачивается и приподнимает бровь под каштановыми кудрями. Она не знает, что сказать, ей не хочется говорить, хочется просто смотреть на него. У тебя отросли волосы, говорит Айлиш, я хочу, чтобы ты с нами поужинал, ты почти не бываешь дома. Марк закатывает глаза, улыбается, говорит, я тоже тебя люблю, мам, разворачивается и крутит педали, удаляясь по улице. Она переходит дорогу, ставит на место зеленый мусорный бак Зэйджеков, осматривает дом, свет должен гореть, входная дверь — быть открытой, а Анна Зэйджек должна загонять детей в «ниссан», но жалюзи опущены, дом выглядит пустым, хотя машина припаркована у двери. Айлиш встречает Молли, выходящую из дома, где твой брат, мы опоздаем в школу, а что, Зэйджеки уже укатили домой на Рождество? Откуда мне знать, пожимает плечами

Молли, он не выходил из комнаты и не спускался к завтраку. Айлиш защелкивает детское сиденье и просит Молли присмотреть за Беном. Входит в дом, зовет Бейли, поворачивается и видит в зеркале себя настоящую, бледное, осунувшееся лицо, запавшие глаза, в глазах вопрос, и глаза почти смеются над этим вопросом, свет мой, зеркальце, скажи. На мгновение перед Айлиш мелькает прошлое, застывшее в открытом зеркальном взгляде, как будто зеркало хранит все, что видит, ее сонные хождения, многолетние бестолковые перемещения туда-сюда, как она провожает детей к машине, и лет им то много, то мало, и Марк потерял вторую туфлю, и Молли отказывается надевать пальто, и Ларри спрашивает, не забыли ли дети ранцы, и она видит, как счастье прячется в мелочах, скрывается в повседневной суете, как будто счастье нельзя увидеть, нота, которую ты не слышишь, пока она не прозвучит из прошлого, Айлиш видит, как самодовольно вертится перед зеркалом, пока Ларри изнывает в машине, как он стоит в прихожей, снимая плащ, как, скидывая зеленые ботинки, кричит, чтобы ему принесли тапки. Она зовет Бейли, поднимается и обнаруживает, что сын запер дверь. Дергает за ручку, молотит в дверь кулаком. С

каких это пор у тебя есть ключ от этой комнаты, немедленно отопри, а то опоздаешь в школу! Когда ключ поворачивается в замке, она толкает дверь и видит, как в полумраке сын забирается в постель. Айлиш вынимает ключ из замка, кладет в карман, подходит к кровати, откидывает одеяло и нависает над сыном. Ладно, мистер, у вас две минуты, чтобы одеться и сесть в машину. И тут она слышит запах, Бейли подтягивает ноги к животу, пижамные штаны промокли насквозь. Она замолкает, подходит к окну, отдергивает портьеры, и грязный свет разоблачает комнату. Айлиш наклоняется, чтобы поднять одежду с пола, и говорит, не глядя на сына, иди раздевайся и быстро мойся, ты всех задерживаешь. Бейли идет к двери, она начинает сдергивать простыню, спрашивая себя, сколько раз это случалось с тех пор, как Ларри забрали? Раньше Бейли никогда не мочился в постель. Она оборачивается и видит сына у двери, на лице злоба, он кричит ей, ты же выгнала его, вот что ты сделала, ты просто старая сука! Айлиш видит, как ее руки трясутся, губы дрожат, видит, как она сворачивает простыню и сбегает вниз по лестнице. Она вскроет злобу в его глазах, как нарыв, запрет входную дверь и сядет в машину, а его оставит вариться в своей

комнате в одиночестве. Айлиш не двигается с места, опускает глаза, разглядывая свои ноги, и слышит, как слова сами слетают с ее губ, правда о его отце, она рассказывает про незаконный арест и содержание под стражей, про усилия, которые прикладываются, чтобы доставить его в суд, про то, что до Рождества ничего не решится. Сердце сжимается от боли, когда она видит, как мальчик недоверчиво хмурится, отводит взгляд, затем его губы кривятся и он молча оседает на пол, обхватив колени руками. Перед ней идея разрушения порядка, мир тонет в чуждом мрачном море. Она сжимает сына в объятиях, шепотом пытаясь заново собрать старый мир порядка, который лежит в развалинах у ее ног, для чего ребенку мир, в котором его отца можно заставить исчезнуть без всяких объяснений? Мир погружается в хаос, земля уходит из-под ног, хмурое солнце опаляет голову. Молли просовывается в комнату. Что происходит, мы ждем в машине, пора в школу. Бейли выпрямляется и молча проталкивается в ванную мимо сестры.

В десятом часу она слышит слабый стук в дверь. Выглядывает из-за жалюзи и видит машину, припаркованную у дома, гирлянды свисают из-под карнизов, в окнах мерцают электрические свечки, хотя у Зэйджеков по-прежнему темно. Взявшись за руки, Марк и Саманта развалились на диване, с головой уйдя в просмотр, и едва поднимают глаза, когда Кэрол Секстон со смущенной улыбкой проходит мимо, слишком высокая в туфлях на плоском ходу. Айлиш украдкой бросает взгляд на часы, Бейли с Молли уже наверху, и как только Кэрол уйдет, она кивнет Саманте, чтобы тоже шла домой. Кэрол запускает руку в объемную сумку и достает три жестянки. В глазах видны бессонные ночи, голос сдавленный. Прости, что навязываюсь, Айлиш, но мне нужно было тебя увидеть. Гостья осматривается, разглядывает столешницы, она здесь впервые, и Айлиш видит собственную кухню чужими глазами, горы тарелок и чашек у раковины, наполовину загруженную посудомоечную машину с открытой дверцей, корзину с грязным бельем, ожидающую своего часа, позвони Кэрол заранее, у нее было бы время прибраться. У тебя чудесная елка, Айлиш, мне бы такую, я в этом году елку не ставила, мне показалось, не знаю, показалось… Она хочет

продолжить, но машет рукой. Понимаешь, вчера вечером мне захотелось содового хлеба, я даже не уверена, что люблю его, традиционный содовый хлеб, а тут распробовала, первая буханка вышла вкусной, вторая еще вкуснее, видишь ли, я накупила столько яиц, и, когда настроишься на выпечку, трудно остановиться, даже если мало в этом смыслишь, последний раз я пекла на школьных уроках по домоводству, а вчера на меня будто накатило, и я решила испечь еще и овсяных лепешек, о, как они пахнут, когда прямо из духовки, и немного фруктовых сконов, и фруктовый пирог по старому рецепту, который нашла в маминой кулинарной книге, и тут до меня дошло, что в прошлом году я не пекла рождественский пирог, так забегалась, и он, ну, Джим, был недоволен, сказал, что от пирога бы не отказался, поэтому вчера вечером я его испекла, а когда закончила, мне стало смешно, столько всего наделала, а собиралась всего лишь испечь содовый хлеб, и у меня совсем нет аппетита, а у тебя столько ртов, я и решила поделиться, вот рождественский пирог, вот сконы, вот крамбл… Запах привел Марка к стеклянной двери, он тянет носом, глазами спрашивая, можно ли ему войти. Айлиш качает головой, но Кэрол жестом приглашает его,

наблюдая, как Марк берет тарелку и начинает накладывать на нее выпечку. Возьми еще для подружки, ты стал таким высоким, высоким и широкоплечим, совсем как отец. Тень пробегает по его лицу, когда Марк бормочет «спасибо» и выходит, на ходу запихивая в рот пирог. Кэрол поворачивается к Айлиш и разводит руками. Мне так жаль, я не подумала. Айлиш, наблюдая за ее смущением, на миг ощущает удовлетворение, волосы у гостьи непричесанные, седина у корней отросла на дюйм, она вспоминает ее на вечеринке несколько лет назад, из-за высоких каблуков Кэрол кажется выше всех мужчин, чувственный рот, созданный, чтобы дразнить и смеяться, все время разговора ее рука не отпускала запястье Ларри, любить Кэрол всегда было нелегко. Скоро она сядет в машину и вернется в свой тихий бездетный дом. Айлиш берет руку Кэрол в свою. Ничего, говорит она, он сердится не на тебя, он зол на меня, на весь мир, а мой второй сын на меня даже не смотрит, я пыталась поговорить с Марком о том, что происходит, но он только молчит, он все прекрасно понимает, видит, что происходит в стране, и он хочет изучать медицину, думаю, из него выйдет хороший врач. Она наливает Кэрол чай и без оглядки на

часы позволяет говорить, понимая, что та слишком долго молчала, что, выговариваясь, гостья осмысливает происходящее, что, когда слова вылетают изо рта, разум следует за словами и наступает некая ясность. Айлиш слушает, думая о том, что хочет, но не может сказать, как тоже пыталась спрятаться от родственников и друзей, говоря себе, что надо отдаться работе, ища часы, которые даны, чтобы заполнить пустоту в теле, стремясь раствориться в детях, хотя именно дети возвращают ее к их отцу. Кэрол делает долгий глоток, смотрит в пустое пространство. Не могу перечислить, сколько людей перестали общаться со мной после того, как Джима арестовали, как будто это я в чем-то провинилась, почему нас заставляют чувствовать себя виноватыми, хотя это нам причинили зло. Айлиш невольно бросает взгляд на часы, встает, качает головой. Сейчас не время говорить — время хранить тишину, все вокруг перепуганы, наших мужей отняли у нас и забрали в эту тишину, иногда по ночам я ее слышу, громкую, как смерть, но это никакая не смерть, а просто незаконный арест, и ты должна повторять это себе снова и снова. Оказывается, она уже какое-то время стоит без дела, Айлиш подходит к раковине и начинает прибираться.

На Пасху мы запланировали семейный отпуск, и я все еще верю, что у нас все сложится. Повернувшись, она видит, что Кэрол, наклонившись вперед, смотрит в сад мимо своего отражения в стекле, смотрит так пристально, словно пытается разглядеть в темноте какое-то предзнаменование. Что там снаружи, Айлиш? Белое на фоне дерева? Ленточки, Кэрол, белые ленточки, с тех пор как отец не вернулся домой, Молли каждую неделю выносит на улицу стул и привязывает их к дереву. Некоторое время они молчат, наблюдая за ленточками, которые колышутся на нижних ветвях. У меня такое чувство, Айлиш, что рано или поздно я возьму дело в свои руки. Айлиш отворачивается от окна и смотрит в спокойное, как маска, лицо. Кэрол молчит, затем встряхивает головой, словно прогоняя тяжелые думы, ладонью собирает крошки со стола и, привстав, бросает в мусорное ведро. Доктор прописал мне снотворные таблетки, но, Айлиш, как ты можешь спать, с тех пор как его забрали, я глаз не сомкнула, а прошлой ночью нашла на чердаке свое свадебное платье и снесла вниз, можешь представить, после стольких лет я все еще могу в него влезть.

Она выходит из офиса за сорок минут до обеда, кутаясь от пронизывающего ветра, походка стремительна, зимний свет изменчив, в воздухе пахнет снегом. Курьер на велосипеде притормаживает в пробке, балансируя педалями до полной остановки, и на миг у нее возникает ощущение, что город встал, время остановилось, если бы не тень, которая крадется по улице, затем велосипедист просыпается и сворачивает на зеленый. Она выходит на Нассау-стрит, думая, что пора сменить туфли на тонкой подошве, поднимает голову и видит Рори О'Коннора, который держит за руку ребенка. Она хочет перейти улицу, но он окликает ее, и Айлиш оборачивается, разыгрывая удивление. У тебя снова отросли волосы, я тебя почти не узнал. Рори, говорит она, разглядывая рождественские покупки в одной руке и ребенка, который цепляется за другую, не знала, что у тебя есть сын. Улыбается мальчику, узнавая в пухлом свежем личике черты отца, когда-то у Рори были такие же рыжие волосы, а теперь редеющие седоватые пряди, полагающиеся мужчине среднего возраста. Мы редко гуляем вместе, правда, Финтан? Хорошо выглядишь, Айлиш, сколько лет, сколько зим. Финтан, произносит она медленно, размышляя, подходит ли мальчику имя. Сколько

прошло времени, Рори, лет десять или больше? Он оживленно болтает о старых временах, а она всматривается в его лицо, торопя его взглядом, отъезжает автобус, выпуская дизельный чад, и Рори отступает назад, шарф сбивается, открывая партийный значок на лацкане. Отпрянув, она сглатывает и зажмуривается, Рори улыбается во весь рот. Как поживает старина Ларри, все такой же? Она не может оторвать взгляд от значка, затем усилием воли отводит его в сторону, смотрит на часики. У Ларри все хорошо, по уши в работе, ни минуты покоя, он больше не учительствует в Маунт-Темпл, работает полный день в… Слушай, было приятно повидаться, но мне пора бежать, и тебе всего доброго, малыш Финтан, я безумно опаздываю, хочу заскочить в паспортный стол, на Рождество мы с детьми летим в Канаду, — она выскакивает на проезжую часть перед фургоном и бросается к противоположному тротуару, чувствуя, как подошвы покалывает, видя себя глазами Рори, который смотрит, как она нелепо скачет через дорогу, чтобы ее не заподозрили в обмане. Это ощущение пустоты, когда она сворачивает на Килдэр-стрит, видя перед собой того Рори, которого знала когда-то, — пунцового новичка, смотревшего Ларри в рот, нарастающее

чувство двойного времени, как будто ее жизнь развернулась и двинулась параллельным курсом.

Теплый воздух вырывается из двери, когда она входит в паспортный стол на Моулсуорт-стрит и берет номерок, стоит у елки, развязывая шарф, глазами ищет свободное место. У нее столько дел, и она составляет в блокноте список, наблюдая, как тучный мужчина с головой, похожей на яйцо, шаркает к тринадцатому окну, занимает его место и видит, как он возвращается, маленькие глазки удивленно таращатся на анкету. Она прибережет это все на потом, когда увидит через стол лицо Ларри, его отвращение, когда она расскажет ему о Рори О'Конноре, этот всегда был бесполезным идиотом, заметит Ларри. Ей следует позвонить в офис, предупредить, что задержится. На часах четыре минуты третьего, когда ее номер появляется на табло и ее приветствует женщина почти без лица. Я получила это вчера, должно быть, какая-то ошибка. Рукой женщина делает жест, прося показать письмо, затем пальцы начинают стучать по клавиатуре. Ваше удостоверение личности. Айлиш просовывает водительские права под стекло, женщина берет их, откатывается в кресле, встает и отходит в сторону. Айлиш прикусывает губу изнутри, про себя проговаривая слова, которые скажет, когда женщина вернется, поднимает глаза и видит

мужчину. Он осторожно опускается в кресло и смотрит на нее бесцветным взглядом. Что ж, миссис Айлиш Стэк, вот ваши права. Он сует права под стекло, продолжая открыто разглядывать ее, и Айлиш отводит глаза. Итак, миссис Стэк, вы намерены покинуть страну? Да, мы уезжаем в отпуск. Уезжаете в отпуск. Да, навестить в Канаде мою сестру, мы уже забронировали билеты на самолет. Билеты забронировали. Да, именно так я и сказала, извините, но я не понимаю, почему вы спрашиваете, я просто подаю заявления на продление паспорта моему старшему сыну и выдачу паспорта младшему. Она ощущает слабый запах ментоловых сигарет. Процедура изменилась, миссис Стэк, теперь перед подачей заявлений вы должны пройти проверку паспортных данных. Она так пристально вглядывается в него, что начинает ощущать свою другую сущность, чувствует, как улыбка отделяется от лица и сползает с подбородка на пол. Поперхнувшись, Айлиш откашливается. Простите, я не понимаю, о чем вы говорите. Никогда о таком не слышала, я просто подаю заявление на выдачу паспорта, как делала всегда. Да, но вы не сделали предварительный шаг, миссис Стэк, теперь перед подачей заявления проводится полная проверка биографических

данных в Министерстве юстиции, как предусмотрено законом о чрезвычайных полномочиях, который принят в этом году. Айлиш наблюдает, как мужчина за чем-то тянется, и склоняется над окошком. Вы хотите сказать, что я должна пройти полную проверку биографических данных, чтобы получить паспорта для младенца и подростка? Чиновник позволяет себе слегка растянуть губы в улыбке. Я слежу за новостями, говорит она, и впервые о таком слышу, могу я поговорить с вашим начальником? Мужчина просовывает бланк под стекло. Миссис Стэк, начальник здесь я, мое имя Дермот Конноли, и я прикомандирован сюда Министерством юстиции, вот нужная вам форма Ф.107, вам просто следует ее заполнить и подать заявление на собеседование, в лучшем случае это займет несколько недель, могу я помочь вам чем-то еще? Она ловит себя на том, что смотрит в лицо, которое совершенно не меняется, ни бесцветные глаза, ни рот, ни то, что вылетает изо рта, хотя этот рот и не говорит напрямую: ваш муж, миссис Стэк, арестован, и теперь вы представляете угрозу. И тогда ее настигает чувство, как будто в комнату вслед за ней вошел дикий зверь и теперь расхаживает из угла в угол, она берет бланк, медленно сгибает и кладет в сумоч-

ку, наблюдая, как чиновник встает с кресла, она слышит тихую поступь зверя, ощущая на шее зловонное дыхание, боясь оглянуться. Сидящие молча пялятся в экраны телефонов.

На Рождество она с детьми гуляет по побережью, небо смешалось с морем, студеный восточный ветер продувает Булл-Айленд насквозь, зато охлаждает мозг, мешая думать. Бен пристегнут к ее груди, остальные дети разбрелись по пляжу, она ощущает их гнев, узнавая каждого по походке, Молли в одиночестве осторожно ступает по песку, как будто прислушивается к чему-то внутри своего тела, Марк засунул руки в карманы и держится отчужденно, потом внезапно подхватывает с песка прядь водорослей и, размахнувшись, шлепает Бейли по заднице. Разглядывая другие семьи на пляже, свои одинокие следы на песке, она ищет в лицах отражения того, что чувствует сама. Наблюдает за светом над морем, думает, сейчас время света, дни проходят, вбирая и отпуская свет в ночь, и мы тянемся вслед, но ни дотронуться, ни задержать то, что уходит, что кажется уходящим, нельзя, мечту о времени. И все же недавно проклюнулись подснежники. Один, дикий и одинокий, раскрасивший воздух белым, она заметила на стоянке и склонилась над ним, в одно мгновение осознав, чего сейчас лишен Ларри. Она рассказывает ему, как она обернулась, а Бен сидит без посторонней помощи, а на другой день его ручки наливаются силой, когда

он сам встает в кроватке. Рассказывает про вечно нахмуренный лоб и про то, как вытянулся Бейли, почти догнав сестру. Время проходит без Ларри, и она видит, что ничего не делает, ни на что не способна, ну а что ты можешь, спрашивает тихий голос, который она ненавидит, что ты изменишь? Майкл Гивен перестал отвечать на звонки. Она написала в министерство, главе ГСНБ, в агентство по правам человека, прекрасно понимая, что ее никто не услышит. Скоро подснежники уйдут под землю, им на смену придут другие цветы. Айлиш возвращается в город, где дома смотрят окнами в море, наблюдая за каждой встречной машиной, пытаясь разглядеть лица за стеклами, которые кажутся жидкими. Они безымянны, лица, ответственные за то настоящее, которое осуществилось, и ничем не отличаются от ее лица, эти лица мельтешат на улицах города, который неустанно выдыхает ночь навстречу следующему дню.

Айлиш подходит к отцовскому крыльцу с ключами в руке, и у двери ее встречает рычание. Она в нерешительности останавливается, меж тем рычание переходит в пронзительный лай. Она оглядывается на машину, как бы прося о помощи, но Молли уткнулась в телефон. В голове мелькает смутная мысль, которую нужно не забыть, что-то связанное с Марком, она подходит к двери, звонит в колокольчик, громко стучит в окно, лай не умолкает. Слышен голос отца, сейчас-сейчас, Саймон криками пытается утихомирить пса. Когда открывается дверь, Саймон держит собаку за ошейник, пес темного окраса, откормленный тигровый боксер, решает она, на руках у Саймона садовые перчатки, волосы намокли от недавнего дождя. Эй, чего надо? Эй, повторяет она, проталкиваясь мимо отца и не сводя глаз с собаки, теперь на меня так и будут набрасываться, когда я решу навестить собственного отца, и где только ты его взял? Она наклоняется, поднимает почту с пола, в прихожей пахнет псиной, а когда поворачивается, замечает в стеклянных отцовских глазах недоумение. Пап, я же говорила, что приду, мы собирались свозить тебя за покупками, договаривались еще на прошлой неделе. Саймон выхватывает почту из ее руки и, кажется, прихо-

дит в себя. Почему ты не на работе? Пап, сегодня суббота, чья это собака? Саймон пинает боксера в сторону кухни, но пес оборачивается, облизывает черные брыли и замирает в дверях, плотоядно поглядывая на Айлиш. Я решил, это чужой, несколько дней назад ко мне кто-то ломился. Ломился? Я не уверен, трое мужчин позвонили в дверь, мне не понравился их вид, сказали, что они представляют партию, настоящие головорезы, сказали, что меня нет в местных списках и не хочу ли я записаться… Какой партии, папа, ты говоришь про ПНЕ, кто эти люди? Я велел им убираться, но они явились через несколько дней, стучали в дверь, молотили в окно, а когда уходили, один рассмеялся. Айлиш разглядывает хмурую морду пса, который наблюдает за ней с грозным сопением. Почему ты мне не сказал, пап? Я сказал Спенсеру, кивает он собаке, и пес, дважды чихнув, опускается на пол. Значит, Спенсеру, она качает головой, этот пес совсем взрослый, где ты его взял и как думаешь за ним ухаживать? Саймон снимает куртку с вешалки. Оглянуться не успеешь, а они захватят весь сад. Она поворачивается от двери. Кто они? Плетистые розы, я сам их обрезаю, раз уж никто не намерен мне помогать. Пошли, говорит она, сегодня еще много

дел, и скоро зарядит дождь, почему бы тебе не попросить Марка, прошлым летом он хорошо помог тебе с садом? Незачем утруждаться, и я сам пока в состоянии, отвечает Саймон.

Асфальт темнеет перед ливнем, она преодолевает автостоянку, мимо шмыгают сгорбленные тени, зато счастливцы, у которых есть зонты, могут расслабиться. Айлиш тормозит, заметив свободное место, наблюдая за лысеющей женщиной, которая, втянув голову в плечи, заполняет багажник и, покончив с этим, забирается в автомобиль, подняв лацканы пальто. Айлиш посылает Молли за тележкой. Бейли, не говоря ни слова, идет следом, на ходу натягивая капюшон парки. Он догоняет сестру, сверкая подошвами, а Молли несется трусцой, поджав локти. Я наняла нового адвоката, говорит Айлиш, некая Энн Девлин, меня свел с ней Шон Уоллес, кажется, она специализируется на подобных делах, ты знаешь, мы не единственные, у нее куча клиентов. Палец Саймона начинает барабанить по приборной панели. Она уже подала жалобу? Мы встречались на улице, мне пришлось оставить телефон в машине, очень толковая, подача жалобы — следующий шаг. Будет кормиться за твой счет, а результат такой же, как с тем горлопаном из профсоюза. Папа, она работает на общественных началах, говорит, что правительство взяло судебную систему под контроль, внедрив своих людей, в этом суть проблемы, как только наса-

жал своих людей, можешь творить что хочешь. Дождь усиливается, и они смотрят, как вода вскипает на асфальте. Айлиш наблюдает, как Молли сражается с Бейли за тележку, девочка отпихивает брата, и он вскидывает руки, устремляя отчаянный взгляд в сторону «турана». Сегодня утром я с трудом вытащила Молли из постели, говорит она, это вторая суббота подряд, когда она пропускает тренировку, Молли у них из лучших игроков, но это продлится недолго, если она будет продолжать в том же духе. Она смотрит в небо, не сомневаясь, что дождь скоро прекратится, и неожиданно он и впрямь стихает. Айлиш тянется к дверце, но Саймон перехватывает ее запястье, в глазах паника. Они собираются проголосовать за них, Айлиш, для нашей страны такое немыслимо… Она бесстрастно смотрит на него, говоря себе, что этого не может быть, что его лицо еще сильнее просело под воздействием гравитации, поднимающие мышцы теряют хватку, глаза едут вниз, кожа неспешной лавиной сползает с костей, подтягивая за собой смятенный разум. Айлиш вздыхает, качает головой, папа, они пришли к власти два года назад. Саймон хмурится, отворачивается к окну, затем трясет головой. Да-да, само собой, я просто хотел сказать… она ви-

дит, как его рука тянется к дверце. Пап, подожди минутку, у меня в багажнике есть зонт. Саймон выбирается из «турана» и шагает по стоянке в твиде и странных носках, на ногах садовые сабо, он размахивает руками, тело уверенно движется под дождем, и непохоже, что ему холодно, что он промок или одряхлел, и в нем снова виден тот, кто когда-то брал ответственность за их жизнь.

Она бродит вдоль полок в супермаркете, разглядывая отцовские сабо, к подошвам которых прилипла грязь и сухая трава, Саймон вышагивает впереди, сжимая банку персиков, а Бен на сиденье тележки грызет колечко. Она стоит у рыбного прилавка, когда раскрасневшаяся и взволнованная Молли подходит к ней, сверля мать предостерегающим взглядом. Мам, шепчет она, иди сюда. Что там? Я сказала, иди сюда. Она идет за Молли, думая о Бейли, что он сегодня натворил, вчера, например, он брызнул кетчупом на волосы Молли и выскочил из комнаты. Молли тянет мать за рукав, останавливает и кивает в сторону прохода. Не показывай ему, что ты смотришь. Кому, Бейли? Нет, ему, это ведь он? Айлиш следует взглядом за указательным пальцем Молли мимо пожилой дамы, бормочущей над списком покупок, мимо бытовой химии и рулонов туалетной бумаги к полной женщине в обтягивающих джинсах и мужчине, скучающему над тележкой. Она понимает, кого имеет в виду Молли, но это не он, тот был покрепче, да и одежда на этом неправильная: трикотажная майка дублинского футбольного клуба под походным дождевиком, а опустив глаза, она видит дешевые беговые кроссовки. Это обычный мужчина,

который бездумно слоняется вслед за женой по супермаркету, и ей хочется спросить Молли, когда она успела разглядеть того, настоящего, должно быть, в окно, когда те двое стояли у двери их дома. И тут мужчина поворачивается, и Айлиш узнает его, это он, тот самый инспектор, и она отводит глаза, чувствуя, как пересыхает во рту, и снова смотрит на его лицо, думая о том, старом лице, чиновничьем, сейчас перед ней другой человек. Она идет к нему, не представляя, что дальше, заговорить с ним? Ей терять нечего, кто он такой, обычный мужчина, она попросит его на пару слов в присутствии жены, только и всего. Инспектор смотрит в проход, встречается с ней взглядом и какое-то мгновение озадаченно разглядывает Айлиш, затем улыбается ей, и это улыбка человека, с которым раскланиваешься на улице, мужа, отца, активного члена местного комьюнити, и все же за этой улыбкой прячется тень государства. Айлиш резко разворачивается, хватает с полки бутылку отбеливателя, делая вид, что читает этикетку, и возвращается по проходу, браня себя на чем свет.

Айлиш не может сосредоточиться на работе, не может собраться с мыслями, когда она рядом с детьми. Говорит начальнику, что у нее назначена встреча, и едет через весь город в поисках Бёрдроуд, паркуется в двух домах от дома инспектора, найти его оказывается несложно. Смотрит на часы, она просидела уже десять минут, скоро надо возвращаться в офис. Айлиш сжимает руки, снова проверяя, пуста ли подъездная дорожка, это чувство, как будто видишь сон, чувство, как будто движешься по краю пропасти, боясь посмотреть вниз. Глядя в зеркальце, Айлиш подкрашивается и расчесывается. Наблюдает за светом, что висит над улицей, медленной пульсацией, когда свет внезапно вспыхивает, потом тускнеет, размышляет над тем, что он скрывает, видит, как в этом мягком распускающемся свете проявляется повседневность, самая сердцевина обыденности, хвойные и рододендроны, дорожки для детских колясок, бетон, утрамбованный растущими ножками и школьными отрядами, вращение внедорожников, старики с собаками и бесконечными беседами, вороны на проводах, грандиозный ежегодный парад, увлекающий всех их навстречу лету под развевающимися флагами листвы. Переходя улицу, она не движется

внутри тела, а словно наблюдает за собой из окна, потом возвращается в тело, нащупывает свои границы, рука стучится в дверь. Лицо женщины, отворяющей дверь, — не то лицо, которое запомнилось ей по супермаркету, теперь оно выглядит старше, некрасивое, ненакрашенное. Миссис Стэмп, можно вас на пару слов по личному делу, я не отниму много времени. Беленые стены, честное лицо идет складками. Это из-за Шона? Что этот мальчишка опять натворил? Кухня, такая уютная в дождливый день, фоновое бормотание радио, пыль над ведерком для угля у плиты. Айлиш подтягивает стул к столу и садится, боясь лишний раз вздохнуть, пока не начнет говорить, она бросает взгляд на задний двор, кормушки на старых яблонях, щегол на мгновение появляется в поле зрения и исчезает. Рассказывая про мужа, она смотрит на свои руки, пальцы сплетаются и расплетаются, она как будто выжимает из них боль и выкладывает на стол в качестве подношения. Лицо миссис Стэмп расплывается, словно ее черты были игрой света, глаза, казавшиеся яркими, тускнеют, руки увеличиваются. Выражение мрачнеет, а губы поджимаются. Миссис Стэмп встает, подходит к кухонному столу, достает пачку сигарет. Не возражаете? Айлиш качает го-

ловой, и женщина закуривает, подходит к задней двери, делает долгую затяжку, выдыхает на улицу, затем поворачивается к Айлиш и окидывает ее пристальным взглядом. Повторите, как, вы сказали, вас зовут? Айлиш смотрит на ее широкие плечи, но своего имени не называет. Пожалуйста, повторяет она, я всего лишь прошу вас замолвить словечко, на моем месте вы поступили бы так же. Теперь женщина хмурится, трясет головой, долго затягивается. Судите сами, говорит она, это какой-то абсурд, вы разговариваете со мной так, как будто мой муж совершил что-то плохое, и это детектив «Гарда Шихана» в такое время, как нынешнее! Я просто хотела поговорить с вами как жена и мать… Лучше бы вы молчали. Их глаза встречаются, и скрытое озлобление переходит в откровенное противостояние, Айлиш слышит свой голос, и уже после того, как слова слетели с губ, успевает им ужаснуться. Молчала, говорите, как все дураки в этой стране, задавленные и сломленные? По улице с грохотом проезжает мусоровоз, она поворачивается к окну, кивает в сторону яблонь. Красивые деревья, большой урожай собираете? Миссис Стэмп оборачивается, нить ее размышлений прерывается, она невидящим взглядом смотрит на яблони, машет

рукой в воздухе. В последние годы они растут сами по себе, это «Керри Пиппин», Джон привез их с семейной фермы. Миссис Стэмп, мой муж — простой человек, отец, учитель, деятель профсоюза, он должен быть дома со своим детьми. Ее окидывают прищуренным взглядом, миссис Стэмп облизывает губы и что-то бормочет, отвернувшись к окну. Простите, вы что-то сказали? Миссис Стэмп с ухмылкой оборачивается. Мрази, говорит она, вот кто вы такие, ты и твой профсоюзник, приходишь в мой дом, оскорбляешь моего мужа, заслуженного человека, который двадцать пять лет отдал этой стране, эй, как там тебя, твой муж находится там, где находится, потому что он подстрекатель, он выступает против государства, когда государство в опасности, такие, как вы, понятия не имеют, что творится в мире и что нам угрожает, спите и видите, когда нас уничтожат, а сейчас, когда нация должна объединиться, по всей стране беспорядки, и наш долг — сплотиться против таких, как вы, вон из моего дома сию же минуту. Айлиш замечает на лице женщины выражение превосходства, вскакивает, желая дать волю рукам. Она видит, как женщина говорит со своим мужем-детективом, которому ничего не стоит сделать жизнь Ларри еще хуже. Айлиш

направляется к двери, чувствуя, что подвела Ларри, дрожащие пальцы теребят защелку, она видит «туран», припаркованный на противоположной стороне улицы, женщина выходит вслед за ней, Айлиш разворачивается и идет в другую сторону.

Айлиш просыпается от сознания, что кто-то вошел в комнату, с трудом разлепляет глаза, приподнимается на локтях, слышит дыхание фигуры, сидящей в плетеном кресле, должно быть, это Марк, она гадает, что он здесь забыл среди ночи. Сиденье жалобно кряхтит, когда фигура наклоняется, и на лицо падает свет из коридора. Это инспектор Джон Стэмп, у Айлиш пересыхает в горле, она со страхом смотрит на ребенка в кроватке, прислушивается к его дыханию. Как вы сюда попали, шепчет она, все двери заперты, вы не имеете права входить в этот дом. Судя по голосу, он улыбается в темноте. Не имею права входить в этот дом. Да. Но это вы так думаете. Это не я так думаю, это закон. Факт. Да, это закон, и вы не имеете права ущемлять наши права. Верховенство закона. Я так и сказала. Вы говорите о правах, как будто понимаете, что это такое, покажите мне, на какой скрижали это записано, где видно, что так распорядилась природа. Она хочет ответить ему, но он встает с кресла и придвигается к ней, она боится смотреть ему в глаза, ее останавливает запах, смесь еды, сигарет и чего-то зловонного, что сочится из пор его кожи, и она знает, что это такое, и эта вонь вгоняет ее в ужас. Называешь себя ученой, а сама веришь

в права, которых попросту нет, права, о которых ты говоришь, их существование недоказуемо, это фикция, и только государство в соответствии со своими потребностями решает, во что следует верить или не верить, ты же не можешь этого не понимать? Его рука скользит по одеялу, она наблюдает за ней, боясь того, что может случиться, если она ее остановит, рука тянется к ее горлу, она хватает запястье и пытается кричать, отрывает руку, кричит, я хочу проснуться, и он говорит, но ты и не спишь… Айлиш открывает глаза, из окна струится холодный голубоватый свет, ее одежда сложена на стуле. Сидит, уставившись на стул, убеждая себя, что эта комната ей не снится, чувствуя облегчение, и все же в груди, где-то в горле застрял узелок страха, она смотрит на дверь, не в силах поверить. Потом какое-то время лежит, мечтая забыться слепой, необязательной дремой, но остатки сна мучают ее, этот человек и его вонь, его слова испугали Айлиш, она слышит детей, взрыв смеха, визг Бейли, перекрывающий рев утренней воскресной телепрограммы.

Глава 3

Молли стоит у раковины в шортах и беговой куртке, подставив под кран чашку, внезапно ее рука отдергивается, Молли вскрикивает, роняет чашку. Мам, говорит она, вода коричневая. Айлиш чувствует на спине взгляд дочери, но не оборачивается. Наклоняется, ложечкой заталки-

вая Бену в рот яблочное пюре, Молли нужен отец, «нет», которое означает «да», и «да», которое никогда не означает «нет». Прошлой ночью во сне они говорили о Молли, и, когда она проснулась, слова Ларри слегка озадачили Айлиш. Ложечкой она останавливает струйку пюре, представляя, как глубоко под землей кусок ржавчины смывает в магистральный трубопровод, и его уносит поток, вода, загрязненная железом и свинцом, течет по трубам во тьму домов, заводов и школ, вытекая из кранов в чайники, стаканы и чашки, свинец всасывается желудочно-кишечным трактом, накапливается в тканях, костях, аорте и печени, надпочечниках и щитовидке, яд незаметно делает свое черное дело, пока следы его трудов не обнаруживаются в анализах крови и мочи. Она разворачивается, наблюдает за водой, текущей из крана, и говорит, просто дай ей немного стечь. Скрежет ключа в замочной скважине. Почему у нас в доме никогда нет воды в бутылках, спрашивает Молли, хватает из вазы яблоко и, возмущенно пыхтя, удаляется в гостиную, а Айлиш поднимает голову и прислушивается, вдруг свет упадет из распахнутой двери, раздадутся знакомые шаги, стук зонтика о подставку, вздох, шорох пальто, крик, куда по-

девались мои тапки? Марк проносит велосипед через прихожую на кухню и молча выставляет через двери веранды на дощатый настил. Она смотрит на Бена в детском креслице и думает о старшем сыне, о том, как незаметно он вырос, хрящ расширяется, становясь костью, кости твердеют, их дело — поддерживать сына на пути к неизвестному, но полному разнообразных возможностей будущему. Только что ползал по полу, а теперь она поворачивается, чтобы взглянуть, как Марк выходит в гостиную, и будущее стало настоящим. Айлиш слышит приглушенный разговор, ты должен ей сказать, повышает голос Молли. Кому сказать, кричит Айлиш, что сказать? Молли вталкивает Марка в кухню, и он протягивает ей письмо. Айлиш велит дочери закрыть кран, берет письмо из рук Марка, тянется за очками. Вскакивает, сама того не замечая, медленно перечитывает, смысл слов ускользает, черные буковки не разобрать. Она поднимает глаза на сына и видит, что ребенка больше нет. Этого не может быть, шепчет она, шаря рукой в поисках стула, но усидеть на месте не в состоянии. Закрывает глаза, видя мерцающую темноту век. Тебе всего шестнадцать, ты получишь аттестат зрелости только в следующем году, они не

имеют права… Марк вешает куртку на спинку стула и замирает, настороженный, торжественно-спокойный. Прибыть в следующем месяце, через неделю после дня рождения, говорит он. Айлиш не видит, как сын подходит к раковине, наполняет стакан, начинает пить, но Молли вырывает стакан у брата из рук и говорит, не пей эту гадость, вода коричневая, лучше посоветуй маме покупать воду в бутылках и расскажи ей, что они сделали, расскажи, как они приходили в школу. Кто приходил? Айлиш наблюдает за сыном, который стоит у раковины, его лоб нахмурен, волосы взлохмачены, подбородок дерзко выпячен. Я не хотел тебе рассказывать, там был врач и какая-то женщина в погонах, они вызвали из класса всех ребят моего года рождения и велели идти в спортзал, там нас осмотрели одного за другим, не говоря, зачем это нужно, и мне пришлось стоять за ширмой в трусах, пока врач измерял рост, осматривал ступни и зубы, спрашивал, нет ли у меня аллергии… Это внезапное давление начинается в сердце, как будто что-то забралось внутрь и разбухает, постепенно расширяясь и выдавливая из легких вопль. Она устало опускается на стул с шепотом, это какая-то ошибка, тебе еще нет семнадцати. Руки тянутся к сыну,

приласкать, прижать к щеке, омыть бальзамом своей ярости. Выслушай меня, говорит она, видя, что он ее не слушает, а смотрит в сад. Ты останешься дома, ты не бросишь школу, они не могут взять и просто призвать тебя. Марк хмуро отворачивается. И как ты их остановишь, они творят что хотят, ты же не помешала им забрать папу. Молли поворачивается к брату и толкает его спиной к раковине. Не смей так разговаривать с мамой. Заткнись, отвечает он. Молли одаривает брата язвительным взглядом, неподалеку кто-то глухо стукает молотком, и Бен роняет ложечку. Айлиш наклоняется и несет ложечку к раковине. По крайней мере, горячая еще чистая, говорит она. Что случилось, спрашивает Бейли, заходя на кухню. Марк берет письмо со стола, выходит во двор, закрывает дверь за собой и достает из кармана зажигалку. Через стекло Айлиш видит, как он пускает газ, но пламя не занимается, она не испытывает желания ни помешать сыну, ни спросить, откуда у него зажигалка, раздается щелчок, янтарное пламя пробует на вкус бумажный уголок и разевает черную пасть, Айлиш наблюдает, как письмо обращается дымом, и, уронив его, Марк оборачивается и смотрит сквозь стекло потемневшим от ярости взглядом.

На работе она рассеянна, мечется, ощущая перед собой смутное препятствие, ища пути обхода, без конца повторяя про себя, нет, они не заберут моего сына. В компании ходят слухи о предстоящем кровопускании и поэтапном сворачивании, но это не может быть правдой. Их вызывают в конференц-зал, где объявляют, что управляющий директор Стивен Стокер отправлен в отставку, сегодня он на работу не вышел и его заменит Пол Фелснер. Он стоит перед ними, теребя кончики пальцев и сияя от удовольствия. Айлиш наблюдает, как, произнося речь, Пол Фелснер оглядывает зал, выделяя соратников по хлопкам и улыбкам, словно дикий зверь, покончив с притворством, рыщет открыто, и Пол Фелснер вскидывает руку, изъясняясь не деловым языком, принятым в компании, а на партийном жаргоне, об эпохе перемен и преобразований, эволюции национального духа, завоевании новых высот, женщина пересекает зал, чтобы открыть окно. Айлиш выходит из лифта на нижнем этаже. Перейдя улицу, приближается к газетному киоску, показывает на сигаретную пачку. Давно это было, думает она, стоя в одиночестве перед офисом, вынимая сигарету из пачки, поглаживая папиросную бумагу, принюхиваясь. Этот хлопковый

привкус ацетатных волокон, когда она закуривает, втягивая внутрь горячий дым, вспоминая день, когда бросала курить в последний раз, и ощущая себя моложе, возможно, тогда с ней был Ларри, трудно сказать. Память лжет, играет в свои игры, наслаивает образы, истинные, ложные, со временем слои перемешиваются, становясь подобны дыму, и дым вырывается у нее изо рта и растворяется в дневном свете. Айлиш наблюдает за улицей, словно та принадлежит какому-то другому городу, размышляя, выходит, жизнь течет сама по себе, не нуждаясь в свидетелях, сами по себе бурлят в зловещем сумраке перегруженные транспортом улицы, снуют усталые, озабоченные прохожие, пребывая в иллюзии своей особости, вот от чего следует избавиться в первую очередь, она наблюдает, очищаясь от себя самой, как оттенки света постоянно меняются, пока улицу не заливает слепящее сияние, оказывается, у чаек, кормившихся в канаве и взлетевших, чтобы не угодить под грузовик, темное подкрылье. Да уж. Колм Перри стоит рядом, постукивая сигаретой по пачке. Не знал, что ты куришь, Айлиш. Она прищуривает глаза, словно хочет разглядеть ответ на вопрос, которого ей не задавали, затем трясет головой. Это я так, балуюсь. Колм Перри

затягивается и медленно выдыхает дым. И я балуюсь. Она раздувает внутри черное пламя, давай, разгорайся, изучает помятую рубашку Колма Перри, багровое лицо пьяницы, лукавый взгляд человека, который в курсе розыгрыша, но предпочитает посмеиваться со стороны. Колм Перри оглядывается на автоматическую дверь. Вот же наглец, говорит он, скоро будет чистка, так что не высовывайся, они любят себе подобных, это все, что я готов сказать. Он снова оглядывается через плечо и достает телефон. Видела последнее? На экране граффити, осуждающие «Гарда Шихана», службу безопасности, государство, ликующие красные каракули, нанесенные краской из баллончика. Надписи как будто сделаны кровью, здание как будто похоже на школу. Школа Святого Иосифа в Фэйрвью, говорят, директор позвонил в ГСНБ, которые приехали и арестовали четверых мальчиков, прошло уже несколько дней, но их до сих пор не выпустили, в сети эта история появилась только сейчас, поэтому родители и ученики собираются на Стор-стрит возле участка «Гарда Шихана». Мой сын получил повестку, говорит Айлиш, он должен явиться на призывной пункт через неделю после того, как ему исполнится семнадцать, он ведь еще школь-

ник, и это после того, как они забрали его отца. Колм Перри смотрит на нее и качает головой. Вот сволочи, говорит он, подносит ко рту ладонь и долго размышляет перед тем, как затянуться, после чего тушит сигарету об урну для окурков. Тебе придется вытащить его отсюда, говорит он. Куда? Она наблюдает, как он пожимает плечами, разводит руками, сует их в карманы джинсов. Колм Перри смотрит на газетный киоск через дорогу. Прямо сейчас я бы не отказался от мороженого, старого доброго рожка «99», а еще неплохо бы поморозить задницу на пляже, и чтобы родители были живы, Айлиш, почем мне знать, Англия, Канада, Америка, на свете много мест, но тебе придется его отсюда вытащить, а мне, пожалуй, пора на работу.

В сети она наблюдает за тем, как ширятся протесты, как родители с детьми, одетые в белое, стоят перед полицейским участком. В ожидании освобождения арестованных они молча держат белые свечи. С каждым днем количество людей возрастает. К следующему утру число протестующих переваливает за две сотни, говорят, все из одной школы, перед зданием полицейского участка темной полосой растянулись охранники. Айлиш помнит эту площадь, мощеную, с гранитными платформами для сидения, восьмигранной двойной пирамидкой из нержавеющей стали в центре, которая что-то символизирует, но это не факт. Площадь проектировали ради света и свободного пространства, ради того, чтобы посидеть, никуда не спеша, но кажется, будто протест распахнул дверь и свет хлынул в темную комнату. Она видит, как Ларри с надеждой поднимает голову, если мальчиков освободят, говорит она, возможно, дело дойдет и до других задержанных. Субботним утром Молли входит на кухню вся в белом. Ты это видела? Вирусные сообщения пересылают с телефона на телефон, приятель близкого друга утверждает, что мальчиков скоро освободят, в другом сообщении говорится, что их освободили несколько дней назад и они находят-

ся со своими семьями, а протест — это заговор с целью дискредитировать государство. Да, говорит она, я такие тоже получила, ни одному нельзя верить, забыла тебе напомнить, что в следующую субботу у Сирши свадьба и я сказала Марку, чтобы он никуда не уходил, пока я не вернусь. Я не нуждаюсь в том, чтобы Марк за мной присматривал. Допустим, но будет лучше, если вы оба останетесь и присмотрите за младшими. Молли выносит стул во двор и ставит в траву под деревом. Айлиш наблюдает, как дочь встает на стул, притягивает к себе ветку, привязывает белую ленточку и смотрит, как та болтается на ветру, ленточки похожи на длинные полые пальцы, беззвучно исполняющие музыку дерева. Айлиш не намерена их пересчитывать. Четырнадцать недель, говорит Молли, возвращаясь на кухню вместе со стулом, ставит стул на место, подходит к раковине, открывает кран, прищуривается, наполняет стакан, пьет. Выпив половину, ставит стакан, вытирает рот рукавом. Я на улицу. Куда? В город. Айлиш изучает ее: белая джинсовка, белый шарф вокруг шеи. Если ты собралась в город, можешь снять это прямо сейчас. Молли с притворным удивлением разглядывает себя. Что снять прямо сейчас? Ты знаешь, о чем я говорю.

Откуда мне знать, о чем ты говоришь, о чем говорят или думают остальные, если все молчат, если в этом доме все молчат как рыбы? Айлиш отворачивается к столу, поднимает и снова кладет на место газету. Ради всего святого, куда подевались мои очки? Твои очки у тебя на макушке. Ну не идиотка ли я? Обернувшись, она замечает странный взгляд Молли, которая морщит губы, словно собирается заплакать. Я хочу, чтобы папа вернулся, просто хочу, чтобы он вернулся, почему ты бездействуешь? Айлиш смотрит ей в глаза, ища сама не зная чего, прежней Молли, уступчивости, но Молли продолжает давить на нее, дергая за какой-то рычаг. Ты думаешь, это вернет твоего отца? Лицо Молли темнеет, она отворачивается, медленно поднимает стакан и выливает воду на пол. Прекрасно, говорит Айлиш, лей воду на пол, расхаживай по улицам в таком виде, может быть, дойдешь до автобусной остановки и никто не сделает тебе замечания, не возьмет тебя на заметку, чтобы потом донести в полицию. Может быть, ты даже выйдешь из автобуса, никем не замеченная, а может быть, нет, может быть, в автомобиле сидят двое мужчин, и одному не понравится твой вид, хотя, кто знает, может быть, ты просто носишь белое, потому что это красиво,

а если ты хочешь что-то этим сказать, что-то дерзкое, и это придется не по душе тому мужчине в автомобиле, и он остановится, выйдет, запишет твое имя, адрес и заведет досье с твоим именем? Может быть, ты промолчишь, а может быть, нет, и вместо того, чтобы записать имя и адрес, он посадит тебя в машину, а ты не задумывалась, куда она тебя увезет, Молли? Может быть, туда, куда едут все автомобили без номеров, подъезжают и тихо забирают людей прямо с улицы за ту или иную провинность, только их и видели. Решила, если тебе четырнадцать, ты можешь делать все, что захочешь, что государству нет до тебя дела, но они уже арестовали тех мальчиков и отпускать не собираются, а ведь это твои ровесники. Думаешь, я ничего не делаю, просто сижу и жду, когда вернется твой отец? А я всего лишь пытаюсь удержать нашу семью, и сейчас в целом мире нет задачи труднее, мир только и думает, как разлучить нас, иногда бездействие — лучший способ получить то, что хочешь, порой приходится сидеть тише воды ниже травы, порой следует хорошенько подумать с утра, какой цвет ты сегодня решила надеть.

Айлиш бродит по отцовской спальне в поисках галстука. Зеленый ковер с узорами-лилиями, заваленный пожелтевшими газетами и журналами, кучи одежды на двух стульях, стоящих рядком у стены, грязные чашки и тарелки на комоде. Она роется в ящиках, преследуемая запахом плесени, посеревших белых рубашек, паутины старых галстуков. Выбирает розовый, прикладывает к носу, ощущая тяжесть прошлого, успевшую, однако, утратить резкость, встает, оборачивается и встречает на фотографии мать, молодая женщина придерживает волосы от ветра, в лице — обещание того, каким станет когда-нибудь лицо дочери. Айлиш сгружает тарелки и чашки на пол, расставляет фотографии. Джин прислоняется к Саймону и вытирает глаза на промозглом пляже. Очень стройная Джин в свадебном платье держит Саймона за руку, не замечая фотографа. Сидит на стуле, держа на коленях двух дочерей, пристальный взгляд устремлен в камеру. Айлиш закрывает глаза, желая увидеть мать такой, как на этой фотографии, мысленно бродя по их первому дому, ступая по сумрачным комнатам, пальцы скользят по перилам лестницы, мимо сиденья у окна, к своей старой комнате, и каждый шаг глухо отзывается в досках пола и улетает

к высокому потолку. Айлиш и сейчас слышит голос матери, но это не звук, скорее чувство, и оно никогда не угасает в памяти, которая сама начинает тускнеть. Со старой кровати она видит окно в небо, открытый шкаф, извергающий тьму, и тьма зовет спящего ребенка в кошмар. Уголки губ постепенно отвисают, волосы до плеч укорачиваются до ушей. Джин седеет в садовом кресле на фоне пышных плетистых роз. Устало опирается на палку у водопада в Пауэрскорте, и кажется, камера в последний раз застала ее врасплох. Айлиш сносит вниз грязную посуду и загружает в посудомойку, Саймон сидит за столом, ковыряя вилкой яичницу с беконом, рубашка расстегнута до пупа, грудь бледная и безволосая. Он хватает солонку за горлышко, трясет над яичницей, бросает на дочь злобный взгляд. Я знаю, что ты там делала. Айлиш бедром захлопывает дверцу посудомоечной машины. Пап, какой свинарник ты развел в комнате, столько тарелок и чашек, застегнись и повяжи галстук, я подобрала его к твоей рубашке. Думаешь, я не слышал тебя там, наверху? Можешь искать сколько угодно, все равно ничего не найдешь. Чувствуя себя оскорбленной, Айлиш наполняет чайник, хотя времени на чай нет. Пап, пожалуйста, поторопись, ина-

че мы опоздаем, служба начнется через час. Он кладет вилку с ножом на тарелку, отодвигает ее от себя тылом кисти, поворачивается лицом к дочери, и в уголке рта засох желток. Неужели ты думаешь, что я держу это в спальне? Так и знай, никто из вас не получит ни пенни. Айлиш смотрит на него, и ей становится страшно, она пытается увидеть то, что спрятано за лицом, что меняется внутри, увидеть его личность как пламя, которое дышит во тьме, никогда не затухающее, бушующее пламя, ныне ставшее тонкой свечой. Он есть, и его нет, и все же, кажется, Саймон снова становится собой, когда подходит к зеркалу, а она встает у него за плечом, пока он разглядывает свое лицо, розоватость бритой кожи, каплю пены для бритья за ухом, которую Айлиш смахивает большим пальцем. Она разворачивает отца за плечи, застегивает пуговицы на рубашке, повязывает галстук. Прекрасный день для свадьбы, тебе не кажется, что им повезло с погодой? Он бросает на нее пренебрежительный взгляд, и она убеждается, что он снова стал собой. Эта твоя кузина, не могу вообразить ее на брачном ложе. Пап, ну зачем ты, Сирша — твоя племянница. Сирше под сорок, а ее отец осел, у моей сестры никогда не было вкуса. Что ж, лучше поздно, чем

никогда. Завязав галстук, она хлопает Саймона по плечу, поднимает глаза, и что-то в его взгляде заставляет Айлиш решить, что он принимает ее за Джин. Она отворачивается, смотрит в сад, где когда-то стояла мать, плетистые розы оборваны и пришпилены к стене.

Из университетской церкви свадебная процессия выходит на Сент-Стивенс-Грин. По пути в парк она берет отца под руку, женщины в разноцветных шляпках цокают каблучками, под деревьями тишина. У озера жених с невестой фотографируются, шафер ослабляет галстук. Из парка они направляются к георгианскому зданию, увитому плющом, запах фрезий сопровождает их на пути в комнату для приемов, высокие окна которой выходят в сад. Через комнату Айлиш смотрит на отца, он беседует с тетей Мари, которая прячет зевок за розовым шеллаком ногтей, оглядывается по сторонам и, завидев Айлиш, устремляет на племянницу призывный взгляд. А, это ты, говорит Саймон, а я рассказываю Мари о законопроекте, который проводит ПНЕ, они хотят взять под контроль науку, расставить повсюду своих людей, Мари, возьми дело в свои руки, им никто не указ, это абсурдно и немыслимо… Мари сжимает ее руку и отворачивается от брата, как будто хочет присвоить Айлиш себе. Твой отец ни словом не обмолвился о малыше, я надеялась, ты возьмешь его с собой, уверена, в твоем возрасте это был приятный сюрприз. Айлиш улыбается в напудренное лицо, видит, как розовые губы смягчаются от слюны, и настроение падает, невы-

сказанное остается невысказанным, разговор сводится к детям, работе, и никто не жаждет обсуждать ситуацию с Ларри. Она смотрит тете в лицо, читая немой призыв провести этот день в атмосфере счастливой эйфории. Айлиш улыбается, жаль, что Ларри не смог прийти, ты меня извинишь? Она слоняется по комнате, выглядывая тех, с кем еще можно поговорить, здесь так мало ее ровесников, кузены отца стареют, и все же между ними лет двадцать пять — тридцать, не так уж много, заказывает выпить, размышляя, как проживет эти двадцать пять — тридцать лет, она уже их проживает, это время уже в прошлом, свет, падающий сквозь высокие окна, дарит им это мгновение, мир стихает до тихого бормотания, невеста в белом великолепна. Когда звенит колокольчик, они с бокалами перемещаются в столовую и занимают места за круглыми столами, и жених встает, словно собирается произнести речь, но вместо этого прикладывает к груди руку и запевает национальный гимн. Татуированные птицы у него на руках, мистические символы на шее. Отодвигаются стулья, гости встают и подхватывают пение, кто-то тянет ее за рукав, это кузина отца Ниам Лайонс шепчет ей, скривив губы, бога ради, Айлиш, вставай. Она смотрит

туда, где должен сидеть отец, но его стул пуст, отправился к стойке за напитком или заблудился по дороге в туалет, она разглядывает поющие рты, опущенные в пол глаза, и во рту пересыхает. Ниам Лайонс снова тянет ее за рукав, но она не поднимется со стула и не станет петь вместе с ними, она не будет петь эту ложь. Айлиш механически начинает раскладывать перед собой белую салфетку, а когда поднимает глаза на жениха, на его лице, на лице шафера и тех, кто стоит вокруг, неприкрытое презрение. Невеста закрыла глаза, жениха приветствуют аплодисментами, хотя хлопают не все. Бледная пожилая женщина с изящными кистями рук ободряюще улыбается ей, но улыбка гаснет, когда женщина встречает взгляд Айлиш. Она роется в сумочке, вынимает белый шифоновый шарф, повязывает его вокруг шеи и встает, когда остальные садятся. Извините, я скоро вернусь, пойду поищу отца.

Звенит таймер духовки, и она разворачивается, зовя детей к столу, раскладывая рагу по плошкам с рисом, пожалуйста, не мог бы кто-нибудь накрыть на стол? Молли, зевая, входит на кухню. Сумерки вошли раньше и окутали ее мать. Молли включает свет, тянется к ящику за вилками и ножами, на мгновение зависает над ним, словно ее мысли упали в ящик. Айлиш кричит, ужин готов. Она смотрит на Бейли, который растянулся на коврике перед телевизором, поворачивается к Молли, скажи Марку, чтобы спускался. Откуда спускался, его нет наверху, отвечает Молли. А где он? Молли пожимает плечами, раскладывая приборы на столе. Откуда мне знать, ты не подвезешь меня после ужина? Айлиш идет к лестнице, зовет Марка, поднимается наверх, спускается вниз. Его нет ни в доме, ни в саду, она набирает его сотовый и слышит звон наверху, снова поднимается, браня сына, заранее зная, каким будет его ответ, как он подожмет губы и опустит глаза в пол, готовясь выдать язвительный комментарий. Она стоит в дверях комнаты мальчиков, на кровати звонит телефон Марка, странно, что он не взял его с собой. Айлиш с виноватым видом берет телефон с кровати, Бейли орет, что больше ждать не намерен и собирается приступить к

еде, один голос говорит «нет», другой — «да», она прислушивается к движению на лестнице. Айлиш читает сообщения сына, кликает на видео, которое тот смотрел последним, заключенный в красном комбинезоне и капюшоне стоит на коленях, над ним мужчина в очках и в черной одежде, учитель, интеллектуал, нараспев читающий по-арабски, который срывает капюшон, поднимает большой серповидный кинжал, и камера начинает медленно наезжать, словно пытаясь разглядеть что-то в глазах жертвы в момент смерти. Она швыряет телефон на кровать, снова поднимает, теперь просматривая историю поисков, жестокость и убийства, видео обезглавливаний и массовых казней. Чувство, овладевшее ее телом, не желает проговариваться, внутри все стянуто в черный узел, и во время ужина Айлиш немногословна. Она бродит по дому, бездумно перекладывая вещи с места на место, Бейли сражается с Молли за пульт, пока сестра не стукает его по голове и не швыряет пульт через всю комнату, Айлиш кричит им, чтобы угомонились. Она стоит на лестничной площадке с ребенком на руках и понимает, что чувство, которое вошло в ее тело, — это смерть, смерть завладела ее сыном, ему еще нет и семнадцати, а кровь уже испорче-

на злобой и тихой яростью. В девятом часу она слышит, как раздвигается дверь на веранду, ключ поворачивается в замке, и она преграждает сыну путь, кладет руку на велосипед, ищет в глазах растущую внутри тьму, ищет свой прежний авторитет. Ее голос громок и резок, и сын отводит глаза. Ты не предупредил, что не вернешься к ужину, где ты был? Айлиш не замечает Саманту, пока та не переступает порог, и замирает, будто боится войти, Марк поворачивается к ней и, скривив рот, молча извиняется за мать. Все в порядке, мам, да успокойся ты, я поужинал у Сэм, хотел написать тебе, но забыл дома телефон, а на память я твоего номера не помню.

Она ведет машину сквозь дождь и мерцающий свет, когда в сумке звякает телефон. Айлиш ждет, пока движение впереди затормозится, тянется к сумке, вынимает телефон. Читая сообщение, она поднимает глаза и видит, что дорога перед ней исчезла, рука тянется выключить радио прежде, чем она прочтет сообщение снова. Двое из задержанных мальчиков мертвы, тела переданы родственникам. Обнародованы снимки трупов со следами пыток. «Туран» катится сам по себе, а она видит мальчиков, которые лежат перед родителями, видит изуродованные тела и шепчет себе под нос, одно дело — забрать из дома отца семейства, совсем другое — вернуть родителям мертвые детские тела. Чувствуя, как дрожь закрадывается в сердце, понимая, что это случится, ярость и отвращение поднимутся из молчащей земли и хлынут горлом. Дома они собираются вокруг стола и смотрят в мировых новостях прямую трансляцию демонстрации, толпа у полицейского участка выросла, люди приводят детей, все одеты в белое и держат зажженные свечи. Пикетчики заполняют автовокзал и близлежащие улицы, а она ложится в постель и не может уснуть, наблюдая за своим страхом, и теперь это жалкое зрелище, а тихий голос, пытавшийся

возражать, больше не слышен. К утру толпе не хватает места, и она начинает движение в сторону Колледж-Грин. Айлиш стоит у окна и смотрит на улицу, Марк и Молли наблюдают за ней в ожидании, когда она заговорит. Дремлющие деревья начинают набухать весной. Скоро они раскроют почки навстречу весеннему свету, размышляет об этом, о силе дерева, о том, как дерево переживает темные времена, что видит, открывая глаза после спячки. И тогда страх отпускает ее, и тело чувствует облегчение оттого, что теперь можно действовать. Мы наденем белое, говорит Айлиш, разворачиваясь, мы выйдем и присоединимся к ним. Смотрит, как дети поднимаются наверх, и дом наполняют бесстрашие и возбуждение.

Кэрол Секстон приходит с овсяным хлебом, остатками крамбла и белыми свечами. Марк уже уехал на велосипеде. На въезде в город движение замедляется на контрольно-пропускном пункте, и Айлиш оборачивается к детям. Застегните куртки. Автомобиль перед ними съезжает с дороги для досмотра, гарда подходит к «турану», молодое умное лицо наклоняется, изучая права Айлиш, полицейский находит и удерживает ее взгляд. Куда едете? Разглядывая веснушчатый лоб, она отмечает, что, должно быть, он всего на несколько лет старше ее сына, и ложь слетает с ее губ и порхает в воздухе. Гарда наклоняется ниже, чтобы рассмотреть Кэрол, затем прикрывает лицо ладонью, разглядывая детей на заднем сиденье. Бейли прижимает нос к стеклу и машет рукой. Движение автомобилей вдоль набережных перекрыто полицейскими на мотоциклах. Она паркуется в переулке рядом с церковью, и с Беном в коляске они идут пешком, под щелканье светофора переходят пустую улицу, странно видеть тихие набережные, солнечный свет играет на воде, и такое чувство, будто тишина разгоняется. Кэрол не умолкает с тех пор, как они вышли из машины, но Айлиш плывет по течению, словно с высоты наблюдая за детьми, пытаясь удержать

страх. Она говорит с Ларри, следя за его реакцией, хотя он пребывает в каком-то затененном пространстве, в недосягаемости темной камеры. Вскоре появляются люди, открыто щеголяющие в белом, и, шагая по улочкам Темпл-Бар в направлении Колледж-Грин, они слышат шум, а затем перед ними встает толпа, массовое средоточие воли, говорят, протестующих уже пятьдесят тысяч, хватит, чтобы заполнить площадь до отказа, и дух Айлиш воспаряет, да так, что дыхание перехватывает. Она сжимает руки детей, когда они проталкиваются среди раскрашенных белым лиц, белых флагов и плакатов, Кэрол следует за ними, так много людей держат белые свечи, и, кажется, все привели детей. Девушка предлагает раскрасить им лица, Молли собирает волосы в пучок. Перед зданием старого парламента возведена сцена, и молодая женщина с микрофоном призывает к прекращению чрезвычайных полномочий и освобождению политзаключенных. Женщину провожают бурной овацией, и ее место занимает мужчина, и дело даже не в словах, думает Айлиш, а в том, что говорят их тела, ведь здесь, перед всем миром, негде спрятаться. Бейли смотрит трансляцию на телефоне, и она видит лица ораторов, огромные, живые, и чувствует,

что страх ушел, превратившись в свою противоположность, ей хочется отдаться этому чувству, стать единым целым с этой общностью, дышать единым дыханием, ощущать, как твоя сила растет вместе с торжествующей толпой. На миг ее переполняет изначальное ощущение смерти, победы, резни, истории под ногами завоевателя, в руке словно огромный клинок, и она опускает его, дрожа от восторга, и делает резкий вдох, а два блюстителя порядка прогуливаются с камерами, фиксируя лица и не обращая внимания на свист и насмешки толпы. Подняв голову, Айлиш видит на крышах снайперов, людей, поблескивающих стеклами камер с телеобъективами, небо затянуто дождевыми тучами, и она вспоминает, что не взяла плащи и зонтики. Кэрол раздает бутерброды и бутылки с водой, а на большом экране появляются изображения погибших подростков, когда те были детьми, кудрявый малыш улыбается, второй таращит глаза. Айлиш не подозревает, что крепко сжимает локоть Бейли, пока тот не освобождается из ее рук, она думает о Марке, видит, как его забирают из школы, видит сына сотрудником службы безопасности на митинге против собственной родни, зная, сколько в его сердце ярости и неповиновения, она этого не

допустит. Она кладет руку на плечи Молли и прижимает дочь к себе, ее захлестывают воспоминания о другом митинге, но это ложь, подмена, воспоминания принадлежат другим людям в другой стране, бесчисленное количество раз она видела такое по телевизору. Бен просыпается с резким вскриком, ему хочется выбраться из коляски, он начинает плакать, и Айлиш приходится расстелить на земле куртку и посадить на нее малыша, но он упрямо пытается уползти в сторону. Пожилая женщина в бледно-зеленом, которая сидит на складном стуле, предлагает взять Бена на колени. Бейли начинает размахивать руками, в изможднии плюхается на свой рюкзак, ему уже хочется домой, откуда-то доносится запах хот-догов, Бейли говорит, что умирает с голода, и она отправляет его за едой вместе с Кэрол. Молли набирает на телефоне сообщение. Мам, говорит она, Марк ищет нас. Она отходит ненадолго и возвращается вместе с Марком и его другом, которого они видят впервые. Оба в белых футболках и белых банданах, закрывающих рты, и Айлиш стягивает бандану с лица сына. Зачем, ты же не громила, это мирный протест. Она видит ироническое выражение в глазах приятеля Марка, что-то в нем ей не нравится, хотелось

бы знать, откуда он взялся. Кэрол протягивает Марку сэндвич, тот расправляется с ним за три укуса и просит сэндвич для друга. Ты должен вернуться домой не позже восьми, говорит она, и Марк ухмыляется Молли, которая хочет пойти с ними, но Айлиш не разрешает. Кажется, дождь собирается перерасти в ливень, раскрываются зонты, и единство толпы распадается на отдельные клетки. Дети сбиваются в кучу под большим зонтом какой-то женщины, Бейли просит салфетки, сморкается и повисает у женщины на руке. Люди с детьми движутся сквозь толпу, пора готовить ужин, выгуливать собак, это студенты и бездетные могут сидеть тут всю ночь. Когда они поворачиваются, чтобы уходить, Айлиш смотрит в небо вдоль улицы, уходящей к собору Крайст-Чёрч, и видит, как медленно разгорается пламя, словно огонь охватил весь мир.

Кэрол Секстон переночует у них. Ехать через весь город рискованно, говорит Айлиш, думая о возбужденных толпах, идущих домой через мосты, о том, как автомобили с развевающимися из окон белыми флагами останавливают на блокпостах, об обысках и арестах, этим полны все мировые новости. Кэрол смотрит на телефоне, как военные грузовики и бронетранспортеры въезжают в пригороды, выстраиваются вдоль каналов. Такое ощущение, что они готовятся к вторжению, говорит она. В сети ходят слухи о нападениях на автомобили, с битами и кирпичами, о том, что молодчики в балаклавах вытаскивают людей из машин, о сожженных машинах. Айлиш размораживает болоньезе и разрешает Бейли и Молли поужинать перед телевизором, пока она укладывает Бена, любуясь крохотными кулачками, желая, чтобы он подольше оставался таким же, но, сколько бы ни продлилось его младенчество, пусть он ничего не узнает о первых годах своей жизни, которые станут преданием, о временах, когда твой отец ушел, и временах, когда он вернулся. Айлиш идет в ванную, смывает с лица косметику, смотрит в зеркало и видит Марка, красивого, молодого, она закрывает глаза, чувствуя, как его у нее отнимают, его рука вы-

пускает ее руку, видит их всех в каком-то темном море, Ларри уносит первым, она кричит Марку, чтобы плыл к берегу, кричит во тьму. Айлиш открывает глаза, наклоняется к зеркалу и цепляется пальцем за коготь, протянутый к ее лицу. Кэрол на ноутбуке смотрит прямую трансляцию демонстрации. Количество протестующих уменьшилось до нескольких тысяч, которые молча сидят с зажженными свечами в бумажных пакетах, словно верующие перед крестным ходом, а вокруг полицейские с водометами и дубинками. Айлиш смотрит на часы и прислушивается. Пятнадцать минут девятого, без десяти девять, почти девять, она продолжает набирать Марка. Не могу отделаться от ощущения, что грядет нечто ужасное, говорит Айлиш. Кэрол внимательно за ней наблюдает. Если бы хотели, они давно бы это уже сделали, уже напали бы, разве нет? Айлиш смотрит на часы. Я продолжаю его набирать, слушаю его голосовое сообщение, кажется, он наговаривает его на бегу. Бейли и Молли снова ссорятся, она и забыла, что они все еще в гостиной. Айлиш подходит к двери и отправляет детей спать, останавливается у раковины и допивает чашку. Мне показалось или у чая действительно странный привкус? Она снова смотрит на телефон. С Мар-

ком все будет в порядке, Айлиш, это такая же его битва, как и твоя, ты должна отпустить его. Да, но я велела ему быть дома к восьми. Кэрол опускает глаза на чашку. Ты права, какой-то он затхлый, должно быть, от воды. Айлиш всматривается в лицо Кэрол, думает, а ведь я совсем не знаю эту женщину, которая сидит на стуле с прямой спиной и лицом, хранящим следы бессонных ночей, как будто то, что заставляло ее сохранять облик, медленно вытащили и теперь горе выедает ее костный мозг. Айлиш поднимает руку, касается лица. Вид у меня усталый? Я так измучилась, ничего не соображаю, мне нужно лечь. Я приготовила для тебя кровать Молли, она будет спать со мной. Айлиш поворачивается к двери, у нее возникает ощущение, что она что-то забыла, и она рассеянно оглядывает кухню. До его дня рождения, Марка, я говорю про Марка, осталось две недели, и, если протесты ни к чему не приведут, я просто не знаю, что мне делать. Ходят слухи, говорит Кэрол, что молодые люди бегут за границу, надеясь избежать призыва… Айлиш смотрит на часы, она забыла проверить, заперта ли задняя дверь, в корзине на полу стопка белья. Но как мне его вывезти, они не выдали ему паспорт, пришло письмо из Министерства юстиции, заявление

отклонили без объяснения причин. Кэрол встает, берет руку Айлиш и сверху кладет свою ладонь. Если они придут за ним, Айлиш, если дойдет до такого, он может пожить у меня, пока все не закончится… Послушай, может быть, это и не понадобится, но есть еще бабушкина квартира окнами в переулок, никто не станет искать его там. Айлиш вытаскивает руку из ладоней Кэрол, на коже остается ощущение от ее прикосновения. Она стирает его с руки, подходит к задней двери, дергает ручку и смотрит наружу через стекло. Фальшивые краски ночи, мир остается прежним, несмотря на тени, что скрывают причиняемый вред. Мой сын, шепчет она, беглец, а должен учиться в школе, слоняться без дела, играть в футбол. Отражение Кэрол в стекле — воплощение горя. Я могу переправить его через границу в Портраш, к моему брату, у него там дом, разреши мне поговорить с Эдди, он женат на местной и захочет помочь. Ты не понимаешь, Кэрол, он учится в школе, хочет поступать в университет. Когда она поднимается наверх, Молли уже заснула. Кэрол прибирается на кухне, и Айлиш многое отдала бы, чтобы вместо этих звуков слышать, как муж и сын дурачатся на кухне, как Ларри проводит силовой прием, а то ли еще будет, когда

Марк его перерастет. Она снова набирает сына, но телефон выключен, или сел аккумулятор. Скомкав в руках пижаму Ларри, она подносит ее к носу, запах медленно выветривается. Айлиш погружается в сон, где лица в тени, где гомон толпы, а среди ночи оказывается в другом сне, где двое становятся одним, отец и сын, и она ищет того, кто стал ими обоими, но во сне его нет.

За окном шелестит дождь. На нее нападает апатия, ощущение, что пустое тело, наполненное шумом дождя, ничего не помнит, пока не пробуждаются и не обрушиваются воспоминания, Айлиш заглядывает в комнату мальчиков и видит пустую кровать Марка. Возвращается к себе, зажигает прикроватную лампу, опускает абажур, чтобы не разбудить Молли. Бен спит в своей кроватке сном праведника. Какие страхи могут прятаться в снах ребенка: страх падения с высоты, мелькания неразличимых лиц, страх проснуться одному в темной комнате? Бен просыпался всего раз, вспоминает она, открывает ноутбук, кликает на мировые новости, и из горла вылетает низкий рев, и Молли начинает ворочаться. Мам, что происходит? Айлиш скроллит экран, тянет себя за волосы, смотрит на дочь, чувствуя, что теряет контроль, ей хочется заорать на весь дом. Они разогнали протестующих среди ночи, говорит Айлиш, тысячи арестованных, их посадили в автобусы… она пытается снова дозвониться до Марка, но телефон отключен. Они наблюдают, как с рассвета силы безопасности атакуют демонстрантов светошумовыми гранатами, слезоточивым газом и дубинками, протестующие сопротивляются под дождем и светом фонарей,

пока не начинается стрельба на поражение, новости показывают, как тысячи людей покидают Колледж-Грин, как демонстрантов затаскивают в автобусы, как мужчину, лежащего ничком на земле, хватают и куда-то тащат, и Айлиш замечает, что он в одном ботинке. Босая, она стоит на лестнице, набирая номер, который не отвечает, в доме тишина. Стоит у кухонного стола, снова набирает, опускает телефон, садится на стул. Воды вздулись, теперь она видит ясно, воды унесли их с собой, пока она спала, забрали ее сына, и прилив бьется о скалы. Кэрол спускается в кухню, полностью одетая и готовая к действию, Айлиш складывает руки на груди и отворачивается, желая, чтобы эта женщина поскорее убралась из ее дома. Откуда ты знаешь, спрашивает Кэрол, ты не можешь быть уверена, дай ему несколько часов. Айлиш резко разворачивается на носках, смотрит в лицо Кэрол, гадая, в каком часу та легла, этот аромат не принадлежит ее дому, под салфетками хлеб и выпечка, пол пахнет моющим средством с запахом сосны, столешницы отдраены, ты позволяешь ей остаться всего на одну ночь, а она распоряжается на твоей кухне, как у себя дома. Он нашел бы способ позвонить, говорит Айлиш, зарядил бы телефон, он не провел бы ночь вне дома,

я своего сына знаю. Кэрол начинает скроллить новостную ленту, подвигает стул, садится. Здесь говорят, они используют Национальную крытую арену как центр содержания под стражей, именно туда едут все автобусы. На кухню вплывает Молли с зубной щеткой в руке, садится за стол, насыпает хлопья в миску, но не делает попытки достать молоко, а начинает размешивать сухие хлопья зубной щеткой. Кэрол говорит, послушай, Айлиш, если хочешь куда-нибудь сходить, я могу остаться и присмотреть за детьми, сегодня у меня нет никаких дел. Айлиш внимательно наблюдает за Молли, за Беном, который ползает по коврику, снова смотрит на дочь, как бы спрашивая разрешения уйти. Хочешь молока, любимая, спрашивает она, подходит к холодильнику, ставит пакет перед Молли. Давайте подождем несколько часов, он обязательно вернется, говорит Айлиш. Бен выполз в гостиную, подтянулся на ручках, встал и теперь молотит кулачком по журнальному столику. Скоро он начнет ходить, а затем побежит, и рука, которая сейчас притягивает к себе материнскую руку, будет тянуть в обратную сторону, требуя, чтобы ее отпустили.

Айлиш садится в «туран», закрывает дверцу, поворачивает ключ в замке зажигания и опускает руки. Скоро ужин, но она боится уходить из дома. Ей нужно поговорить с отцом, она снова набирает Марка, потом Саймона, тот не отвечает, она повторяет вызов, разглядывая улицу, и тут до нее доходит, какая вокруг абсолютная тишина, даже птицы не нарушают воскресный покой. Низкое небо словно застыло, жалюзи опущены, улица безмолвно наблюдает, как люди проживают свои жизни, циклы рождения и смерти, бесконечную череду поколений, и так сотнями лет. В телефоне щелчок, это Саймон, но она не может сказать ему то, что хочет сказать. Эта женщина снова забрала мои очки. А ты смотрел в обычных местах, пап? На кухонном столе, на стуле рядом с ванной? На днях я поймаю ее с поличным, она пытается разрушить мою жизнь, на прошлой неделе украла из шкафа хрусталь твоей матери, держу пари, ты даже не заметила. Она следит за мыслями отца, наблюдает переменчивую погоду, зона низкого давления отвечает за внезапное ненастье, но через пять минут снова развиднеется. Папа, я забрала хрусталь на прошлой неделе, чтобы его почистить, он почернел от пыли, ты же видел, как я заворачивала его в газету, послушай,

одному тебе дома не справиться, миссис Тафт просто передвигает вещи, когда убирается, я обязательно с ней поговорю, ты видел новости? Не знаю, о чем ты толкуешь, я никогда не говорил, что нуждаюсь в посторонней помощи, никогда не говорил, что готов терпеть ее в своем доме. Айлиш сосредотачивается на дороге, есть только шум автомобилей, мокрый асфальт, покрытый шлаком. Она не может отрегулировать интервал снегоочистителя, дворники бьют ее по голове, навигатор советует свернуть на следующем съезде, у пропускного пункта она видит мужчину и женщину, которые спорят о чем-то рядом с двумя припаркованными автомобилями, женщина указывает на мужчину и машет чем-то оранжевым, когда Айлиш проезжает мимо. Она сворачивает и едет по Снагборо-роуд, высматривая правый поворот к Национальной крытой арене, где негде припарковаться, автомобили выстроились вдоль обочины, перекрыв автобусную полосу, у ворот собралась толпа. Вылезая из «турана», она завязывает на шее шарф и застегивает куртку, поглядывая на небо. Какой-то шепоток повисает в воздухе во второй половине дня, маскируется под дождь, когда Айлиш обходит людей перед воротами, и она не знает, как его назвать. Это

ощущение, когда зима сменяется весною, холодный дождь пропитывает ткань, холод проникает в сердце, пока она стоит, наблюдая за воротами и забором, увенчанными колючей проволокой, за камерами слежения, вооруженными солдатами в балаклавах, приглашающими проходить по одному к справочному окну. Айлиш забыла взять с собой еду и питье. Подтянутая деловитая женщина, одетая как полярник, предлагает ей какие-то сласти в целлофановом пакете. Я два дня ничего не знаю о дочери, они не дают никакой информации, а сегодня мне позвонили, и мужской голос сказал, что она в городском морге, но, когда мы пришли с мужем, ее там не было, мое сердце чуть не разорвалось. Полицейский фургон с задержанными притормаживает у входа, но ему мешают проехать телефоны с включенными камерами, которые люди прижимают к темному стеклу, женщина лет шестидесяти колотит в окно кулаком, сумочка соскальзывает у нее с плеча. Мужчина в мятом деловом костюме кричит на солдат, снимите маски, вам есть что скрывать? Ворота распахиваются, открывая безмятежный вид на спортивный комплекс, и фургон въезжает внутрь. Айлиш разворачивается, разглядывая окружающие лица, болезненно искаженные

головокружением перед внезапно открывшейся бездной, это те же люди, и каждый одет и обнажен, запятнан и чист, исполнен достоинства и стыда, лояльности и бунта, и всех привела сюда любовь. Рано или поздно боль пересиливает страх, и, когда страх исчезнет, режиму придется уйти. Спустя час, обыскав, ее впускают внутрь, и она подходит к стеклу, за которым девушка в мундире отрывает взгляд от экрана. Ваше удостоверение личности, пожалуйста. Айлиш охлопывает карманы. О, не подумала его взять, должно быть, оставила в машине, мой сын вчера пошел навестить свою девушку и не вернулся, я жду здесь уже несколько часов. Лицо, обращенное к ней, простое, как молоко, Айлиш пьет и улыбается, и взгляд молодой женщины теплеет, рядом с ней пустое кресло. Вы уверены, что у вас его нет, ладно, не имеет значения, как зовут вашего сына? Губы Айлиш произносят имя, но голос говорит нет. Она смотрит себе под ноги, в голове пусто, и Айлиш тычет носком туфли в желтую линию на асфальте. Голос принадлежит Ларри. А что, если его там нет, произносит голос, им нужны имена, попав в систему, имя там и останется, имена — источник их власти. Джеймс Данн, двадцать семь лет, Норсбрук-авеню, Ране-

лах, говорит она. Ей хочется поскорее вернуться в машину, выиграть еще немного времени, она наблюдает, как девушка вводит имя, на пальце тонкое помолвочное кольцо, Айлиш видит, как она держится за руки с каким-то молодым парнем, любителем стаута и погонять в футбол, она не выглядит плохой девушкой, редко кто из них выглядит, и она мало чем отличается от вчерашней выпускницы колледжа, барменши, протирающей столы, бухгалтера-стажерки, считающей часы до обеда. Открывается дверь, входит мужчина в форме, отодвигает стул, кладет на стол пакет с сэндвичами и что-то тихо говорит девушке, которая смеется, не отрывая глаз от монитора. Боюсь, по этому имени у меня нет никакой информации, вы не могли бы заполнить эту форму?

Дети никак не улягутся, и ей приходится на них прикрикнуть. Айлиш лежит в темноте, блуждая по тупиковым аллеям мыслей, думает, что спит, затем просыпается в темной комнате в окружении шепчущих лиц, которые ее обсуждают. Садится, проверяет в кроватке спящего сына, спускается на первый этаж и, проходя через гостиную, слышит дыхание. Она замирает, включает лампу. Марк в куртке растянулся на диване, рука свисает с края, на шее белая бандана, одежда все еще влажная от дождя. Она берет одеяло, опускается на колени, осторожно, чтобы не разбудить сына, поднимает его свисающую руку и кладет на диван. Держит его руку в своей, наблюдая за сонным лицом, расслабленными мышцами вокруг рта, какой же он еще ребенок. Когда Марк просыпается, она хмуро смотрит, как он мажет масло на хлеб, делает долгий глоток кофе, какая-то тень в его лице, он избегает ее взгляда. Я тебе не верю, говорит она, мир вокруг нас пропитан ложью, где мы окажемся, если и ты начнешь мне лгать? Я сказал тебе, где я был, у меня просто не получилось вернуться домой раньше. Он отодвигает стул, идет к своему телефону, садится, набирает сообщение. А куда девался твой рюкзак? Марк на миг отрывается от экрана и пожимает плечами.

Они сказали, якобы мы напали на них с металлическими дубинками, они выстрелили мужчине в грудь и заявили, будто у него было больное сердце. Послушай, говорит она, это везение, что тебя не арестовали, теперь тебе нельзя высовываться, сегодня можешь остаться дома и поспать, но завтра ты возвращаешься в школу. Она стоит у стола и смотрит на сына, пока тот не отводит взгляд. Не мытые несколько дней волосы, сырая вонючая одежда. Тебе нужно принять душ, говорит Айлиш, а потом поднимайся наверх и постарайся уснуть. Он вздыхает, встает, возвышаясь над ней во весь рост, подбородок покрыт щетиной, и на мгновение она перестает узнавать сына. Марк разжимает ладони и отводит глаза, и, когда он говорит, Айлиш ощущает его решимость, каменное спокойствие его голоса. Мир смотрит на нас, мама, мир видел, что случилось, они расстреляли мирную демонстрацию, они выслеживали нас, все изменилось, неужели ты не видишь, что пути назад нет? Она отворачивается в поисках какой-нибудь власти над сыном, древнего кровного превосходства, смотрит в сад, где все блестит от влаги, дождь впитывается в землю. Ты не обязан в этом участвовать, говорит она, они уже забрали твоего отца, они не заберут моего сына. Сжав

руки в кулаки, она оборачивается к нему, то, что слетело с ее губ, ложь, так или иначе, они заберут ее сына, даже сейчас, когда он стоит перед ней, они уже его забрали. Бейли с грохотом спускается по лестнице и заходит на кухню, кашляя с открытым ртом. Прикрой рот, велит ему Айлиш. Ух ты, говорит он, глядя на брата, когда ты вернулся? Бейли открывает холодильник, достает молоко. Мам, ребенок плачет, а я простыл, можно не пойду в школу?

Айлиш стоит и смотрит сквозь жалюзи на улицу, думая о сотрудниках службы безопасности, которые обходили толпу, снимая лица. В больших и маленьких городах по всей стране ГСНБ стучится в двери, хватая диверсантов, оккупировавших улицы, террористов, которые скрываются среди гражданского населения. Ты наблюдаешь за автомобилями, которые медленно проезжают по улице или паркуются неподалеку от дома, и за теми, кто в них сидит, и возникает чувство, будто великий сон прервался, будто всех разбудили среди ночи. Ты слышишь во сне стук в дверь и уверен, что это происходит наяву. Протестующие перегораживают дороги, устраивают поджоги на улицах, палят чучела на площадях, бьют витрины, расписывают стены лозунгами. Женщины в свадебных платьях раздают фотографии пропавших мужей. Люди с фальшивыми браслетами «Гарда Шихана» собираются группами и с битами и метательными палками нападают на протестующих. Она смотрит репортажи о блокаде в Корке, темный поток спецназовцев, грохочущее стаккато выстрелов боевыми патронами над головами демонстрантов. Пуля сбивает с ног студента, и эта запись без конца крутится в мировых новостях, замедленное падение тела, разорванного на пик-

сели, когда его заволакивает слезоточивым газом, и тело бросают на заднее сиденье автомобиля, который стремительно сворачивает на боковую улицу. Айлиш пересматривает репортаж снова и снова, не веря своим глазам, знакомые очертания улицы, мужчина в коричневых сандалиях с хозяйственной сумкой в руке на автобусной остановке, исторический пассаж с рекламой косметики в окнах, только в прошлом году она делала там покупки. Рассылается уведомление, что школы закрываются до тех пор, пока не будут восстановлены закон и порядок. Айлиш велят работать из дома. Молли, закутавшись в отцовский халат, хандрит, отказываясь есть что-нибудь, кроме хлопьев на завтрак, Бейли жалуется, что ему жмут ботинки. Кажется, Марк перенял от отца ту же мрачную неукротимость. Пожалуйста, останься, умоляет она, но он приходит и уходит когда заблагорассудится, возвращается домой поздно, и она не знает, что с этим делать. Этот незнакомый воздух, солдаты у банкоматов и банков, солдаты на бронетранспортерах, едущие в город. Айлиш наблюдает, как старик выходит на улицу и плюет под колеса армейского грузовика. В разговорах с коллегами из Нью-Йорка она придерживается нейтрального делового тона,

беседуя с сестрой по телефону, следит за голосом и словами, расплывчатость некоторых слов, осознанная двусмысленность одной фразы по сравнению с другой. Жаль, что ты не хочешь ко мне прислушаться, говорит Айне, история — это безмолвная летопись людей, которые вовремя не поняли, что пора уносить ноги. Айлиш молчит, наблюдая, как слова сплетаются вокруг нее, пока она не заглотит наживку сестры, как обычно, вы обе кому угодно заморочите голову по телефону, всегда говорит отец, ей нет дела до того, кто их подслушивает. Тебе легко говорить, оставила отца на меня, и потом, где сейчас твой муж? Преподает математический анализ в университете, приедет домой через час, наденет тапочки и задерет ноги вверх, пока ты будешь готовить ему ужин, вот и я ни на чертов дюйм не отойду от своей двери, пока не увижу дома моего Ларри.

Она едет в супермаркет, сует монетку, чтобы взять тележку, усаживает сына на сиденье спереди и проходит мимо двух солдат на входе, затаив дыхание, мрачное величие автоматического оружия в руках юнцов не старше ее сына, подбородки, которым не нужна бритва, на лицах вызывающая невозмутимость. Запасы на полках еще не успели пополнить. Нет ни свежего хлеба, ни молока. Она покупает дрожжи, муку грубого помола, сгущенное молоко, немного консервов и детское питание. Обходит солдат на пути к выходу, прикрыв Бену лицо рукой. Едет домой вдоль канала, притормаживает у блокпоста, на дороге вооруженные полицейские с хмурыми лицами, у нее перехватывает дыхание. Ее просят открыть багажник, пока гарда с пистолетом у бедра наклоняется и смотрит на ее сына. Айлиш наблюдает за четкими перемещениями вокруг автомобиля, отъезжает от блокпоста, глядя перед собой ошалевшим взглядом, думая о дне рождения Марка, изучая деревья вдоль канала, ивы и тополя, дающие тень для прогулок, и лебеди скользят в растягивающемся свете, и так было всю ее жизнь. Айлиш ловит себя на том, что хочет, чтобы весна остановилась, день стал короче, деревья снова ослепли, цветы зарылись в

землю и мир заледенел, готовясь к зиме. Приехав домой, она поднимается на второй этаж, чтобы уложить Бена, слышит приглушенный щелчок входной двери, слышит, как кто-то скользит по двору, быстрые шаги по гравию. Поднимает жалюзи, выглядывает на улицу. На другой стороне улицы Марк садится в старую «тойоту», за рулем какой-то юноша, еще один на переднем сиденье, никого из них она не видела раньше, и ни у кого из друзей Марка нет машины. Айлиш с ребенком на руках сбегает вниз по лестнице и выскакивает из дома, и тут автомобиль трогается с места, она бежит за ним по улице, размахивая руками, веля им остановиться, но, притормозив на углу, машина скрывается из виду. Айлиш стоит неподвижно, чувствуя, как мерзнут ноги, опускает глаза и видит, что на ней домашние тапочки, а Бен извивается, пытаясь вырваться из ее рук.

Глава 4

4

В субботу вечером они сидят за столиком ресторана. Времени хватит, чтобы поесть, расслабиться и отвезти Саймона домой до комендантского часа. Замечательно видеть рядом Молли и Бейли, Бена в детском креслице и Саймона в твиде, сидящего с краю скамьи, Марк должен быть с минуты на минуту. В соседней кабинке мужчина

и женщина поглощают еду в покорном молчании, если не считать звона столовых приборов, женщина с отстраненным и разочарованным видом разглядывает содержимое своей тарелки, не переставая есть. Саймон громко сморкается в носовой платок, и Бейли, скорчив гримасу, отворачивается к Молли. Айлиш тянется к сумочке за телефоном, взгляд падает на пустой стул. Она говорит себе, что это неправда, что в каком-то смысле Ларри здесь с ними, он не мог забыть, что сегодня у Марка день рождения. Она видит, как он сидит в тюремной камере, сложив на коленях руки, пытаясь мысленно проникнуть в ее мысли, желая, чтобы ее жизнь шла своим чередом, желая ей быть сильной. Айлиш откидывается назад, прислоняясь к складкам кожзаменителя, разглядывая детей и говоря Ларри, наша помощь нужна Молли — Молли, которая теперь не встает с постели раньше полудня и не ест целыми днями. Ты наблюдаешь, как она ковыряет кожу вокруг ногтей, как из девочки спортивного сложения превращается в худышку, как все внешнее прячется внутрь и тень гложет ее душу. Саймон ворчит над меню, Молли не знает, чего ей хочется. Подходит официантка, на ходу вынимая из-за уха карандаш, кольца в ушах качаются, словно

ухмыляясь. Мы подождем моего сына, говорит Айлиш, а пока закажем напитки. Мысленно она видит, как Марк подъедет на велосипеде, пристегнет его цепью к перилам, замнется, в глубине души желая оказаться где-нибудь в другом месте. Официантка возвращается, Айлиш снова пытается дозвониться, пока Саймон пожирает девушку глазами, Айлиш пытается улыбаться, делая заказ, лысый мужчина всматривается в витрину ресторана, заходит, окидывает взглядом почти пустой зал и снова выходит. Приносят еду, и Саймон с Бейли жадно набрасываются на пасту. Они поглощают пищу, словно хищники, губы и зубы в крови, они думают о телесных потребностях, о тех, что ближе всего к природе, еда, секс, насилие — разгул и освобождение. Мороженое в вазочках успевает растаять, когда в дверях появляется Марк, промокший и потрепанный ветром. Не говоря ни слова, Айлиш встает, давая ему проход. Не она, а Молли поддевает его колким замечанием, но Марк не собирается оправдываться и тянется за чесночным хлебом. У тебя руки посинели, говорит Айлиш, зажимая его ладонь между своими. Официантка приносит Марку тарелку пасты, Айлиш наблюдает за сыном, как будто хочет впитать его строгость, спокойное достоин-

ство, с которым он держится, внутренний свет его разума, изящные мужские кисти рук. Она хочет стать одним с его кровью, смягчить ожесточенное сердце, согреть взгляд, смотрящий на мир все с бóльшим холодом, она видит, как Марк примеривает непроницаемую отцовскую маску. Пара из соседней кабинки идет к двери, одевается, мужчина высовывается наружу, со страхом глядя в небо. Айлиш смотрит в лица сидящих за столом, просит всех наклониться и понижает голос. У меня есть новость, которая касается вас всех, вчера мы обсудили это с Марком, я решила отправить его в школу-интернат за границу, я не могу допустить, чтобы происходящее повлияло на его учебу, он слишком молод, чтобы служить. Лицо Молли начинает сморщиваться, Саймон скатывает в шарик салфетку. Это будет нашим секретом, о котором нельзя говорить никому за пределами семьи, ты меня слышишь, Бейли? Айлиш наблюдает, как Марк крутит в руках пустой стакан, кладет нож и вилку, качает головой. Я передумал, говорит он, я не хочу никуда уезжать, у меня есть право отказаться, пойти под трибунал, я такой не один, а если я перейду границу, обратного пути не будет, меня наверняка арестуют… Молли закрывает лицо руками, Бейли начинает

ковыряться в столе ножом. Айлиш забирает у него нож и кладет перед собой. Но, Марк, мы же вчера обо всем договорились, я все еще твоя мать, и с этого момента ты будешь делать то, что я скажу, до тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать, а потом поступай как хочешь. Лицо Марка мрачнеет, он убирает руки со стола и качает головой. А может быть, я принадлежу государству, а не тебе? И я не должен никуда уезжать, если я этого не хочу. И тогда Саймон опускает кулак на стол и наклоняется к внуку. Есть одна стихотворная строчка, которую тебе не помешало бы намотать на ус, говорит он, звучит она примерно так: если хочешь умереть, тебе придется за это заплатить[2]. Марк усмехается. Что ты имеешь в виду, мам, о чем он говорит? Не отрывая глаз от Марка, Саймон откидывается назад. Это значит, сынок, что, если хочешь остаться здесь, поразмысли, чем это для тебя обернется. Марк поворачивается к матери, и ему снова десять, и на лице застыла недовольная мальчишеская гримаса. Мам, почему он со мной так разговаривает? Айлиш смотрит на отца, затем переводит взгляд на улицу, думая о том, что происходит снаружи,

[2] Примечания: 2

Из стихотворения «Харон» ирландского поэта Луиса Макниса (1907–1963).

постепенно выходя из-под контроля, ускоряясь, набирая силу. Наблюдая сейчас за ними, ощущая, как момент ускользает, она знает, что когда-нибудь вспомнит всех такими, как сейчас, своих детей, сидящих за столом, чувствует, как колесо хаоса делает оборот. Вот вас шестеро, а вот уже пятеро, а вот и четверо. Дверь на кухню распахивается, официантка пятится, разворачивается, в руках у нее праздничный торт, пока она пересекает зал, заставляя их себе подпевать, свечи еле колышутся. Марк отводит глаза.

Какая-то другая версия Айлиш садится в машину и едет, почти не замечая дороги, чувствуя беспокойство сына, который не отрывается от экрана телефона. Теперь она видит этот разлом между тем, как должно быть и как есть, и она уже больше не та, кем была, кем должна быть. Марк стал другим сыном, она — другой матерью, их истинные сущности пребывают где-то в другом месте: Марк катит на футбол и скоро позвонит ей, скажет, что ужинает у подружки, Айлиш сидит за ноутбуком, читая отчет о клиническом исследовании. Ларри кричит, чтобы ему принесли тапки. Айлиш не замечает, что движение замедляется, пока оно не останавливается, ей приходится сильно нажать на тормоз, и Марк сердито на нее смотрит, но она его игнорирует, наблюдая за красным светом светофора, за платанами вдоль длинной аллеи, каждое дерево держится особняком, но их призрачные сущности нависают над дорогой в замысловатом сплетенном молчании. Зажигается зеленый, и она смотрит на сына, и они снова встречаются, возвращаются друг к другу, взгляд Марка смягчается, затем он снова сжимает губы и опускает глаза в телефон. У Кэрол Секстон большой дом из красного кирпича на две квартиры, «БМВ» Джима припаркован рядом

с компактной «тойотой» Кэрол, и на миг Айлиш представляет, будто оба ждут их дома. Марк наклоняется к машине Кэрол и проводит рукой по боку, по которому словно процарапали железным когтем, а Айлиш звонит в дверь. Она думает о том, как это выглядит со стороны: воскресный дружеский визит, ничего предосудительного, и все-таки развернись лицом к двери, говорит она Марку, лучше перестраховаться, чем потом кусать локти. Страх имеет свойство притягивать то, чего ты боишься, разве не знал? Они уже шагают обратно к машине, когда открывается дверь. Кэрол стоит в халате, окутанная тенью и сном, и вид у нее словно у осторожного, удивленного зверька. Она бросает быстрый взгляд направо, потом налево и машет им рукой, чтобы входили. По темному коридору они проходят в кухню горчичного цвета, где пахнет смесью специй и корицей. Кэрол вытирает стол полотенцем. Открывает крышку контейнера для выпечки и показывает содержимое Марку. Утром я испекла для тебя мокрый фруктовый кекс, он еще не успел остыть. Марк колеблется, бросает взгляд на мать. А разве кекс бывает мокрым, спрашивает он. Айлиш стоит у окна, глядя на пожелтевшую траву и перезимовавшие растения, на проблеск

синевы в зарослях, на сторожку в углу сада, которую не мешало бы покрасить. Все это нереально, думает она, ни эта кухня, ни эта сторожка, сейчас она отворит заднюю дверь, и на нее навалится слепая сонная тьма, она проснется, перевернется на другой бок и обнаружит рядом Ларри. Кэрол смотрит на нее так, словно ждет ответа на вопрос. Извини, говорит Айлиш, я не расслышала. Кэрол проводит длинным ножом по кексу. Она спросила, не хочешь ли ты чего-нибудь, говорит Марк. Не знаю, отвечает Айлиш, может быть, тоненький ломтик. Они пьют кофе, едят кекс, и Кэрол интересуется новым адвокатом. Айлиш заламывает руки, затем вонзает ноготь большого пальца в кожу. Энн Девлин, я так на нее надеялась, но от нее давно ничего не слышно, сказала, позвонит, когда будут новости, на нее страшно давят, заставляя отказаться от дела, звонят среди ночи. Они измотают ее, говорит Кэрол, выжмут все соки, а если не поможет, арестуют, простите, что нагнетаю, но это правда. Она встает, открывает дверцу шкафчика, достает ключ и сжимает в ладони. Держи, говорит она Марку. Тебя не должны заметить, можешь заходить через переулок, там есть красная дверь, я ее не запираю, тебе не кажется, что нас заставляют вести себя

так, словно мы преступники? Погладив ключ, Марк переводит глаза на мать. Могу я спуститься и взглянуть? Не сейчас, говорит Кэрол, ты должен приходить и уходить, когда стемнеет, окна я занавесила, так что соседи ничего не увидят. Айлиш украдкой бросает взгляд на фотокарточку Джима Секстона, которая стоит на микроволновке, — ширококостный крепкий мужчина в зеленой форме для регби оглядывает квартиру. Вечером Марк приедет на велосипеде до наступления комендантского часа, что еще ему может пригодиться, тепло ли там, мне все кажется, будто я что-то упустила. Кэрол поднимает нож. Еще кекса, с улыбкой спрашивает она Марка. Я принесу ужин, когда стемнеет, и чего-нибудь на завтрак, просто скажи, чего тебе хочется, у тебя там микроволновка, чайник, обогреватель, я поговорила с братом, он приедет недели через две, завернет тебя в одеяло и положит в углу фургона, он говорит, они никогда не проверяют фургон на границе. Айлиш просит ножницы, достает из сумочки два дешевых предоплаченных телефона, вскрывает упаковки, переписывает номера и протягивает один Марку. Теперь мы будем разговаривать только по этим телефонам, старым ты больше пользоваться не должен, вечером я у

тебя его заберу. Марк смотрит на новый телефон, качает головой и отодвигает его от себя. А как же Сэм, как мне общаться с Сэм, ты же не думаешь, что я просто исчезну, не сказав ей ни слова? Позволь мне самой с ней поговорить, а когда переберешься через границу, ты ей позвонишь. Марк прикусывает нижнюю губу, обнажая резцы, один из которых короче другого, смотрит в пол. Мне это не нравится, говорит он, слишком быстро все завертелось, до отъезда я должен поговорить с Сэм. Что ты задумал, просто поболтаешь с ней по телефону и всех нас арестуют? Айлиш со вздохом опускает глаза на свои руки, разглядывая морщинки на костяшках, Кэрол на стуле, ее длинные ноги в домашних тапочках, осунувшееся лицо, пытается проникнуть внутрь чужого горя, сравнить со своим. Айлиш снова поворачивается к Марку, думая, сколько еще предстоит утрат, придется потерять не только мужа, но и сына, одно горе будет следовать за другим, и от этого еще горше, она видит Марка словно застывшим во времени, его образ впечатывается в память, тем временем сын подходит к столу и отрезает себе третий кусок кекса.

Айлиш идет к вешалке повесить пальто и видит, что стол Рохита Сингха пуст. Его, который каждый божий день раньше всех появляется в офисе, не было всю прошлую неделю. Она все еще держит пальто в руках, когда замечает, что из личных вещей на его столе не осталось ничего, кроме степлера и нескольких кнопок в органайзере. Айлиш спрашивает, что случилось с Рохитом Сингхом, и Мэри Ньютон поднимает на нее взволнованное лицо, и никто не может ей ответить. Уставившись в экран, она набирает номер Ларри, извините, говорит он, сейчас я не могу ответить на ваш звонок. Айлиш находит в контактах номер Рохита, но звонок сбрасывается. Элис Дили проходит по офису, теребя зонт для гольфа, ее волосы растрепаны, она заходит в свой кабинет, закрывает за собой дверь, и Айлиш следует за ней, входя без стука. Где Рохит Сингх? Элис поднимает глаза, но не отвечает, роется в сумочке, вынимает расческу, кладет на стол и некоторое время ее разглядывает. Пожалуйста, закрой дверь, говорит она. Айлиш складывает руки и делает шаг вперед. Думаешь, это что-то изменит? Элис со вздохом встает, подходит к двери и сама ее закрывает. Я поручила пока заниматься этим клиентом Майклу Райану. Значит, с Рохитом

все. Я не стала тебе говорить. Не стала говорить? Не вижу причин, почему я должна была тебя уведомлять. Айлиш закрывает рот и осознает, что за ней наблюдают через стекло. Айлиш, об этом не объявляли, меня отправили в бессрочный отпуск, этот гаденыш меня выпер, сегодня мой последний день в офисе, неужели ты не видишь, что это ждет всех? Колм Перри наблюдает, как Айлиш возвращается к своему столу, они все за ней наблюдают, ее руки дрожат от ярости, пока она ищет сигареты, сумка падает на пол, и Колм Перри поднимает ее, опускаясь вслед за Айлиш на лифте. Когда она выходит на улицу, сигарета уже зажжена. Рохита Сингха арестовали, говорит Айлиш. Колм Перри морщится, качает головой, бросает на нее предупреждающий взгляд. У меня жуткое похмелье, вчера мы зашли пропустить по одной и не успели оглянуться, а уже комендантский час, насилу добрался домой. Он показывает глазами через плечо, она оборачивается и видит, что на первом этаже рядом с ней открыто окно.

Бейли ноет из-за ботинок, Айлиш пытается смотреть телевизор, днем в городе напали на патруль сил безопасности, двое солдат убиты, в окружной суд Корка ночью бросили бутылку с зажигательной смесью, она гадает, о чем еще молчат в новостях, правительство заявляет, что продлит комендантский час. Когда из кухни раздается звонок с нового телефона, Бейли и Молли идут вслед за ней, все хотят поговорить с Марком. Лицо Молли светлеет, она выхватывает телефон у Бейли и выбегает в коридор, где останавливается, разглядывая себя в зеркале, пока Айлиш наблюдает за ней от двери. Мать жестом велит Молли отдать телефон и удаляется в свою спальню. Все еще мерзнешь по ночам? Последние ночи были не так уж плохи, «Ка» сказала, что ты можешь гонять обогреватель сколько хочешь. Некоторое время Марк молчит, и она не знает, как истолковать его молчание. Прошлой ночью я не мог уснуть, говорит он, я не хочу здесь оставаться, есть и другие места. Какие еще места, послушай, мы уже это обсудили, потерпи немного, все будет хорошо. Ты не слушаешь меня, мам, почему ты меня не слушаешь? Я слушаю, видел бы ты лицо своей сестры, младшие и правда скучают, Бейли только о тебе и говорит, знал бы ты, как ты для

него важен. А что слышно от Сэм? Я же говорила, никаких имен. Я спрашиваю, что она сказала? А сам как думаешь? Бедная девочка расстроена, она ничего не понимает. На миг Айлиш замолкает, думая о том, чего ему не расскажет, — как Саманта позвонила в дверь, выглядя потерянной в своем мешковатом пальто, как она поняла, что девочка не сомкнула глаз и больше не уснет, с Самантой сделали то же, что сделали с ней, забрав ее мужчину в безмолвие, и все же Айлиш стояла в дверях с каменным лицом, не приглашая подружку сына войти. Мам, ты здесь? Да, здесь, я сказала ей, что тебя не будет некоторое время и что ты позвонишь, как только сможешь. Она стоит у двери в комнату мальчиков, дыхание замирает, голубоватый свет пробивается сквозь жалюзи, свет, что мчится на максимальной скорости, создавая иллюзию неподвижности. Ты ощущаешь присутствие Марка, скомканное одеяло, перевернутые ящики, грязная одежда на полу. Айлиш собирает одежду, садится на кровать с бельем на коленях, видя Марка таким, каким он был на кухне Кэрол, видя нож в его руке, понимая, что совершила — направила лезвие на собственного сына, чтобы его спасти.

Потерявшись в своих мыслях, Айлиш сидит перед ноутбуком за кухонным столом, ночь проникает в открытое окно, город бормочет спящим деревьям. Она смотрит на сына в детском стульчике, его улыбающиеся глазки — из мира, где любят чисто и преданно, светлые волосики перепачканы яблочным пюре с рисом. Айлиш сосредоточивается на своих руках, на почти неразличимой структуре кожи, эти руки уже постарели и еще будут стареть, обвисать, покрываться пятнами, она оттягивает плоть и наблюдает, как кожа разглаживается вокруг костяшек. Молли кричит сверху. Кто-то скатывается с лестницы, и Бейли вылетает в коридор. Подойдя к окну, она видит машину «Гарда Шихана», светящуюся белым и желтым, и двух полицейских в черном, идущих к двери. Айлиш слишком часто слышала этот стук во сне и теперь не доставит им удовольствия застать ее врасплох. Она быстро идет к двери, торжествуя про себя, видит, как свет выхватывает из тьмы лица, когда она распахивает дверь во влажнейшую из ночей, мужчина и женщина, похожие, как две капли воды, стандартные гарда в непромокаемых куртках. Женщина держится деловито и отстраненно. Добрый вечер, мы из полиции, я гарда Феррис,

моего коллегу зовут Тиммонс, мы пришли, чтобы поговорить с Марком Стэком. Айлиш позволяет себе любезную улыбку и бросает взгляд через улицу. Да, говорит она, это мой сын, но его здесь нет. Она всматривается в глаза женщины, ища то, что еще не успело проявиться, но лицо бесстрастно, темные волосы выбиваются из-под фуражки. А вы не знаете, когда он вернется? Мой сын больше не живет в этом доме. Гарда Тиммонс вытирает рот рукой, достает из заднего кармана записную книжку и кивает в сторону коридора. Не могли бы мы зайти на минутку, миссис Стэк? На ходу она подхватывает с радиатора кольцо для прорезывания зубов, идет с ним на кухню, полицейские следом, кладет кольцо на стол, снова берет и перекладывает в раковину, приглашает полицейских присесть. Я варю себе кофе, но, возможно, вы хотите чаю? Те кладут фуражки на стол, гарда Тиммонс улыбается малышу, открывает блокнот. Ваш сын не явился по повестке, и мы должны с ним поговорить. Она стоит, положив руки на чайник, медля с ответом, не надейтесь, меня вам расколоть не удастся. Повестка, говорит она, оборачиваясь, так вот что это было, молоко? Мне совсем немного, говорит гарда Тиммонс. Гарда Феррис кивает. А мне

можно побольше, люблю, когда много молока, скажите, это официальный адрес вашего сына? Да, он жил в этом доме с рождения, но больше тут не живет. Вы весьма нас обяжете, миссис Стэк, если скажете, где мы могли бы его найти? Босая Молли заходит на кухню, очень долго наливает воду в стакан, затем становится позади Айлиш и обнимает ее за плечи, Бейли подслушивает из-за двери. Айлиш тянется через стол, гарда Тиммонс подвигает к ней сахарницу, она кладет ложку в кофе, разглядывая чашку, она, которая никогда не кладет в кофе сахар. Марк уехал две недели назад, будет учиться за границей, в Северной Ирландии, и останется там, пока тут проблемы, ему всего семнадцать, долгое время он хотел изучать медицину, но после того, что сделало государство с его отцом, решил переключиться на юриспруденцию. Оба стража порядка пристально смотрят на Айлиш, она разглядывает их в ответ, отделяя лица от формы, это не их рты, это форма, государство говорит через форму, будь они в гражданке, вы прошли бы мимо на улице, лишний раз на них не взглянув. Гарда Тиммонс медленно выдыхает и откладывает блокнот. Вы хотите сказать, миссис Стэк, что ваш сын больше не живет в стране? Да, говорит она, именно это

я хочу сказать. Айлиш видит, как рука мужчины расслабляется и улыбка смягчает лицо. Что ж, говорит он, потирая руки, нам тут делать нечего. Гарда Феррис берет чайную ложечку, играется с ней, откладывает в сторону. Между нами, сейчас много тех, чьи сыновья покинули страну, и вы должны понимать, что это значит для таких молодых людей, как ваш сын, за отказ служить военные суды выносят заочные приговоры, и, если ваш сын вернется домой или будет установлено, что он находится в стране, нам придется передать его военной полиции, на его арест выписан ордер, однако будет нелишним, если вы сами заедете в участок и сделаете заявление, изложив все факты. Гарда Тиммонс вертит кружку в руке, затем издает вздох, означающий, что пора закругляться. Он наклоняется вбок и прячет блокнот в карман. Могу я спросить, что случилось с вашим мужем? Моего мужа арестовала ГСНБ, отвечает Айлиш, ему было отказано в адвокате, и он был помещен под стражу без суда, мой муж работал в учительском профсоюзе, он просто делал свое дело, но с тех пор мы ничего о нем не слышали, а на следующей неделе собирались в отпуск в Канаду, и дети очень переживают. Говоря это, Айлиш ощущает себя вне времени, на ее плечах

древняя ноша, все это случалось много раз до нее, и на лице полицейского читается молчаливое возмущение, он скорбно поджимает губы и качает головой. Боюсь, вы не одиноки, говорит он, но дела обстоят именно так, как обстоят, и, если между нами, это насмешка над нашей присягой, а что касается вашего сына, вы бы прислушались к словам моей коллеги, дали бы официальные показания, власти будут проинформированы, и мы сможем умыть руки, закрыв дело, пока ваш сын не решит вернуться, кто знает, как все обернется, может быть, к тому времени проблем не возникнет. Словно во сне, Айлиш несет вперед, она всматривается в лица, боясь словами разрушить заклинание. Встает со стула, раскинув руки, чувствуя себя невесомой, а дальний церковный колокол отбивает час ночи.

Айлиш безуспешно пытается вынуть Бена из автокресла, курточка зацепилась за пряжку, малыш орет и молотит по воздуху кулачками, а ее телефон надрывается с приборной панели. В глазах ребенка читается, что она больше ему не мать, а какая-то злобная ведьма, и она поворачивается и рявкает на Молли, которая расчесывает волосы на переднем сиденье. Кто там звонит? В зеркале заднего вида она наблюдает незнакомку, ведьму с ненакрашенным лицом, и Молли перегибается через сиденье, когда телефон замолкает. Это всего лишь дедушка, говорит Молли, положить телефон обратно? Косой холодный дождь, она переносит ребенка через улицу в ясли, прикрывая ему лицо рукой. Спешит обратно, нагнув голову и извиняющимся жестом махая руками двум автомобилям, которым «туран» перегородил дорогу на узкой улочке, включает сигнал и отъезжает, когда телефон снова начинает звонить. Мам, ты бы ответила на этот чертов звонок, говорит Бейли. Следи за языком, отвечает она, сейчас у меня нет на это сил. И тогда Молли протягивает руку и берет телефон. Привет, дедушка, это я, Молли, что случилось? Айлиш молча смотрит на дорогу перед собой, а ее отец молчит, словно слушает их в машине. Тебя везет мама или ты

сама едешь в школу? Айлиш бросает на Молли иронический взгляд, и они сдерживают смех. Да, пап, я в машине с детьми, и ты на громкой связи, так что, в субботу, как договаривались? Тяжелый вздох говорит ей, что, возможно, он забыл и ей придется напомнить ему, какой сегодня день, Айлиш останавливается на светофоре, закрывает глаза, так бы и просидела весь день. Ты видела газету? Думаю, что нет. Пап, я с Беном не сплю с половины шестого, только что забросила его в ясли, снова режутся зубки, а сейчас я отвожу детей в школу, нет, никакой газеты я не видела. Она слышит отрывистый собачий лай. А ну успокойся, говорит Саймон. Ты ко мне обращаешься или к собаке? Остановись по дороге, купи «Айриш таймс», седьмая страница. Что там, пап? Саймон кричит на собаку, Айлиш слышит клацанье трубки о пульт, хлопанье кухонной двери, и запыхавшийся Саймон снова на линии. Чертов пес грызет ковер, я тебе перезвоню. Снизив скорость, она въезжает в пробку, поглядывая на затянутое тучами небо, Бейли снова дергает Молли за ремень безопасности, и та отвешивает ему затрещину. Бейли, я же велела тебе оставить ее в покое. Молли указывает направо. Мам, смотри, там заправка. Она предпочла бы не останавли-

ваться, предпочла бы, чтобы ей не указывали, но разворачивается и съезжает с дороги. Гудящий углеводородами воздух, кассир, принимая плату, даже не смотрит ей в лицо, поглощенный футболом на экране телефона. Стоя перед магазином, она выбрасывает в мусорку спортивное приложение, находит седьмую полосу, читать там нечего, официальное сообщение, арфа с герба в шапке и список из сотен имен и адресов мелким шрифтом, список тех, кто уклоняется от призыва. Айлиш поднимает взгляд от газеты и видит, как Бейли присосался губами к стеклу «турана», она задерживает дыхание, пролистывая список и находя имя и адрес сына. Думает о заявлении, которое сделала в полиции, перечитывает имя, и в черном шрифте видит наползающую ночь, видит, как они прокляли ее сына и как легко это обтяпали, здесь, на седьмой странице, в виде официального сообщения, чтобы видели все.

Айлиш стоит у стола, не помня, как вышла из машины, сердце застряло где-то в горле. Разворачивается, вешает пальто, хочет снять белый шарф, но вместо этого расправляет его на шее. Затем разглядывает офис, не читает ли кто газету, дверь в кабинет Пола Фелснера закрыта, подходит Сара Хорган, Айлиш могла бы закончить ее фразы, если бы захотела. Да, увы, не смогу, в обед мне нужно кое с кем встретиться. Ищет глазами чего-то необычного, подергивания губ, молчаливого жеста солидарности. И тогда в сумке звонит телефон Марка, но Айлиш решает не отвечать, Сара Хорган смотрит на ее сумку, мобильный Айлиш лежит на столе. Это кто-то из детей, говорит она и, когда телефон звонит снова, отключает его. Обедает в одиночестве на террасе кафе, в зимнем пальто. Есть не хочется, она пьет кофе, выпуская голубоватый сигаретный дымок через нос и вспоминая, как Молли, учуяв запах, задержала ее у задней двери, словно строгая родительница. Не глупи, сказала она дочери, фальшиво смеясь и отворачиваясь. Айлиш исподлобья смотрит на экран телефона, лежащий на коленях, она пыталась набрать Марка, но телефон зазвонил сам. Она наблюдает, как серый призрак усаживается за ее столик, гибкие пальцы суют в рот

зажженную сигарету, теребят газету. Она отворачивается к улице, мир вращается, погруженный в странное притворство, бледные бесстрастные лица, в основном государственные служащие возвращаются в офисы после обеда, каждый день новая международная фирма закрывается, придумывает новое оправдание, скоро город совсем опустеет. Женщина за соседним столиком отодвигает стул, неоново-розовые кроссовки под серой офисной юбкой, Айлиш вспоминает, что Бейли нужны новые ботинки, вспоминает, как ночью проснулась от сна, в котором сидела и ела из собственной туфли, красных лоферов, которые ей жмут, только она, вилка, нож и туфля. Когда Айлиш возвращается, коллеги собираются в конференц-зале. Пол Фелснер назначил стратегическое совещание на два часа, она проверяет почту — ее никто не приглашал. Она наблюдает, как люди набиваются в кабинет, как туда с газетой в руках заходит Пол Фелснер. Что-то просыпается внутри, расползается к рукам и ногам от солнечного сплетения, Айлиш пересекает комнату, чувствуя, как холодеют ладони, дверь отзывается глухим стуком, она прокашливается, заглядывает внутрь. Я не получила уведомления о совещании, я вам нужна? Жалюзи наполовину

опущены, Пол Фелснер сидит, закинув руку на спинку стула, и читает газету, конференц-зал заполняется людьми, он оборачивается и смотрит на нее, словно изнутри какого-то сумрачного пространства, и Айлиш видит в его глазах себя, извивающуюся, припертую к стенке. Пол Фелснер наклоняется вперед и жестом отсылает ее прочь. Чувствуя себя бесполезной, она стоит в дверях, ей хочется сказать, это же мой клиент, вы не можете продолжать без меня, но слова не идут с губ, рука теребит шарф, и она опускает ее, чертов белый шарф, и зачем только она его надела, тень улыбки скользит по лицу Пола Фелснера. Айлиш отстраняется, давая пройти коллегам, ловит себя на том, что стоит посреди кухни с пустой чашкой в руке, женщина из отдела кадров разглагольствует о безответственных людях, оставляющих тарелки в раковине, ставит чашку в раковину и выходит.

Она передвигается по дому, слушая сына, который говорит с ней с другого конца города, останавливается у двери его спальни, уличный свет, проникший в комнату, похож на призрак зимней луны. Свет падает на кровать, делая белые простыни прозрачными, и Айлиш ложится, накрашенная и одетая, радуясь голосу сына, слыша, как бьется его разум в долгом вдохе. Газовый обогреватель с содроганием выключается, наступает тишина, в которой Марк что-то бормочет, я больше не понимаю, кто я такой, я застрял в этой комнате, и никакая это не комната, а настоящая тюрьма, мам, вот что это такое, как я могу спать, если мне уже дважды снился сон, будто меня ведут по улице в суд, и я иду сквозь толпу, и мне зачитывают обвинение в трусости и обмане, я проснулся посреди ночи, поднял жалюзи и увидел, что в доме горит свет, угадай, кто стоял в свадебном платье в дверях кухни, разглядывая квартиру, как будто она знала, что я за ней наблюдаю, мам, она меня пугает, на днях принесла ужин и не сказала ни слова, просто стояла, глядя в окно, словно меня здесь нет, а потом обернулась и говорит, все в этом мире лишь тень, я спросил, о чем это она, а она посмотрела на меня, улыбнулась и говорит, придет время, поймешь. Айлиш

щиплет себя за переносицу, у нее ноет основание черепа. Открывает глаза, садится, спуская ноги на пол. Она не имеет права так с тобой разговаривать. Мам, я больше так не могу. Что значит не можешь? Мам, я скучаю по нему, скучаю по папе, я пытаюсь делать то, о чем ты меня просишь, но мне невмоготу стоять в стороне, люди, которых я знаю, они сражаются, они присоединились к повстанцам. Марк, говорит она и замолкает, ищет и не находит правильных слов. Послушай, ты все еще мой сын, ты подросток. И что это должно означать? Я не знаю, что это должно означать, но я не могу допустить, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Айлиш слышит долгий вздох, затем тишину, как будто дождевую тьму можно услышать, дождь падает из темноты, омывая их всех, темный дождь заливает рот ее сыну.

Айлиш встает из-за стола, снимает с вешалки пальто, обматывает шею белым шарфом, говорит коллеге, что уйдет на обед пораньше. Стучится в дверь Саймона и сначала слышит рычание, затем раздраженный голос спрашивает, кто там? На Саймоне темно-синяя пижама, в прихожей горит свет, только что пробило час дня. Бросив на дочь насмешливый взгляд, Саймон удаляется на кухню. Не понимаю, что ты здесь забыла, я прекрасно справляюсь сам. Пап, я заскочила поздороваться, выкроила лишний час к обеду. Она выключает свет в прихожей и застывает на месте — в мешанину привычных запахов вплетается новый, ей кажется, это застарелый табачный дым, и она не уверена, что запах исходит от нее. Айлиш прищуривается на отца, Спенсер скулит и кружит у его ног. Пап, ты когда последний раз кормил собаку? Саймон разворачивается и смотрит на пса, челюсть собаки отвисла, в обсидиановых глазах — безжалостность волка. Что у тебя на обед, спрашивает Айлиш, наливая воду в чайник, пока Саймон суетливо роется в стопке бумаг на столе. На обед? Об обеде я еще не думал. Айлиш ловит себя на том, что тихо плачет, садится, вытирает глаза, потом смотрит на отца и улыбается. Прости, говорит она, меня затирают

на работе, и я не знаю, что с этим делать, все происходит слишком быстро, это объявление в газете, и с Марком нет никакого сладу, а ты всегда знаешь, как поступить. Она поднимает лицо и замечает рассеянность во взгляде Саймона, его глаза что-то ищут, он медленно встает, словно уйдя в свои мысли, подходит к раковине, открывает кран, снова закрывает, поворачивается к ней с таким видом, словно только что заметил ее присутствие. Пап, ты вообще меня слушаешь? Что тебе от меня надо, спрашивает он. Я задала вопрос, о моей работе, о Марке. Губы Саймона дергаются, словно от удара, он трясет головой, отмахиваясь от вопроса, затем отворачивается и показывает на столешницу. Эта штука, говорит он, как вы там ее называете, она у меня никак не работает. Пап, ты говоришь о микроволновке? Айлиш встает, ставит внутрь чашку, нажимает на кнопку «Пуск», слушает жужжание. Отлично работает, не понимаю, что тебя не устраивает. Эта внезапная печаль, когда, поднимаясь по лестнице, осознаешь, что время — не горизонтальная плоскость, а вертикальное пике к земле. У его спальни она останавливается, снова застигнутая врасплох запахом несвежего табака, и видит старинную латунную пепельницу на прикроватном

столике из гостиной, пепельница наполовину заполнена, рядом раскрытая сигаретная пачка. Она хватает пепельницу, пересчитывает окурки, проводит пальцем по подпалине на ковре. Вернувшись на кухню, высоко поднимает пепельницу над головой, затем ставит ее на стол. Что это такое? Какое такое? Пап, с каких это пор ты снова куришь? Ты прожег дыру в ковре, хочешь спалить весь дом? Он отводит глаза и скрещивает на груди руки. Я не понимаю, о чем ты говоришь. Пап, меня тревожит твое состояние, не одно, так другое, мне придется поговорить с врачом. Видит, как в одно мгновение он съеживается, а глаза темнеют, совсем как у собаки. Я уже говорил тебе, что признаю поражение, когда буду к этому готов. У Айлиш перехватывает дыхание, она смотрит ему в лицо и чувствует, как дрожат руки. Папа, ты ведь не куришь, прошло тридцать лет, как ты в последний раз курил трубку. Она наблюдает, как он открывает и закрывает рот, смотрит в окно, словно что-то ищет снаружи. Пап, ты знаешь, какое сегодня число? Недолгое время он неподвижен, затем хитрым движением выворачивает голову, сверяясь с часами на запястье, и торжествующе поднимает глаза. Сегодня шестнадцатое. Хорошо, а месяц? Избегая

смотреть на нее, Саймон обводит глазами кухню, разглядывая стену, собаку, раздраженно зыркает на дочь. Я не обязан перед тобой отчитываться. Он снова отворачивается к окну, и Айлиш смотрит в сад, вспоминая, как разодрала колено о металлический штырь и как он нес ее на руках в машину. О Марке, говорит Саймон, мы говорили о Марке и твоей работе, пока ты не отвлекла меня этой ерундой, ты должна посмотреть правде в глаза, во всей стране разворачивается вооруженное сопротивление, солдаты дезертируют и присоединяются к освободительной армии, или как там ее. Перебежчиков расстреливают на месте, количество повстанцев растет и будет расти, Марк хочет присоединиться к ним, он чувствует, это его долг, а что до твоей работы, через три месяца экономика рухнет, так что я бы не беспокоился, самое время начинать шевелиться, пока не ужесточили выезд, хватай детей и беги, в Англию, в Канаду к Айне, они напечатали в газете твой адрес, твоего сына публично опозорили и собираются арестовать. Саймон опускает глаза на свои руки и медленно качает головой. Ты не сможешь остановить ветер, ветер продует эту страну насквозь, но, пожалуйста, обо мне не беспокойся, я справлюсь, кому нужен такой старик.

Она медленно ползет в пробке, когда раздается звонок, на часах без пяти девять, Айлиш выключает радио и слышит голос Кэрол. Алло, Айлиш, это ты? Да, я, еду на работу, только что купила печенье и никак не прожую. Послушай, не знаю, с чего начать, Айлиш, видишь ли, вчера вечером Марк не вернулся. Печенье комком застревает во рту, она проталкивает его внутрь, чувствуя, как будто что-то злобное заползает ей в горло. Ты слышишь, Айлиш, мне так жаль, я не знаю, что сказать, вчера я как завалилась спать, так и проснулась только утром. Ладно, дай мне подумать, я перезвоню ему, уверена, волноваться не о чем. Она дает отбой, тянется за сумкой, роется в ней, вываливает содержимое на сиденье, поднимает второй телефон, набирает Марка, и механический голос сообщает ей, что набранный номер недоступен. Она хочет съехать на обочину, но вдоль канала негде припарковаться, поток машин тянет ее за собой, пока передний автомобиль не замирает на светофоре, чайки пикируют на дорожку у воды. На заднем стекле автомобиля наклейка: «Лучшая защита — вооруженный гражданин», а ниже еще одна: «Покончим с судебным произволом». На перекрестке Айлиш сворачивает и едет на север, к дому Кэрол, рассуж-

дая про себя, что самое простое предположение порой оказывается самым правильным, он куда-то поехал, пропустил начало комендантского часа, возвращаться на велосипеде было слишком рискованно, первая попавшая патрульная машина остановила бы его и тут же арестовала. Она смотрит в распахивающееся небо в поисках хоть какого-то выхода, наблюдая, как ее гнев летит перед ней и как терпит поражение. Занавеска на окне морщится, когда она паркуется у дома, и мгновение спустя Кэрол с нелепым видом стоит перед ней, скрестив на груди руки. При кухонном свете кажется, что она постарела за одну ночь, под кожей на лице проступили кости, под глазами мокро от слез. Не говоря ни слова, Айлиш спускается в коттедж, обнаруживает дверь незапертой, везде прибрано, Марк аккуратно застелил кровать, собрал свои вещи и оставил комнату такой, какой вошел в нее, за исключением прислоненного к стенке велосипеда.

Телефон в сумке молчит весь вечер и всю ночь, всю ночь напролет. Когда Айлиш воскресает на рассвете от сна, который и сном-то назвать нельзя, ее встречает тишина, ставшая какой-то ревущей абстракцией. Ей придется взять себя в руки, натянуть маску и заставить детей позавтракать, затолкать их в машину, уговаривая себя, что нет никаких причин зря их тревожить. В машине Айлиш кажется, что она впервые сидит за рулем, что какой-то автомат механически управляет автомобилем, а она в это время пребывает вне времени, на работе она рассеянна и плохо соображает, день проходит мимо, пока она сидит в одиночестве в какой-то приемной, дожидаясь, когда запертая дверь отворится. Скоро наступит вечер, вечер наступает и проходит, телефон лежит на кухонном столе, лежит у нее в ладони, она не может отвести от него глаз, ожидая, что в любое мгновение он засветится, и так проходит вторая ночь. Айлиш спит, положив телефон рядом с собой на подушку, во сне слышит звонок и просыпается с молчащим аппаратом в руке. Она стоит на середине лестницы с Беном на руках и требует подать его ботинки, когда из спальни раздается звонок, и только на втором сигнале до нее доходит, что ей это не снится, и Айлиш,

веля Бейли убраться с дороги, протискивается наверх мимо него. Она закрывает дверь спальни и укладывает Бена в кроватку. Марк, говорит она, слыша приглушенную музыку, бормотание голосов, медленный вдох и выдох, понимая, что он боится заговорить, и ей хочется сразить его наповал, раз и навсегда утвердить над ним свою власть. Почему ты так долго не звонил, мы ужасно волновались, Кэрол не находит себе места, ты не должен был так уходить после всего, что она для тебя сделала. Телефон молчит, затем он вздыхает и прокашливается. Я думал, мы не используем имен. Теперь это уже не важно. Мам, ты хочешь, чтобы я отключился, ты этого хочешь? Мир исчез, унеся с собой эту комнату, этот дом, она висит в каком-то темном пространстве, ощущая только его дыхание, его мысли за дыханием, кляня себя за то, что посмела его упрекнуть. Марк, я с ума схожу от беспокойства, с тобой могло случиться что угодно. Послушай, говорит он, мне жаль, но я не могу этого сделать. Что-то твердое размягчается, это ее сердце скользит, словно гравий. Сделать что? То, о чем ты меня просила, сбежать, это не по мне. А чем ты сейчас занимаешься? Мам, это другое. Какое другое, мы же обо всем договорились, решили, что так будет лучше, а если ты

останешься в стране и тебя схватят, тебя будет судить закрытый трибунал, ты будешь полностью в их власти, а потом они отнимут тебя у меня, как отняли твоего отца. Ей кажется, он что-то жует, слышно шипение газировки, потом он глотает. Мам, я в безопасном месте. Я хочу знать, с кем ты. Мам, да все отлично, обещаю, что буду на связи, прости, что долго не звонил. Айлиш закрывает глаза, вспоминая, как во сне бродила по комнатам и звала, но ответа не было, она понимала, что это сон, но проснуться не получалось, она открывает глаза и видит, как ее рука тянется через слепую расширяющуюся пропасть. Марк, говорит она, ты мой сын, пожалуйста, вернись домой, и мы все уладим, я не могу спать, зная, что ты не дома, у меня все еще есть законные права на тебя. Какие права, мам, если в стране не осталось никаких прав? Он повышает голос, и она уходит в молчание. Мам, ты не хочешь признавать того, что происходит. Это здесь совершенно ни при чем, мы договорились, а ты нарушил договоренность. И даже больше, продолжает он, почему ты не видишь очевидного, или ты намерена ждать, пока они придут за нами и выведут одного за другим? Бен прильнул к прутьям кроватки, тянет ручку, его мочевой пузырь переполнен, малыш

хнычет. Она подходит к нему, берет на руки, большим пальцем гладит пылающую щечку. Я больше не могу сидеть сложив руки, меня от этого тошнит, Молли от этого тошнит, я хочу в прежнюю жизнь, хочу, чтобы папа вернулся и мы жили, как раньше. Марк, послушай меня… Нет, мама, это ты меня послушай, я хочу, чтобы ты меня услышала, меня лишили моей свободы, ты должна это понять, если мы им поддадимся, то лишимся свободы думать, делать, быть собой, я отказываюсь так жить, и единственная свобода, которая мне остается, это сражаться. Айлиш рухнула с невообразимой высоты, ее слова рассыпались и растворились в земле, она поднимается на ноги и несется во тьме, пытаясь разглядеть своего сына, и не видит ничего, кроме его воли, словно бестелесный свет, скользящий впереди. Она открывает глаза, укладывает Бена в кроватку, ходит по комнате, дергая себя за волосы, понимая, что все случилось слишком рано, она выпустила своего сына в мир, а мир превратился в преисподнюю. Марк становится молчанием, затем — дыханием, и она не знает, что еще говорить. Ты там осторожнее, любимый, слышишь, ничего не предпринимай, мы должны как-то оставаться на связи. Ты не передашь трубку Молли? Она внизу,

и я не хочу, чтобы она знала, по-твоему, как она это воспримет, достаточно того, что пропал отец. Послушай, мам, мне пора, скажи ей… скажи, что я тоже скучаю.

У погоды есть память. В небесах бушует весна, проворные ласточки, черные стрижи, птицы возвращаются, а годы уходят, время невинности, когда она отважилась, так она думает, взяла протянутый плод и откусила, не почувствовав вкуса, когда, не раздумывая, отвергла преисподнюю. Айлиш в одиночестве гуляет по парку Феникс, пытаясь отвлечься от собственных мыслей, но видит перед собой только их, а лиственные деревья смотрят на нее сверху вниз. Она поднимает глаза, размышляя о времени, которое пролетело под ними, о деревьях, что считают годы, отзванивая в лесах часы, дни проносятся мимо, и она не может их удержать, дни летят, но с ними уходит не время, а что-то другое, и это другое уносит ее за собой. Под холмом на Хайбер-роуд она узнает Ларри в широкой спине мужчины, который держит за руку ребенка, и, когда мужчина обходит багажник машины, замечает знакомую рыжеватую бородку, наблюдает, как мужчина помогает ребенку забраться на сиденье, и воображает, что все эти годы ее обманывали, что Ларри вел двойную жизнь и подстроил свой арест, чтобы заморочить голову жене. Она поднимается на холм к Артиллерийскому бастиону, желая, чтобы это было правдой. Стирает дождевую воду с белой

скамьи, отсюда открывается вид на реку Лиффи, садится, студентов-гребцов нигде не видать, воздух холоден, где-то на одной из этих скамеек она сидела с Ларри и вдруг ощутила толчки малыша, которому суждено было стать Марком, ощутила его первые трепыхания, как будто ребенок отращивал крылья, чтобы выпорхнуть из ее тела.

Глава 5

5

Шум вторгается в сновидения, поднимается вверх и плывет по течению сквозь оба мира, слышен хруст гравия, смех под окном, как будто тень вылетела из сна. Грустное пробуждение в темноте спальни, кровь холодеет, когда Айлиш осознает, что в стеклянную дверь внизу что-то ударяется, гулкий звон разносится по дому, тело замедленно обретает вес, когда она отбегает от кровати. Видит в окне на подъездной дорожке троих мужчин и припаркованный белый вне-

дорожник с включенным двигателем. Что-то швыряют в стеклянную дверь веранды, позади раздается хлопок, дверь спальни врезается в стену, и Молли бросается к матери с криком, что какие-то мужчины пытаются влезть в дом, Айлиш прикрывает ей рот рукой и отходит от окна. Бывает, что мгновение замедляется, открываясь в чистом поле, в другом времени, и она бредет сквозь сгущающуюся тьму, боясь, что волки окружат ее, издалека зовет себя, но не может расслышать своего имени. Не раздумывая, Айлиш вынимает из кроватки спящего малыша, передает его Молли и выводит ее из спальни. На лестнице Молли останавливается, начинает задыхаться, в глазах мечется страх. Айлиш трясет ее за плечи. Прекрати, на это нет времени, ступай в ванную, присмотри за братом и не высовывайся. В спальне Бейли трет глаза, и Айлиш посылает его в ванную, веля им с Молли запереться и не выходить, пока она не позволит. Возвращаясь к окну, она мысленно представляет любые исходы, слышит смех снаружи, если они захотят войти, запертая дверь их не остановит, рука шарит в темноте в поисках телефона, она не помнит, чтобы оставляла его здесь, голос диспетчера службы спасения тверд и отчетлив.

Сквозь шторы она наблюдает, как мужчина забирается на крышу «турана», руки и горло в татуировках, другой склонился над автомобильным бортом. Тот, что в татуировках, обрушивает биту на ветровое стекло, достает член и мочится на автомобиль, скалясь как обезьяна, застегивает ширинку и спрыгивает на гравий. Через дорогу в окне спальни загорается свет и снова гаснет, когда внедорожник уезжает.

Она наблюдает, как Луна крадется сквозь дом, синеватый рассветный луч добирается до Бена в кроватке, пятнает Молли, которая, словно маленький ребенок, свернулась калачиком у нее под боком. Наступил рассвет, но дня больше нет, теперь она это понимает, свет, рассеивающий тьму, не настоящий, только ночь истинна и вечна, ночь наблюдает, как она прижимает к себе детей, Айлиш понимает, ее покой иллюзорен, этот дом больше не может их укрыть. Она отстраняется от Молли, подходит к стулу, тихо одевается, оборачивается, чтобы увидеть, как атласный свет ласкает хмурое лицо дочери. Заглядывает в комнату мальчиков и видит Бена, который лежит на кровати Марка в одежде брата и поверх одеяла. Айлиш спускается, выходит во двор, подбирает булыжник с подъездной дорожки и останавливается перед разбитым ветровым стеклом «турана», читая то, что написано на капоте и боку автомобиля, а еще на стенах, окнах и задней двери — одно и то же слово, намалеванное красной краской. Она рассказывает об этом Ларри как о давнем событии, отложившемся в памяти, они в «туране», она забрала его откуда-то, откуда его отпустили, одежда висит на нем, как на пугале, и она видит, как он теребит руками

бородку, видит, что просыпается в его крови, — то, что дремлет в крови всех отцов, первобытное насилие, но внутри у мужчины, не сумевшего защитить семью, что-то ломается, поэтому лучше ничего ему не говорить. Дверь дома напротив отворяется, и Джерри Бреннан выходит на крыльцо с черным мешком для мусора. Он бросает мешок в контейнер на колесиках, стреляет глазами на дом через дорогу, поняв, что его застукали, приветственно машет рукой, запирает дверь на задвижку и подходит к Айлиш — шустрый старик в домашних тапочках, на ходу завязывающий пояс халата. Боже мой, Айлиш, что они натворили, ты, наверное, до смерти перепугалась. Он наклоняется, поднимает камень с земли и трет большим пальцем. Отбросы общества, вот кто они такие, Бетти вызвала полицию, но, должно быть, они приходили, когда мы уснули, а грохот был ужасный. Айлиш наблюдает, как его глаза скользят по слову «ПРИДАТЕЛЬ», намалеванному много раз красной краской, затем он прищуривается и озадаченно смотрит на Айлиш. У меня что-то с глазами или написано неправильно? Я не знаю, Джерри, а как бы ты написал? Постой, я плохо соображаю без очков, ну да, здесь должна быть «е», а не «и». По-моему, они написали именно то,

что хотели, четко и ясно. Я тоже звонила в «Гарда Шихана», но никто не приехал, хотя я прождала полночи. Она наблюдает, как досадливо нахмуренные брови недоверчиво приподнимаются, затем опускаются, словно какая-то мысль проступает у ног Джерри на бетоне. Эта страна катится к чертовой матери, говорит он, думаю, у полиции выдалась та еще ночка из-за этих безграмотных вандалов, твой дом был не единственным. Он проводит рукой по боку машины. Придется везти в автомастерскую, а вот стены можно замазать, у меня в сарае есть белая краска для кладки, сейчас сбегаю, туда и обратно. Она складывает руки на груди и смотрит вдоль улицы. Пусть все видят, Джерри, что сделали с нашим домом, с обычной семьей, которая никому не желала зла, разве это не отличная реклама того, что творится в этой стране? Солнце пробивается в просвет между домами, Джерри оборачивается и смотрит на свой дом. Ладно, я все равно пошарю в сарае. Пояс халата развязывается, когда он переходит дорогу, но Джерри не торопится его затягивать. Она разворачивается лицом к улице, видя ряд закрытых дверей, насчитывает шесть домов, из окон которых свисают национальные флаги. Она воплощенный гнев, когда заходит в дом, ищет

ацетон, который должен быть в шкафчике над ванной, а скребок для краски под лестницей, но находит только унижение, как будто оно лежит перед ней на полке, стыд, боль и печаль свободно перемещаются по ее телу. Когда все откроется, соседи осудят их, соседи прекрасно видели, что творилось ночью, но не скажут ни слова.

Дети одеты и готовы к школе, но к машине не спускаются. Бейли тащится вслед за ней на кухню и смотрит, как она достает ланчбоксы и раскладывает на столе хлеб, ветчину и сыр. Мам, говорит он, а мы не можем взять выходной, я не хочу идти в школу. Она достает из ящика нож и заслоняет его бедром. Ты поднял с пола полотенце, как я просила? Мам, ты слышала, что я сказал? Ты не хочешь идти в школу. Да, я не хочу идти в школу. Ну и чем ты собираешься заниматься, будешь торчать весь день перед телевизором, пока глаза не вылезут из орбит, иди принеси куртку. Бейли отказывается садиться в машину, он стоит посреди прихожей, скрестив на груди руки. Айлиш выносит малыша в «туран», в прихожей встает перед сыном, сует ему в руки рюкзак и выводит Бейли на улицу. Когда она возвращается в дом, Молли с опущенными глазами сползает с лестницы, коленки стучат друг о друга, она похожа на ребенка, который заснул, прижимая что-то к груди, а когда проснулся, руки опустели. Айлиш берет пальто и сумку. Ты не позавтракала и скоро упадешь от голода в обморок, не хочешь перекусить сэндвичами в машине? Молли смотрит мимо нее в окно, голос почти не слышен. Что, если они вернутся, мам, что, если в следующий раз

они войдут в дом? То, что она видит в глазах дочери, заставляет Айлиш опуститься на колени, и, сжав руку дочери, она принимается поглаживать ее большим пальцем. Они не вернутся, любимая, им незачем возвращаться, покуражились, и будет, увидели адрес Марка в газете и решили нас попугать, наш дом не один такой, я поговорю с «Гарда Шихана» и дам вам знать, обещаю, все еще наладится. Внутренний голос говорит ей, зачем ты лжешь девочке, но, вставая с колен, она уверена, все так и есть, начинает суетиться, за руку выводит Молли из дома. Мы опоздаем, говорит Айлиш. Молли не садится спереди, и Бейли перебирается на переднее сиденье лицом к паутине битого стекла. Айлиш запирает дверь на веранду, окидывает дом взглядом. Джерри Бреннан уже побывал здесь и хорошо поработал над стенами, а еще протер ацетоном окна, сейчас, глядя на их дом, вы никогда не догадались бы, что их осудили, заклеймили красной краской как врагов государства. Когда Айлиш садится в машину, Бейли наклоняется, чтобы подтянуть носок, и бросает на мать суровый взгляд. Только не вздумай близко подъезжать к воротам школы, говорит он. Айлиш заводит «туран» и выезжает на дорогу, злобно косясь через ветровое стекло

и видя в каждой встречной машине разинутые рты, велосипедиста, от удивления застывшего на светофоре, школьников, которые показывают на них пальцами, выпучив глаза. Она рулит, ощущая ярость в руках, как будто машину приводит в движение свирепая пульсация ее крови. Она рулит, получая удовлетворение от всеобщего осуждения и публичного оглашения их преступления, пусть побивают нас глазами, пусть видят, какие мы предатели, пусть видят мир, который они создали. Всю дорогу Молли так и не отнимет рук от лица, и, когда она заговорит, Айлиш поначалу не расслышит. Что ты сказала, любимая? Бейли гневно смотрит на мать. Она сказала, что больше не хочет ходить в школу, сказала, что хочет умереть.

Теперь в доме она ощущает себя не в своей тарелке и каждую ночь лежит без сна, прислушиваясь. Проезжающая машина может означать что угодно: припозднившегося гуляку или раннюю пташку, Айлиш переворачивается и видит, что Молли спит на половине кровати Ларри, и не помнит, когда она сюда перебралась. Она обнимает дочь, желая поскорее заснуть и проснуться в другом мире. «Гарда Шихана» не приходила, она трижды звонила в участок, а потом еще раз, прося соединить ее с мистером Тиммонсом, но ей ответили, что его перевели. Теперь она знает, были и другие нападения, не только на их дом: по всей стране ветровые стекла автомобилей крушили трубами и битами, били витрины, разрисовывали фасады. Ходят слухи, что среди громил были сотрудники госбезопасности и «Гарда Шихана». Какое удивительное совпадение, говорит Айне, прямо коллективная телепатия, мы каждый вечер смотрим про вас в новостях, я начала потихоньку молиться, ничего не могу с собой поделать, хотя во мне нет ни капли религиозности, и я не перестаю думать о Марке. Айне, пожалуйста, не надо произносить его имя по телефону. Это ощущение стремительности, динамического давления, будто некое чувствительное

оборудование в теле считывает, как в воздухе накапливается насилие, тепло переходит от горячего к холодному, газ от низкого к высокому, энергия уступает беспорядку, и то, что не может этому противостоять, рассеивается. Автомобиль притормаживает рядом с домом, и у Айлиш перехватывает дыхание, дверца открывается и захлопывается, ее рука тянется под кровать, и, подходя к окну, она сжимает в ладони молоток Ларри, сосед выходит из такси и идет к своему дому, роясь в кармане в поисках ключа.

Она сдергивает с кровати Бейли мокрую простыню и, сама не зная зачем, роется в его прикроватной тумбочке. Месиво ручек, стикеров, пластмассовых солдатиков, застывших в воинственных позах, один бросает гранату, остальные прицеливаются, стоя на колене, раньше солдатики принадлежали Марку. Рука шарит у задней стенки, нащупывает зажигалку, потом еще две, и все из ее сумки. Айлиш поднимает с пола худи, принюхивается, сигаретным дымом не пахнет, кто знает, что у него на уме, думает она, возможно, пытается отучить меня от курения. Она идет с сыном по Коннел-роуд, воздух гудит над деревьями, она искоса наблюдает, как изменилась его осанка, как смело и напористо он шагает. Дотрагивается до зажигалки в кармане и хочет заговорить, но тут оба поднимают глаза на пролетающий военный вертолет. Червяк гложет, ты боишься червяка? Она молчит, внимательно смотрит на сына, стараясь не хмурить брови. Что за червяк такой? Червь сомнения? О чем ты говоришь? О червяке. Что за червяк? Не знаю, это трудно объяснить, думал, ты знаешь. Когда Бейли говорит, его лицо морщится, подушечки пальцев скользят по увитой плющом изгороди. Червяк извивается, набирает силу, червяк делает то, что

ему нравится. Они остановились у кафе «Аламод», и она замолкает, разглядывая кружево разбитой витрины, успевая насчитать три удара битой или камнем, витрина заклеена крест-накрест. На двери висит уведомление о принудительном закрытии со следующей недели. Свет горит, но в кафе пусто, мужчина, засыпающий зерна в кофемашину, поворачивается к ним с двусмысленным выражением на лице — неуверенная улыбка не может скрыть печали. О, Иссам, говорит она, что они натворили, я думала, ты закрылся. Они тихо беседуют, пока Бейли выбирает место, и она присоединяется к нему за столиком у окна и понижает голос. Прекрати эту червячную бессмыслицу, мне это не нравится. Но червяк существует, и ему нет дела, нравится он тебе или нет. Послушай, я буду с тобой откровенна, в ближайшее время нам придется непросто, и именно сейчас мне нужна твоя помощь. Бейли крутит солонку, она выхватывает солонку у него из рук и ставит на стол перед собой. Ты все еще мочишься в постель. У меня болят ноги, говорит Бейли, мне нужны новые ботинки. Завтра купим тебе новые ботинки. Но сперва мы должны разобраться с тем, что ты мочишься в постель. Я не мочусь в постель. Бейли, отнесись к этому серьезно, хочешь

спать в кровати Марка, пожалуйста, ты всегда хотел спать у окна, но ведь Марк когда-нибудь вернется. Она изучает открытую мальчишескую физиономию, радуясь тому, что он есть, видит, каким он был во младенчестве, каким, возможно, станет в старости, частицу света, подвешенную в вечной тьме и на краткий миг испускающую сияние, веснушки, сгущающиеся вокруг носа, глаза, такие знакомые и такие чужие, тот, кто смотрит этими глазами, изменился, каково это — каждое утро просыпаться в доме, где нет отца и где брат больше не спит с тобой в одной комнате? А если он не вернется? Выслушай меня, твои отец и брат обязательно вернутся. А если нет? Не говори глупостей, куда они денутся, когда все закончится? Червяк делает что захочет. Я просила тебя не повторять эти глупости про червяка, ты должен верить мне, когда я говорю, что они вернутся, я ни в чем в жизни не была так уверена, как в этом, но сейчас мы должны держаться из последних сил, ты меня понимаешь? Понимаю, говорит он, но червяку все равно, что мы делаем. Так сопротивляйся, схвати червяка за горло и сверни ему шею. Иссам подходит к столику мягкой шаркающей походкой. Она просит принести яичницу и кофе, зато Бейли заказывает полный завтрак, и

Иссам с улыбкой смотрит на него сверху вниз. А что будешь пить: молоко, колу, сок, воду? Я хочу кофе. Айлиш хмурится через стол. Кофе? Да, я уже не ребенок. Ладно, говорит Иссам, кофе для молодого человека.

За пятнадцать минут до обеда ее неожиданно вызывают в отдел кадров на совещание, сообщение появляется на экране, когда она говорит по телефону. Она окидывает взглядом офис, в конференц-зале горит свет, жалюзи опущены, Пола Фелснера нет в кабинете. Не закончив разговор, она кладет трубку, берет кружку и идет на кухню, наблюдая, как коллеги рассеянно смотрят в экраны, думает о внезапной череде новых назначений, о партийных функционерах, внедренных в фирму, о том, что режим усилил хватку. Смотрит, как кофеварка наполняет кружку, затем ставит ее в раковину. Она заставит их подождать еще несколько минут. Айлиш возвращается к столу, достает из сумки телефон для связи с Марком, отправляет сообщение, вот уже несколько дней она не может ему дозвониться, телефон выключен, а на сообщения он не отвечает. Невидимая рука поднимает жалюзи в конференц-зале, на ее столе начинает звонить телефон. Она представляет, как забирает пальто и молча уходит, звонит адвокату, но адвокат ей пока без нужды, затем, как заведенная игрушка, шагает в сторону конференц-зала. За овальным столом рядом с безымянной брюнеткой из отдела кадров сидит Пол Фелснер, она заходит, подвига-

ет к себе стул, взглядом упирается в неуверенную улыбку брюнетки, затем Пол Фелснер говорит, спасибо, Айлиш, что пришли. Она не намерена смотреть ему в глаза, вместо этого разглядывает узкий рот, кривые зубы в нижней челюсти, маленькие ручки на столе рядом с документом, который сделает ее свободной. На краткий миг она упивается своим страданием, глядя в окно, приглушенный искусственный свет мешается с одолженным наружным, чувство нереальности происходящего преследует ее, когда она опускает глаза на свои руки, Айлиш и грустно, и досадно, и хочется смеяться над тем, что девять лет ее жизни должны закончиться так. И тогда она оглядывает брюнетку с головы до пят, улыбается и спрашивает, вам подсказать, с чего начать? Смотрит в глаза Полу Фелснеру и вместо лица видит дыру.

В зеркале отражается темная комната. В нем застыло ее лицо, как будто сейчас ночь, а не день, шторы задернуты, малыш спит в кроватке, Бейли кричит в саду. Айлиш смотрится в зеркало и не узнает себя, руки тянутся к прошлому, запертому в ящике стола, золотому обручальному кольцу матери, помолвочному кольцу с бриллиантом грушевидной огранки. Она взвешивает оба кольца на ладони в поисках образа, задержавшегося в ускользающей памяти, перед ней проступает лицо Айне, затем исчезает, подобно призраку. Боль, которую она испытала, когда сестра отказалась взять одно из колец после смерти матери. Айлиш закрывает глаза, желая увидеть прошлое в движении, но движутся только чувства, и она ощущает насмешливый материнский взгляд, слышит горькую фразу, однажды сорвавшуюся с ее уст, твой отец не рожден жить холостяком. Айлиш опускает глаза на кольца, подсчитывая их цену, рука проводит по другим предметам на кровати, вазе из свинцового стекла, юбилейному серебряному подносу овальной формы, принадлежавшему бабушке, ее собственной крестильной ложке. Каждый предмет вызывает мгновенный всплеск чувств, и, хотя в этих вещах нет ничего особенного и Айлиш легко с ними

расстанется, это ведь настоящие семейные реликвии, украшения, живущие в темных ящиках. В дверях появляется Молли. Не злись, пожалуйста, но вчера ночью я получила от Марка сообщение. Когда Айлиш отводит глаза от двери, ее глаза в зеркале сверкают. Я же сказала, чтобы ты не злилась. Ради всего святого, Молли, что он написал? Он отправил сообщение в десять минут второго, написал, что у него все хорошо, чтобы я не волновалась и что он делает это ради папы. Айлиш смотрит в угол комнаты, словно видит сына в каком-то беззвучном пространстве, поворачивается к Молли, которая садится на кровать, поглаживая вазу. Ты сказала Бейли про работу? Не уверена, что сейчас ему нужно знать. Почему бы тебе не попросить денег у Айне? Молли, разве я тебе не говорила, все скоро наладится. А у нас будет баранина на Пасху? Да, у нас будет баранина, хотя я не понимаю, почему мы до сих пор празднуем Пасху. Она ловит себя на том, что смотрит в зеркало на противоположной стене комнаты и видит мать, которая в ответ смотрит на нее, зеркало тоже когда-то принадлежало ее матери, и Джин тоже видела в нем свою мать, а ее мать видела свою. Голова кружится над пропастью времени, но, когда Айлиш открывает

глаза, зеркало продолжает твердить свою правду, что нет времени, кроме сейчас. Она надевает на палец помолвочное кольцо матери и отдергивает шторы, впуская внутрь пасмурный день.

Энн Девлин шагает по улице в манере человека, привыкшего все время двигаться, кулаки слегка сжаты, взгляд устремлен вдаль, и Айлиш ждет, пока она пройдет мимо. Адвокат пересекает О'Коннелл-стрит-бридж, стройная женщина в темном костюме, рыжеватые локоны стянуты на затылке, проходит насквозь магазин одежды, выходя на Принс-стрит, затем ныряет в торговый пассаж, выводящий ее на Генри-стрит, где она ждет, пока Айлиш с ней поравняется. Множество магазинов закрыто ставнями, и все же покупателей довольно много, открыт спортивный магазин, аромат итальянского мороженого создает очередь. Пропал мой помощник, говорит Энн Девлин, с тех пор как он ушел домой в прошлую пятницу, от него ни слуху ни духу, ГСНБ окружена стеной молчания, он был одинок, и теперь на мне остались его родители, мой муж и дети перепуганы, — внезапно между ними вклинивается наркоманка в спортивном костюме и что-то кричит в телефон, — Айлиш бросает взгляд на расстроенное лицо Энн Девлин, затравленный взгляд прикован к Медузе. Я думаю, мне ничего не угрожает, я мелькаю в международных новостях, пишу для иностранной прессы, но когда-нибудь придут и за мной, коллеги попросили,

чтобы я взяла отпуск, муж говорит, чтобы я отступилась, какая от меня польза, если я исчезну только для того, чтобы угодить туда, куда уже угодили все мои клиенты. Она сжимает запястье Айлиш. Мне очень жаль, но у меня нет для вас новостей, разумеется, я не намерена прекращать, я провела обширное расследование, у меня есть свои каналы, но никто до сих пор не ответил мне, где находится Ларри, я просто не знаю, что вам сказать, нужно надеяться, что он все еще в предварительном заключении, нам остается только надежда. Запястье Айлиш снова сжимают и отпускают. Это бездонное ощущение внутри тела, как будто земля ушла из-под ног, Айлиш наблюдает за бесконечным потоком гуляющих, спрашивая себя, скольких еще заставили исчезнуть? Мне кажется, Айлиш, будто под ногами разверзается черная дыра, нас уже не спасти и, даже когда режим рухнет, дыра будет ширить-ся и поглотит страну на десятилетия вперед. Айлиш идет к машине, слушая женский голос, наблюдая за фальшивыми улицами, дыхание перехватывает, она напугана и одинока и не сразу вспоминает, где оставила машину, кажется, недалеко от Центра правовых исследований, и, уже приближаясь к «турану», чувствует недоброе,

шины проколоты, одна из фар разбита, боковое зеркало валяется на земле.

Бейли хватает пульт, выключает телевизор, швыряет пульт через всю комнату, пульт ударяется о подлокотник кресла и падает на пол. Сообщая новость, что она продала машину, Айлиш пыталась улыбаться, и улыбка до сих пор не сошла с ее лица. И как нам теперь жить, как мы будем добираться до школы? Послушай, цены на бензин взлетели до небес, мы просто не можем позволить себе автомобиль, будешь ездить в школу на автобусе, как все, проживем как-нибудь. Бейли разворачивается к ней с бешеной гримасой, Айлиш, сама того не сознавая, отвечает ему недобрым взглядом, его кулаки сжаты, словно он хочет ее ударить. Ты выставила нас дураками, говорит Бейли, и что мне теперь говорить друзьям? Молли встает с кресла и нависает над братом. А ну закрой рот, говорит она, это всего лишь дурацкая машина, мама ни в чем не виновата, ты не понимаешь, что происходит? Айлиш ищет что-то, сама не знает что, молча стоит, словно застигнутая врасплох пустотой, берет со стола журнал, снова кладет на место. Куда ты дела мою авторучку, грозно вопрошает она у Молли, сколько раз я просила тебя ее не трогать? Морщинка боли прорезает лицо девочки. Почему ты так со мной разговариваешь? Она всплескивает

руками и выбегает из комнаты, Бейли яростно смотрит на мать. Эта семейка — посмешище, говорит он, и, чтобы ты знала, ты тоже чертово посмешище, лучше бы ты не была моей матерью. Айлиш выбегает на кухню, ощущая слабость во всем теле, но, почуяв кровь, сын следует за ней. Она стоит у раковины, страшась оглянуться и увидеть чужое лицо, его глаза вонзаются ей в спину, и она смотрит в окно, где деревья сдаются на милость дождю и надвигающейся темноте. И тогда она понимает, что червяк проглотил ее сына или сын заглотил червяка, но она вырвет червяка у него изо рта, сейчас она обернется и смело встретит его взгляд. Как ты смеешь так со мной разговаривать, спрашивает Айлиш, задирая подбородок и глядя на сына сверху вниз. Скоро все изменится, говорит она, ты стоишь тут, кричишь, размахиваешь руками, но тебе только двенадцать, и ты мочишься в постель, скоро тебе исполнится тринадцать, и ты ни черта не понимаешь, если бы ты имел хоть малейшее представление о происходящем, то держал бы язык за зубами. Она сжимает червяка в кулаке, червяк извивается, в глазах Бейли мелькает страх, и злобная маска сползает. Она видит перед собой ребенка и хочет обнять его, но на лице сы-

на застыло презрение. Опять ты за свое, сколько можно твердить эти глупости? В сердцах она отвешивает сыну пощечину, он удивленно смотрит на мать, затем дотрагивается до щеки, убедиться, что ему это не снится. Бейли фальшиво улыбается, брызгают слезы, но затем его глаза сужаются, как будто он провоцирует ее ударить еще. Айлиш растворяется перед ним, ища и не находя в этих глазах своего сына, он слепо тянется в какую-то внутреннюю тьму, за что-то хватается, что-то запретное, делающее мальчика мужчиной. И тогда лицо Бейли сморщивается, и он плачет, как ребенок, мотает головой, не желая обниматься, но она все равно заключает его в объятия и не отпускает, ощущая внутри всю глубину своей любви. Потом Бейли отталкивает ее, выскакивает во двор, берет велосипед Марка и катит его к двери. Куда это ты собрался? На улицу. Никакой улицы, время позднее, скоро комендантский час. Бейли выкатывает велосипед в прихожую, и она слышит, как за ним закрывается входная дверь.

Очередь в мясную лавку, отделанную синей плиткой, тянется на улицу. На часах четверть шестого, и Айлиш стоит в очереди с Беном в коляске, наблюдая в небе все разновидности погодных явлений. Свинцовые тучи на востоке отвечают ее внутреннему настрою, она смотрит сквозь витрину на мясника Пэдди Пиджена и его сына Винни, работающих молча, белое запястье тянется к подносу с мясом. Айлиш думает о людях, которым должна позвонить насчет работы, старается не прислушиваться к разговорам в очереди, к мужчине, что постукивает по руке скрученным таблоидом, обращаясь к пожилой женщине, и, судя по его выпученным глазам и суетливости, он мог быть тренером Марка по футболу. Скоро с этими чертовыми мятежниками будет покончено, говорит он, мы перебьем их, как крыс, на кону стоит наша победа. Айлиш смотрит себе под ноги, думая о том, что слышала по Би-би-си, говорят, восстание разрастается, повстанцы закрепились на юге, очередь движется к двери, пока она достает кошелек и пересчитывает деньги. Усталость пронизывает все ее тело, ей хотелось бы проснуться без сновидений, потянуться и вырвать из себя эту ночь, каждая ночь оставляет осадок, накапливающийся в крови, в

плечах, спине и бедрах, однажды она очнется от сна, в котором тело не отдохнуло вовсе. Перед ней стояла какая-то женщина, но она ушла, и Айлиш заходит в дверь, старик дрожащими руками теребит лоток с яйцами, а Винни убирает с прилавка пустой поднос. Сейчас я вернусь к вам, Айлиш, подождите минуту. Пэдди Пиджен смотрит через плечо, позволяя взгляду скользнуть мимо Айлиш, пластиковые контейнеры с карри, открытая морозилка, он кладет на прилавок мелочь и шепчет что-то на ухо сыну. Она смотрит, как они проходят сквозь занавеску из ленточек в холодильную камеру, оставляя ее одну в лавке, слышит звук пилы, если она ляжет и попросит распились ее, мозг окажется черным как смоль. В магазин заходит пожилая женщина, и появившийся из-за занавески Пэдди Пиджен обращается к ней, миссис Таган, как поживаете? Айлиш бросает сердитый взгляд на мясника, тот смотрит только на пожилую даму, которая указывает на витрину рукой в перчатке. Он облокачивается на прилавок и говорит, все, что есть, перед вами, миссис Таган, продуктов не хватает, хотя на следующей неделе кое-что подвезут. Закручивает пакет с сосисками, подносит его к аппарату, приклеивающему этикетки, выкладывает пакет на

прилавок, дает сдачу. Айлиш подходит к витрине, но Пэдди Пиджен разворачивается к ней спиной и идет к холодильной камере. Замедленное движение ленточек занавески, выцветший религиозный календарь прибит над подставкой для пилы, месяц и год не совпадают, Айлиш пытается вспомнить, что они делали в тот год, но память ей изменяет, ехали в школу или на работу, возвращались домой, ничем не примечательный месяц в ничем не примечательном году. Она сжимает зазубренный край ключей, окликая мясника. Не бросай меня снова, Пэдди, я не собираюсь торчать тут весь день. Из холодильной камеры доносится звук, с которым тащат и кидают на пол тяжелую коробку. Пухлая женщина, запыхавшись, влетает в лавку и, растопырив руки, смотрит, как Пэдди снова выходит из морозильной камеры, отмахиваясь от ленточек занавески. Словно не замечая Айлиш, он улыбается другой покупательнице. Мэг, говорит он, я уже закрываюсь, не тяни, что я могу тебе предложить? У Айлиш сжимается сердце, когда она наблюдает за его обрюзгшим мясистым лицом, грубыми красными руками, за тем, как он расхаживает перед ней, словно перед пустым местом. Хватит, Пэдди, говорит она, все это время я простояла прямо перед тобой, ты не

хочешь меня обслужить? Женщина пугается, хмуро смотрит на мясника, но тот отворачивается и закручивает пакет с сосисками. Сосиски, говорит он, всем сегодня подавай сосиски. Мясник кладет на прилавок сдачу, смотрит, как женщина выходит, наклоняется к витрине, со вздохом вытаскивает поднос и уносит. С улицы доносятся звонкие шаги ребенка по синей плитке, звук растворяется в желтоватом свете, запах мясной лавки проникает в тело Айлиш, запах жира и крови смешивается с кровью и жиром в ее теле, наполняя ощущением смерти, а снаружи у обочины притормаживает фургон с известью.

Она изучает баранину, поливает ее из половника и закрывает дверцу духовки, слышит, как кто-то входит в гостиную, смотрит мимо Молли и видит Саманту, которая стоит, сцепив руки перед собой. Мам, я пригласила на ужин Саманту. О, произносит она, заставляя себя улыбнуться и встречая грозный взгляд дочери. Вешает перчатки и отходит к раковине, слушая болтовню девочек на диване, о этот страх за сына, вызванный видом его подружки, страх, проникший в каждую клеточку. Айлиш закрывает глаза, а когда открывает их, ее встречает вечерний свет, пожелтевший почти до запаха, она видит под деревом нахохлившегося черного дрозда, наблюдает за птицей, живущей только этим мгновением, интересно, каково это, всю жизнь провести под открытым небом. Она вынимает из духовки противень с печеной картошкой и зовет их ужинать. Саманта мнется у двери, все еще скромно сцепив руки, но ей явно нравится быть среди них. Айлиш изучает ее, все еще борясь с предубеждением, с чувством, что Саманта здесь чужая, ловит ее взгляд и улыбается, жестом подзывая Саманту к столу, видя, что они обе оставлены, обе изнывают в неведении и обе хотят от ее сына одного и того же. Мам, говорит Бейли, разглядывая дверцу

духовки, мясо слишком долго тушится, ты его пересушишь. Она смотрит ему в лицо, ища Ларри, говорящего устами сына. Духовка выключена, говорит она, почему бы тебе самому не вынуть мясо? Бейли выкладывает мясо на стол, отступает назад и оглядывает жаркое, довольный собой. Мам, кажется, ты говорила, что не смогла купить мясо в лавке, замечает Молли. Пришлось идти в килмейнхэмскую лавку, разве ты не слышала про перебои с продуктами? Желтый свет золотится, пока они ужинают, сумерки сгущаются, она забыла включить верхний свет и наблюдает, как их окутывают тени, наблюдает за Молли, словно за чужой дочерью, отмечая, как дочь повеселела рядом с Самантой. Бейли отхлебывает молока и спрашивает, воюет ли сейчас страна, и Айлиш изучает его молочные усы и вопрос в глазах. В мировых новостях это называют мятежом, отвечает Молли, но, если хотите именовать войну настоящим именем, зовите ее развлечением, мы теперь телешоу для остального мира. Саманта кладет на тарелку нож и вилку. Мой папа называет это терроризмом, он считает, эти люди — обычные террористы и они получат по заслугам, и кричит это прямо в экран. Айлиш отводит взгляд, Молли сидит, молча уставившись в тарелку. По-моему,

баранина удалась, говорит Айлиш, как жалко, что Марк не с нами. Она проводит ножом по мякоти, не разрезая ее, встает, включает свет, Бейли не сводит с нее глаз. Так вот куда ушел Марк, спрашивает он, к мятежникам? Смутная тоска пробегает по лицу Саманты, пока Айлиш делает вид, что разглядывает солонку, а Бейли вытирает рот рукавом. Не знаю, о чем ты, отвечает ему Айлиш, я же говорила тебе, Марк поступил в школу на севере. Тогда почему я не могу ему позвонить, думаешь, я дурак, почему ты все время несешь чушь? Он протыкает кусок мяса и ножом отправляет его в рот. Я слышал, на днях застрелили трех дезертиров, прямо в затылок, бах, бах, бах, Бейли прицеливается указательным пальцем. Айлиш кладет нож с вилкой и отодвигает стул. Я не хочу слышать таких разговоров, Бейли, будь добр, загрузи посудомойку, Саманта, как насчет десерта, не хочешь посмотреть фильм в гостиной? Молли с Самантой выходят из кухни, Айлиш следует за ними. Молли поднимается в ванную, Саманта переходит от фотографии к фотографии. Я не хотела, понимаете, голос девушки срывается, мне очень не нравится, когда отец так говорит, думаю, он помешан на заговорах. Айлиш изучает ее лицо в поисках чего-то скрытого, брекеты на

зубах, милые, немного загадочные манеры. А что твоя мать? Не знаю, думаю, она просто с ним соглашается, скажите, как давно вы живете в этом доме? Надо вспомнить, мы купили его незадолго до рождения Марка. Их глаза встречаются, и внезапно Айлиш понимает. Ты что-то про него знаешь, говорит она, это написано у тебя на лице. Внезапно она видит горе девушки, видит, как та дрожит, словно смотрит на открытое пламя, Саманта сцепляет руки перед собой и переводит взгляд на дверь, в гостиную входит Молли, изучает мать, затем Саманту, упирает руки в боки и спрашивает, что происходит? Айлиш выходит на кухню. Кто будет десерт, у нас есть мороженое и фруктовые консервы, Молли, можешь выбрать фильм по своему вкусу.

Она ждет трамвая на набережной, когда воздух начинает колыхаться. Военные вертолеты в небе днем и ночью, город словно осажден полчищами насекомых, черные, раздутые, и Айлиш уже привыкла их не замечать. Пожилой мужчина, который стоит перед ней, прикрывает глаза ладонью и смотрит наверх. Никогда не знаешь, прилетают они или улетают, замечает он. Она разглядывает лица стоящих на остановке и видит спокойное равнодушие, остекленевшие глаза над экранами телефонов, две женщины возобновляют беседу, девочка играет в классики. Бен жмурится от солнца, она опускает складной верх коляски, встречает улыбку пожилого мужчины и смотрит на его поношенные черные ботинки, видит развязавшийся шнурок, трамвай гудит, приближаясь к развилке. Мужчина продолжает разглядывать небо, что-то бормоча, простите, говорит Айлиш, я не расслышала, у вас шнурок развязался. Мужчина наклоняется к ней и указывает пальцем в небо. Царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной, кто ты будешь такой? Айлиш отворачивается от его безумной улыбки и, прежде чем загрузиться в трамвай, смотрит на канал за спиной, на белоснежного лебедя, скользящего сквозь солнечную рябь.

Когда Кэрол Секстон поднимается по лестнице старого кафе, Айлиш делает вид, что не замечает ее. Она изучает витраж, изображает удивление. Смуглая рука отодвигает стул, нарисованная улыбка растягивает рот — улыбка клоуна. Кэрол ставит на пол сумочку и осторожно оглядывает антресоль, тихие разговоры и увлеченная болтовня, официантка, снующая между столиками, гладкие седые волосы пожилой дамы, которая ковыряет большим и указательным пальцами раскрошенную булочку, читая газету, сложенную пополам на коленях. Всегда любила это место, говорит Кэрол, хотя не бывала тут со студенческих времен, с тех пор оно совсем не изменилось, чувствуешь себя застывшей во времени, которое ушло, эти витражи, как будто снаружи ничего нет… Айлиш изучает женщину в красном платье на витраже, не представляя, кто имелся в виду, вероятно, символ некой лживой мифической девы, поющей свободу. Она подзывает официантку и спрашивает Кэрол, чего та хочет, размышляя, что для встречи следовало выбрать другое место — Сан-Стивенс-Грин под тенистыми деревьями. Кэрол крутит на пальце обручальное кольцо. В какой зоне вы оказались, Айлиш? В зоне «Ди», хотя деление как будто совсем произвольное. А я в

зоне «Эйч», это как почтовые районы, округа, вот увидишь, скоро все только так и будут говорить, я, чтобы встретиться с тобой, пыталась пересечь город по автостраде, но они перегородили бетонными балками полосы на М7, там бронетехника, войска, они явно нервничают, повстанцы ближе, чем заявлено, меня развернули, велели съехать на боковую дорогу, он был очень вежлив, а еще я знаю кое-кого, способного раздобыть специальный пропуск для незаменимых работников, и тогда я смогу ездить куда захочу. Айлиш пытается представить, как Кэрол могла выглядеть в двадцать, гибкая, с длинной шеей, выше всех окружающих парней, а сейчас беспокойная рука теребит кутикулу на большом пальце, мятая блузка в пятнах, веки красные и воспаленные, глаза навыкате подсоединены к какому-то механизму, непрерывно вырабатывающему мысли, не дающие ей спать по ночам. Она принесла с собой что-то, и это волнами расходящийся от ее тела страх. Я раздобыла бумагу, которая делает меня основным опекуном отца, говорит Айлиш, но это потребовало времени, ему стало хуже, и он не осознает своего состояния, порой, кажется, подозревает неладное, но, поскольку не способен заглянуть внутрь собственного разума, обращает

подозрение вовне, ведь если он в порядке, значит что-то не так с остальным миром, и всегда найдется, на кого перевести стрелки. Кэрол поднимает глаза, когда официантка подходит к столику, расставляет напитки, улыбается и быстро уходит. Ты выглядишь так, будто не спала неделю подряд, говорит Айлиш, ты вообще спишь? Спишь, говорит Кэрол нездешним, словно затерянным во времени голосом, и смотрит на Айлиш через стол, не видя ее. Я в принципе мало сплю, каждую ночь мечтаю о том, чтобы уснуть без задних ног, но теперь это невозможно, мне потребовалось время, чтобы осознать: я давно уже в некотором роде сплю, понимаешь? Я проспала все то время, когда считала, что бодрствую, пытаясь разобраться в проблеме, которая зияла передо мной, как великая тьма, в тишине, поглощающей каждое мгновение моей жизни, я думала, что схожу с ума, вглядываясь в эту тишину, но, когда я проснулась и увидела, что они с нами сделали, какая отточенность, забрать у тебя что-то, заменив это тишиной, и каждый миг бодрствования ты упираешься в эту тишину и больше не в силах жить, ты перестаешь быть собой и становишься вещью, безропотно ждущей, когда тишина прервется, ты стоишь на коленях, день и ночь напролет умоляя

тишину, ты становишься вещью, ждущей, когда тебе вернут то, что у тебя отняли, и только тогда жизнь будет прежней, но тишина не прерывается, понимаешь, они оставляют возможность, что однажды то, чего ты хочешь, вернется к тебе, и поэтому ты не осмеливаешься поднять голову, парализованный, тупой, как старый нож, и тишина не прервется, потому что в ней источник их силы, ее тайный смысл. Айлиш складывает руки на груди и откидывается на спинку стула, наблюдая, как Кэрол тянется за сумкой и выкладывает на стол папку. Теперь ясно, говорит Кэрол, что они лгали нам все это время, что тишина не прервется, что наших мужей не вернут, их не вернут, потому что это невозможно, и все давно об этом знают, это знает самая последняя собака на улице, а поэтому я беру дело в свои руки… Она открывает папку, внутри стопка цветных фотографий Джима Секстона с подписью «ПОХИЩЕН И УБИТ ГОСУДАРСТВОМ», под фотографиями мелким шрифтом изложены обстоятельства дела. Айлиш быстро отодвигает стул и заслоняет собой папку. Ты с ума сошла? Оглядывает зал, официантка склонилась над дальним столиком, расставляя чашки с блюдцами на подносе, пожилая дама складывает газету. Ты должна это прекратить,

Кэрол, тебя арестуют, и меня с тобой вместе, а у меня дети… Не опуская глаз, Кэрол подносит чашку к губам, носительница тайного знания вопреки фактам. Я знаю, что и ты это знаешь, Айлиш, больше нет смысла скрывать, мы все это знаем, они не в лагерях на равнине Каррах, так утверждают повстанцы, которые недавно ее захватили, их не было там с самого начала, так где же они? Айлиш некуда девать глаза, и она закрывает их, ощущая, как странно бьется сердце. И это не темнота, которую видишь за веками, это тень чего-то громадного, и вот-вот оно обрушится на нее, и ужас, что ее толкают во тьму, все ближе и ближе, и Айлиш открывает глаза, поднимает их, ей не хватает воздуха, и она отворачивается к лестнице, затем гневно смотрит на Кэрол. И тут день внезапно вспыхивает сквозь витражи, обрушиваясь на Кэрол разноцветным потоком и освещая ее изнутри, и лицо сияет от воспоминаний о любимом муже. Кэрол, я достаточно наслушалась, хватит распространять уличные сплетни, от них больше вреда, чем пользы, никто ничего не знает, нет ни единого достоверного факта, ты просто утратила веру, вот и все, но ты должна верить, нельзя отчаиваться, если остаются хоть малейшие сомнения, а там, где остаются

сомнения, есть место надежде. Ее рука ищет рукав пальто, но он вывернут наизнанку, и она вспоминает, как Ларри сражался с рукавом на пороге, снова смотрит в сторону лестницы, чувствуя, как накатывает паника, хватает пальто, открывает сумочку, кладет банкноту на стол. Это за двоих. Рука с обгрызенными ногтями тянется через стол и отпихивает банкноту. Ну и как у него дела, у вашего старшего, вы им гордитесь? Айлиш перестает застегивать пальто, замечая на лице Кэрол загадочную улыбку. Что ты сказала моему сыну, что ты ему сказала? В глазах блеск тайного знания, длинная рука взмывает в воздух и рассеянно машет Айлиш на прощанье. Ты еще будешь гордиться своим сыном, повстанцев не остановить, они прогонят убийц и положат конец террору, кровь этой страны очистится раз и навсегда, и помяни мое слово, впереди у нас прекрасная война.

Глава 6

Она кладет пакет с мусором на крышку бака и оглядывает улицу, черные мусорные баки на колесиках не убирали три недели, чайка кормится из черного пакета, брошенного у стены, сбоку пакет разорван, вероятно лисой, его содержимое вывалилось на дорожку. Она прикрикивает на птицу, хлопает в ладоши, но чайка смотрит на нее каменным взглядом, затем разевает клюв, открывая темную щель пищевода. Айлиш поднимется наверх и приготовит для Молли ванну,

разогреет чашку молока и поищет в шкафчике какао под мировые новости, повстанцы вынудили правительственные войска отступить, скоро боевые действия дойдут до Дублина. Она стоит в дверях спальни и смотрит, как Молли, облокотившись на подушку и подтянув колени к груди, читает с экрана телефона. Кажется, Молли отделилась от них, став почти чужой, какой-то другой ребенок в каком-то другом доме, теперь Молли почти не разговаривает. Айлиш ставит какао на комод, берет в руки плюшевого мишку, мишка ослеп, вместо глаз у него пуговицы, и она не помнит, как их пришивала. Выпей какао, пока не остыло, а я приготовлю тебе ванну. Молли поднимает глаза от экрана и встречается с материнским взглядом, и в нем — пустота. Мам, говорит она, ты должна меня выслушать, надо бежать, пока не поздно. Айлиш смотрит вниз на правую ногу, освобождая ее от туфли, ноги держат тяжесть тела, держат тяжесть мира подушечками стоп, абсорбирующими плюсневыми костями, мягкими натруженными мизинцами, ей хочется, чтобы Ларри растер ей стопы, а после принять ванну. А как насчет твоего дедушки, кто будет за ним приглядывать, ему все хуже, и куда деваться твоему отцу, если его неожиданно выпустят, об

этом ты подумала? Молли тянется за какао, обхватывает кружку ладонями и, закрыв глаза, делает глоток. В школе многие уехали в Австралию, в Канаду, в Англию… Ну и куда бы мы поехали, нам некуда ехать, переезд стоит денег. Мы могли бы поехать к Айне и там ждать возвращения папы, ты можешь подать на академическую визу. Молли, они отказались выдать паспорт Бену и продлить паспорт Марку, ты же знаешь. В ванной она вставляет пробку в сливное отверстие, включает горячую воду, пробует ее пальцем, наслаждаясь обжигающей отдачей, возвращается к Молли, которая сидит со скрещенными на груди руками, начинает разглаживать одеяло. Ты же знаешь, я давно не занимаюсь наукой, и в любом случае долго это не продлится, мы живем не на задворках, мировое сообщество поможет достичь соглашения, прямо сейчас в Лондоне идут переговоры, сначала строгие предупреждения, затем санкции, а когда санкции не подействуют, они соберут всех за одним столом, а со дня на день выступят посредниками по вопросу прекращения огня. Взгляд Молли свободно проникает в мысли матери, где бродит, отделяя правду от лжи, и Айлиш вынуждена отвести глаза. Мам, а что будет с Марком? На пороге она останавливается.

А что с Марком, какого ответа ты от меня ждешь, все у него будет хорошо, я просто знаю, завтра я должна отвезти Саймона на сканирование, потребуется вечность, чтобы выманить его из дома, ты же знаешь дедушку. Мам, я пыталась ему дозвониться, Марку, но номер отключен. Что-то скатилось по губам Айлиш, она движется по комнате, наклоняясь, чтобы поднять с пола одежду, стоит в ванной, уставившись на воду, пар поднимается и рассеивается, что-то проявляется с каждым мгновением, его нельзя осознать, но если есть хоть малейшая вероятность, всегда остается надежда. Ей хочется обратно в спальню, взять Молли за руки и сказать, что все наладится, Айлиш остается стоять над плетеной корзиной, роняет белье, чувствуя, как все валится из рук, ощущение, будто они падают навстречу тому, к чему предыдущая жизнь ее не готовила.

Ей знаком кабинет за дверью, ловкие птичьи движения консультанта, рядом сидит отец и разглаживает складки на брюках. Айлиш хочется провести костяшками пальцев по щеке, заросшей белой щетиной, взять его за руку, но она этого не делает, он уже дважды сказал, что предпочел бы остаться дома. Она читает бегущую на телеэкране строку правительственных новостей, в заголовках тишь да гладь, мир прошлого, ну или настоящего, лежащего в странной параллельной реальности, в одном мире объявляют о новых назначениях и урезании бюджета, в другом ходят слухи о массовых убийствах гражданских правительственными войсками, мирных жителей схватили и расстреляли, секретарша за стеклом пьет чай из бумажного стаканчика. Папа, говорит она, переезжай к нам, пока это не закончится, мне не нравится, что ты живешь один, да и детям так будет лучше. Я совершенно счастлив быть там, где я есть, я живу сам по себе с тех пор, как умерла твоя мать, следующее, что я услышу, это что ты с твоей сестрой продала дом при живом отце, я вас обеих знаю. Папа, о чем ты говоришь, кому сейчас нужен твой дом, когда столько людей уехали из страны, можешь взять собаку с собой, мы поставим на заднем дворе конуру… Я сказал, я

отлично справляюсь, у меня есть припасы, а если что-то понадобится, загляну к миссис Дойл, когда пойду гулять со Спенсером. Пап, лавки миссис Дойл нет уже лет двадцать. Она встает с кресла и смотрит на него сверху вниз. Мне нужен кофе, я видела в коридоре автомат с напитками, тебе принести чаю? Когда мы возвращаемся домой, спрашивает он, я же говорил, не люблю автобусы. Айлиш разглядывает картину над головой Саймона, который хмуро уставился на нее, на картине развороченный бутон внезапно распустившегося пиона. Пап, так как насчет чаю? Саймон качает головой, и она присаживается на корточки перед спящим в коляске ребенком, прижимает тыльную сторону ладони к пухлой алой щечке, выпяченные губки Бена сложены трубочкой. Я отойду на минутку, если проснется, возьми его за руку. Красная дверь со скрипом закрывается, она идет по коридору, но автомата с напитками нигде нет, останавливается у стойки охранника, оказывается, она все перепутала, автомат стоит у входа в больницу. Перед автоматом Айлиш роется в поисках монет, когда звонит телефон. Да, говорит она, это миссис Стэк, женский голос представляется кем-то из школы Бейли, имени она не расслышала, наверняка секретарша.

Миссис Стэк, последние две недели ваш сын периодически прогуливал уроки, мы положили ему в рюкзак письмо, чтобы вы его подписали, и он вернул письмо с подписью, которая выглядит подделкой. Мужчина позади нее начинает проявлять недовольство, Айлиш оборачивается, извиняется одними губами и отходит от автомата. Я сожалею, говорит она, для меня это новость, раньше я отвозила его в школу, но в последнее время он самостоятельно добирается на автобусе, сегодня вечером я все выясню. Миссис Стэк, на прошлой неделе в школе произошел инцидент с участием вашего сына. Что за инцидент, пожалуйста, зовите меня Айлиш. Инцидент в классе, ваш сын грубо нарушил школьные правила поведения. Я искренне сожалею, но что он сделал? Ваш сын позволил себе смеяться над тем, над чем смеяться непозволительно. Извините, я не понимаю, что это значит. Это значит, миссис Стэк, что Бейли насмехался над учительницей, нарушал порядок в классе, попирая школьный устав. Да, я понимаю, хотя это кажется мне странным, Бейли обожает миссис Иган, и она не склонна делать из мухи слона. Миссис Иган больше не преподает в нашей школе, в марте ее отправили в длительный отпуск, и теперь руководство возложено на

меня. Мгновение Айлиш молчит, представляя, как миссис Иган выводят из класса, пытаясь вообразить собеседницу, рисуя крохотный ротик и сморщенное личико. Я не знала про миссис Иган, Бейли мне не рассказывал, простите, не расслышала вашего имени. Меня зовут Рут Нолан, миссис Стэк… Зовите меня Айлиш, пожалуйста, так кто теперь преподает в классе Бейли? Теперь я веду уроки в классе миссис Иган. О, так он смеялся над вами? К сожалению, да. А над чем он смеялся? Я хочу, чтобы вы поняли, миссис Стэк, его смех был неуместен и продолжался… Да-да, я понимаю, но вынуждена спросить, как долго вы были учительницей до того, как партия назначила вас руководить школой? Я не понимаю, при чем здесь это? Если мой сын громко смеялся, уверена, у него был повод для смеха, тоже мне преступление, однако я обязательно поговорю с Бейли вечером насчет прогулов, а сейчас, если не возражаете, мне пора. Ладонь Айлиш дрожит, когда она засовывает монету в автомат, она складывает руки на груди, наблюдая, как автомат, урча, готовит кофе, снова кидает монету и выбирает чай для отца, хотя он и отказался, глоток чая ему не повредит. Видя перед собой лицо сына и отчаянно желая закурить, она идет по коридору,

сворачивает не туда, клиника памяти в другой стороне. Открыв дверь плечом, она видит Бена одного, Саймона нет в приемной. Она стучится в стекло администратора, возможно, отца вызвали в кабинет или он вышел в туалет? Ставит горячие напитки на сиденье, снимает коляску с тормозов и выкатывает из двери задом наперед. Заглядывает в мужской туалет, зовет Саймона, подходит к охраннику у входа в больницу, тот передает информацию по рации, появляется второй охранник, просит описать Саймона, и, описывая отца, Айлиш начинает искать ему оправдания, возможно, он просто отошел и заблудился, возможно, он сам отыщет обратную дорогу. Когда Айлиш находит Саймона, тот сидит в столовой под телевизором, перед ним на столе сэндвич. Он наливает молоко из стального кувшинчика. Она опускается на сиденье напротив, кладет руки на стол и смотрит ему в глаза, а Саймон откидывается назад и в ответ озадаченно смотрит на дочь. Значит, решил перекусить, говорит она. Да, решил перехватить чего-нибудь, пока твоя мать на приеме, ты тоже должна взять себе сэндвич, пока мы ее ждем. Теперь отец улыбается, и на миг Айлиш ощущает себя ребенком, смотрит, как он ест, розовый язык подхватывает ускользаю-

щую креветку, в углу рта след от майонеза. Он ищет салфетку, и она протягивает ему искомое, Саймон вытирает рот и дотрагивается до ее щеки. Не волнуйся, говорит он, все будет хорошо. Айлиш смотрит ему в лицо, пытаясь улыбнуться в ответ, смотрит на его руки, морщинистая кожа словно песок, кажется, будто это отлив отступил от костяшек.

В новостях объявлено об очередном указе, запрещено прослушивание и чтение любых иностранных СМИ, зарубежные новостные каналы будут заблокированы, отключение интернета начинается с сегодняшнего дня. Это смешно, говорит Бейли, разве можно вот так взять и все отключить? Не знаю, любимый, они на все способны, хотят контролировать информационный поток, хотят, чтобы мы не знали, что происходит на самом деле. И что мне теперь делать, как жить дальше? Тебе пора собираться в школу, я поеду с тобой на автобусе, свитер висит на стуле, интернет может вернуться нескоро. Бейли открывает холодильник. Нет молока для хлопьев, молоко теперь тоже под запретом? Еще вчера было много, это ты пьешь без перерыва. Вечером она берет стремянку, всматривается во тьму чердака, подтягивается, тонкий луч фонарика шарит по стенам в поисках выключателя, но, похоже, его там нет. Придется поговорить с Ларри, лазить на чердак за вещами — твоя забота, ты же не хочешь, чтобы я с одним только фонариком ползала по стремянке вверх-вниз? В свете фонарика видно, куда Марк засунул елку и ящик с елочными игрушками. Что за бардак он тут устроил, мешки для мусора, набитые старой одеждой, детские иг-

рушки в коробках, чемоданы со всякой всячиной и хламом, который она не решается выбросить. Айлиш подтягивает чемодан, отстегивает застежку и понимает, что не хочет заглядывать внутрь, — заглянув внутрь, она увидит то, чего не хочет видеть, она защелкивает чемодан и неподвижно стоит, вдыхая запах слежавшейся пыли. Это ощущение, что чердак не принадлежит дому, а существует сам по себе, своего рода прихожая, где толпятся тени и беспорядок, дом для памяти, где обитают остатки ее более молодых «я», свернутые и распиханные по коробкам, отброшенные за ненадобностью, затерянные среди исчезнувших и забытых других «я», пыль оседает на годы их жизни, и годы их жизни медленно обращаются в пыль, как мало от нас останется, никто не поймет, какими мы были, мы исчезнем в мгновение ока. Внезапно у Айлиш возникает чувство, что Ларри стоит рядом, она оборачивается и встречается со своим горем, сжимает кулаки и трясет ими, снова и снова повторяя, что Кэрол ошибается, никто ничего не знает наверняка, разве это горе, это не горе, это другое, скорее, обида — горе, облаченное в цвета надежды. Нужно поскорее выбираться к свету дня, она открывает чемодан и достает то, что успела заметить внутри, — кожаный браслет

Ларри. Стоит очень тихо, ощупывая браслет кончиками пальцев, пытаясь вспомнить, какими они были, Молли зовет ее от подножия стремянки, и Айлиш вспоминает, зачем поднималась на чердак, портативный радиоприемник лежит в старом пластиковом пакете, и она передает его Молли через люк. Ставит радиоприемник на стол, протирает тряпкой, Молли наблюдает за ней. Зачем тебе эта штука? Я хочу услышать новости, настоящие, из-за границы, а не ложь, которой нас пичкают. Нет, я не про радио, а про штуку у тебя на запястье. Раньше его носил твой отец. Айлиш дотрагивается до браслета, вытягивает антенну во всю длину и включает приемник, не веря, что батарейки еще работают, и комната наполняется мягким треском атмосферных помех, она крутит ручку, шаря по длинноволновому диапазону, странное электрическое гуденье сменяется шуршанием из ее детства, так шуршали далекие города, вещающие ночами на чужих языках. Молли пальцем обводит хромированный край. Очевидно, мы возвращаемся в прошлое, скоро будем ездить на велосипедах, стирать одежду вручную, называть обед чаепитием, перестанем понимать, кто мы такие, без интернета я уже не человек. Глаза Молли загораются, искра радости

прячется в сердце. Айлиш снимает кожаный браслет и протягивает дочери. Ему понравится, что браслет у тебя, только брату не говори, где он, кстати, скоро комендантский час, он прекрасно знает, что наказан. Понятия не имею, он вышел, как только ты поднялась на чердак, и просил тебе не говорить. Она выглядывает из окна, звонит Бейли, но тот не отвечает. В семь Айлиш выходит на улицу, провожает взглядом белый фургон, некоторое время наблюдает за дорогой, затем продевает руки в рукава пальто и зовет Молли. Я вернусь через несколько минут, позвони мне, если он появится. Ладони сжаты, она прислушивается к каждой проезжающей машине, словно по щелчку выключателя на дорогах наступает затишье, она шепчет слова, которые скажет, если встретит патруль: простите, мой сын не вернулся домой вовремя, ему всего двенадцать, я просто обхожу квартал. Бейли нет ни в одном из его обычных мест: ни у стены за углом, ни на площадке у школы, она идет обратно и видит, как он пинает мяч у бордюра, болтая с каким-то незнакомым подростком, на прощанье машет ему рукой, делает еще несколько финтов и рассеянно поднимает глаза на мать. Перед этим кислым взглядом она не может выразить свой страх, что чернеет в

крови, словно чернила, страх, что яростно искажает рот. Ну и что с того, что я опоздал, говорит Бейли, я уже дома, не будь старой занудой.

Очередь в супермаркет тянется за угол, к ящикам со стеклотарой, двое солдат пропускают людей внутрь по трое-четверо, очередь немного продвигается и снова замирает. Она паркует коляску, подкатывает тележку, пытается усадить Бена на переднее сиденье, но он брыкается и дрыгает ногами, словно дикая тварь, вытащенная из логова, и так орет, что она разрешает ему стоять в полный рост. Женщина с тележкой кивает Бену. Он вас купит и продаст, не успеете оглянуться, говорит она. Айлиш улыбается в ответ, не поднимая глаз, и хмурится на сына, который скачет от радости. Ей следовало бы составить список, в панике люди сметают товары с полок, но Айлиш не может сообразить, чего именно ей не хватает, все хотят одного: хлеба, макарон, риса, вода в бутылках уже закончилась. Она стоит перед полкой с консервами, запасы на исходе, беседует с Беном, который наконец-то уселся и играет с содержимым тележки. Нам нужно сухое молоко для тебя и сгущенное для остальных, если обычное закончится, не знаешь, чего ждать, впрочем, не важно, запасаешься одним, кончается другое. Айлиш стоит у прилавка с гастрономией, когда замечает мужчину в рубашке и галстуке, который бочком движется по проходу, уткнувшись

носом в планшет. Простите, вы менеджер? Она следует за ним до двери кабинета, которая сливается с такими же грязно-белыми стенами, и, не зайди он внутрь, она бы ее не заметила. Он снова выходит, прикрепляя лист бумаги к планшету. Значит, вы хотите устроиться на работу в магазин, вы принесли резюме? Нет, отвечает она, я только что увидела объявление снаружи на доске, меня устраивает неполный день, хотя я никогда не работала в продуктовой рознице. Хорошо, говорит мужчина, давайте я зафиксирую ваши данные, если распишу эту чертову ручку, и мы с вами свяжемся, где вы работали раньше? Она ждет, пока неприятный голос вызывает по внутренней связи кассира, затем возобновляется музыка, которая и не музыка вовсе, а приятный расплывающийся шум. Я около двадцати лет проработала на руководящих должностях в области биотехнологий, по образованию я биолог, у меня степень по молекулярной и клеточной биологии, но вы же понимаете, с работой сейчас тяжело. Мужчина перестает расписывать ручку, и под его взглядом Айлиш чувствует себя идиоткой, как будто вырядилась не по сезону. Менеджер переводит глаза на Бена, который снова дрыгает ногами, мужчина теребит отрастающие усики, пытается

выдавить улыбку, но у него не выходит. Ладно, говорит он, давайте я просто запишу ваше имя и телефон, это всего лишь вечерняя расстановка товара по стеллажам на полставки, у нас уже есть претенденты, на самом деле довольно много, но в любом случае мы с вами свяжемся. Она не запомнит это лицо, оно уже стоит в ряду простых и сочувствующих лиц тех, кто отвел взгляд, она понимает, ему было велено, всем им было велено, это лицо говорит обо всем мироздании, ужасающей энергии звезд, Вселенной, обратившейся в прах, но снова и снова сотворяемой обезумевшим творцом. Айлиш поднимает сына и усаживает на сиденье, игнорируя его вопли, наполняет тележку, присоединяется к длинной очереди в кассу и стоит, разглядывая покупки: двухмесячный запас консервов, детское молоко, упаковка туалетной бумаги и стиральный порошок. И тогда ее накрывает чувство, что все это ей только мнится, хочется громко рассмеяться, разглядывая вспотевшую волосатую шею толстяка впереди, который толкает тележку с пивом и туалетной бумагой, и, смотря на толпящихся людей, она испытывает презрение к принятому укладу человеческой жизни, все они животные, покорно подчиняющиеся телесным нуждам, сво-

ему племени и государству. Она минует солдат на выходе, Бен лижет кусок сыра, и ей не хочется перемещать его из тележки в машину, к тому же не может вспомнить, где припарковала «туран». Проходит вдоль автостоянки, возвращается, видит коляску в отсеке. Тупица, и как ты собиралась все это дотащить? Айлиш разглядывает покупки, затем складывает коляску, ставит ее в тележку, выходит на дорожку вдоль трассы, вспоминая, что забыла купить жидкость для мытья посуды, лакомства для детей, любимые крекеры Саймона, колеса цепляются за тротуар, затем одно начинает волочиться. Она пихает его ногой, смотрит на часы и идет домой пешком, а тени начинают сгущаться на границе полудня.

Она просыпается от звуков войны, словно пришествия грозного божества, от грохочущей ярости, заставляющей сердце стучать чаще, не может найти выключатель, рука шарит вслепую, оказывается, выключатель завалился за тумбочку. За окном ничего не видать, только одинокая чайка на краю дымохода переливается в голубоватом свете утра, да моросит дождь. Все собаки в округе заливаются лаем, она закрывает окно, оглядывается на Бена, во сне на его лице играет хитрая улыбка, сжатые кулачки подняты над головой. Айлиш не может найти свой халат и снимает с крючка за дверью халат Ларри, но рука запуталась в рукаве, и у нее никак не получается ее просунуть. Айлиш передвигается по дому, пытаясь заглянуть в будущее, мир разветвляется на невозможные вероятности, ужасные вещи проступают в утреннем свете, который проникает через кухонное окно, два столба черного дыма плывут над южными пригородами, в небе кружит военный вертолет, и она не может сообразить, насколько он далеко, вероятно километрах в трех-четырех. В ожидании новостей она включает радиоприемник и выходит во двор к бельевой веревке, разглядывая деревья в розоватом свете, спрашивая себя, что они могут знать, беседуют ли

между собой, как ощущают воздух и выражают страх через почву, давая другим деревьям понять, что опасность миновала или что звук с небес — предвестие всепоглощающего огня, жующего в пасти древесину. Айлиш бросает белье в корзину, смотрит на свои руки, не понимая, как можно оставаться такой спокойной, открылась еще одна дверь, теперь она это видит, как будто ждала этого всю жизнь, это словно атавизм в ее крови, и она размышляет, сколько людей на протяжении скольких жизней смотрели, как война надвигается на их дом, полагались на судьбу, вступали в молчаливые переговоры, шептали, умоляли, разум способен предугадать любые исходы, кроме призрака, которому нельзя смотреть в лицо. Электричество мигает, свет становится тусклым, и по животу Айлиш пробегает дрожь. Червяк гложет, говорит Бейли, и она наблюдает за его лицом, он слишком высокий для своего возраста, вытянулся буквально за последние недели, перегнав Молли, а над верхней губой залегла тень. Молли не сводит с нее глаз, они ждут, что она скажет, а она не знает, что говорить. Нужно быть готовыми к отключению электричества, а вам завтракать и собираться в школу. В школу, удивляется Бейли, я позавтракаю, но в школу не

пойду, какая школа, когда такое творится, я просто не вижу смысла. Она ставит на стол коробку с хлопьями и включает государственный новостной канал. Правительство издало ряд указов, все школы и вузы закрыты, гражданам велено не покидать своих домов, выходить можно только для того, чтобы купить продукты и лекарства, или для помощи пожилым и больным. Когда она оборачивается, Бейли стоит, уперев руки в боки. Я же говорил, что школы закроют. Сотри эту улыбочку с лица, отвечает она, обойди дом и собери все батарейки и свечи, которые найдешь. Дел невпроворот, ей необходимо покурить и выпить, починить туфли, заполнить несколько медицинских бланков для отца. Она звонит Саймону, дозваниваясь только с четвертого раза. Этот пес совсем взбесился, говорит тот, решил, что на улице Хеллоуин. Папа, спрашивает она, ты видел новости, у тебя все в порядке? Он снова кричит на собаку. Извини, я не расслышал, что ты сказала. Не бери в голову, я отсюда вижу черный дым. Кто-то стучится в дверь, погоди минутку, говорит Саймон. Она слышит, как трубка звякает о пульт, слышит, как открывается и закрывается входная дверь, как Саймон снова рявкает на собаку. Там никого нет, говорит он, чертовы шутники. Пап,

пожалуйста, не выходи из дома и Спенсера не выводи. На линии воцаряется тишина, слышно только рычание Спенсера, словно ему разрешили говорить от имени хозяина. Мне нужен грунт для сада, говорит Саймон, мы не могли бы на неделе за ним съездить? Отключившись, она не двигается с места, разглядывая на ладони беспорядочные отпечатки лун, оставленных ногтем большого пальца. Айлиш поднимается наверх, переодевается в джинсы и черный свитер, сносит Бена вниз и усаживает на стульчик для кормления. Я собираюсь забежать в магазин на углу, как только Бен поест, и мне придется снять деньги в банкомате, осталось кое-что закупить. На лице Молли застыло изумление. Что не так? Оставь Бена здесь, зачем таскать его с собой? Любимая, я же сказала, пока снаружи безопасно, в любом случае я только до угла. Бейли подходит к холодильнику и заглядывает внутрь. Не забудь про молоко, говорит он, старое снова почти закончилось.

Она идет, прислушиваясь к небу, неизвестное смешалось с привычным, повторяющиеся выстрелы и раскаты сменяются странной, разрушенной тишиной. Редкие автомобили и прохожие, колесо из-за неисправного тормозного троса периодически щелкает, интересно, сможет ли она починить коляску, она не замечает, что дождь кончился, пока не опускает зонт перед банкоматом. Банкомат исправен, но нет питания, и на экране трещина, словно кто-то саданул кирпичом. На другой стороне улицы мужчина, прикрыв глаза ладонью, наблюдает за небом: три военных вертолета удаляются в южном направлении, словно медленно распадающийся наконечник стрелы. Ремонтная мастерская закрыта, ставни на овощной лавке опущены, кто-то нацарапал на них синей краской: «ИсТОРиЯ — эТо ЗАКоН СиЛЫ», рядом нарисован кулак. Айлиш идет по дороге в поисках банкомата, вспоминая слова сестры, ее самодовольный голос по телефону: история — это безмолвная летопись людей, которые вовремя не поняли, что пора уносить ноги, утверждение абсолютно ложное, она говорит это Ларри, который сидит за кухонным столом и делает вид, что слушает, а сам играет в телефоне. История — это безмолвная летопись людей, ко-

торые не смогли уехать, летопись тех, у кого не было выбора, вы не можете уехать, если некуда и не на что, если вашим детям не выдают паспорта, если вы выросли в эту землю и уехать означает оторвать себе ноги. На экране банкомата в конце улицы черные полосы, в витрине углового магазина объявление фломастером: хлеба и молока нет, рядом печальный смайл. Полки наполовину пусты, она берет несколько помятых бананов, рулон мусорных пакетов, батарейки, выбирает две шоколадки, показывает на сигареты и хмуро смотрит на лежащие на прилавке товары, пока кассир их пробивает. Простите, сколько, вы сказали, стоят сигареты? Кассир разводит руками и бросает сонный взгляд в сторону двери. А что прикажете делать, все идет с наценкой, еще найдите дешевле. Айлиш охватывает ярость, она выкладывает мусорные пакеты на вчерашнюю газету, не может выбрать между батарейками и шоколадом, убирает в сторону батарейки и спрашивает, сколько будут стоить мусорные пакеты и шоколад без сигарет? Она оставляет сдачу, с губ срываются слова, которые уносят ее к двери. Когда все закончится, ты будешь выглядеть полным засранцем и все узнают, кто ты такой.

Бен хнычет, ему надоело сидеть в коляске, Айлиш сворачивает на Сент-Лоуренс-стрит и видит военный грузовик, перегородивший дорогу, солдат правительственных войск в полном боевом снаряжении, другие солдаты в расстегнутых куртках и черных футболках складывают из мешков с цементом контрольно-пропускной пункт метрах в пятидесяти от ее дома. На углу солдат опускается на колено, поднимая винтовку, второй направляется к ней, выставив вперед руку, ладонь в перчатке велит ей остановиться. Айлиш перестала дышать, как будто эта перчатка давит ей на горло, хочет подать сигнал, но боится шевелить руками. Простите, говорит она, я живу на этой улице, мне нужно домой. Солдат крутит ладонью в воздухе, словно разворачивает машину. Улица перекрыта для пешеходов, говорит он. Внезапно ее восприятие расширяется, Айлиш смотрит солдату в лицо, сердитый изгиб бровей над зелеными глазами, полная амуниция — все говорит об абсолютной власти, и все же она замечает тень сомнения, перед ней мальчик не старше ее сына. Послушайте, говорит она, я живу в сорок седьмом доме, у меня ребенок, которого пора кормить. Она подталкивает коляску к солдату, видит панику в его глазах, он что-то

быстро говорит в микрофон рации, второй солдат приказывает ей остановиться, офицер в черном берете решительно шагает к ним. Простите, говорит она, я просто хочу попасть домой, мой дом там. Не глядя, куда она показывает, офицер требует предъявить удостоверение личности. Оно в кошельке, кошелек в сумочке, только мне нужно снять ее с плеча. Двое гражданских помогают строить блокпост, одного она знает, он из соседнего многоквартирного дома, перебивается случайными заработками, бывший наркоман, во рту почти не осталось зубов, имени она не помнит, в прошлом году Ларри заплатил ему двадцать фунтов за чистку канавы. Ей велят поставить сумку на тротуар и не закрывать, дрожащими руками она расстегивает молнию кошелька и вынимает удостоверение личности. Офицер переводит глаза с ее лица на лицо ее сына. Здесь зона боевых действий, говорит он, у моих людей приказ стрелять, оставайтесь дома до дальнейших распоряжений. Да, разумеется, говорит она и быстро удаляется, успевая заметить, как с грузовика падает мешок с цементом, от удара о землю мешок разрывается, ветер подхватывает и взвихряет цементную пыль, как будто среди солдат возникает дервиш с чужой войны,

глаза закрыты, руки расставлены в стороны.

Война завоевывает пространство, звук стрельбы похож на жужжание дрели, землю трясет от артобстрелов, дом содрогается, дребезжат окна и деревянные полы, Бейли смотрит телевизор, включив звук на полную мощность, а она слушает по радио о перемещениях повстанцев, об осажденных районах на юге города. Какая стоит погода, говорит она, сколько таких дней выпадает в году? Сейчас мы должны попивать в саду лимонад со льдом, Бен — плескаться в бассейне, а Молли с Бейли — сражаться за гамак. Вместо этого она наблюдает за прерывистой колоннадой маслянисто-черного дыма, который поднимается с разных сторон, июльская жара заперта в доме, окна и дверь на веранду открываются только ночью. Она снова пытается дозвониться отцу, но все сети не работают, стационарный телефон отключен, она высчитывает, сколько дней прошло с их последнего разговора, и видит, как он выводит пса на прогулку неизвестно куда. Айлиш стоит в дверях комнаты Молли, которая не встает с постели, почти не ест и избегает смотреть на мать. Прекрати, говорит Айлиш, пожалуйста, сколько можно, бои скоро закончатся. Она слегка приобнимает Молли и тут же отпускает дочь, внимательно всматривается в нее, словно хочет

разглядеть ее разум, который медленно погружается в рассеянность. Электричество начинает мигать, затем в одно мгновение постоянный электрический гул сменяется изначальной тишиной, война упрямо и настойчиво вторгается в мысли. Айлиш говорит себе, что это камешки скатываются по железной крыше, а это в стену вбивают гвоздь, а вот выхлоп старого автомобиля, сигнализация в соседних домах верещит, пока постепенно не замолкает. Бейли поднимается наверх, садится к Молли на кровать, и они смотрят кино по ноутбуку, разделив наушники на двоих, пока она пытается читать роман, внезапный шум снаружи заставляет ее подняться на второй этаж с книгой в руке, она спускает воду в бачке, не воспользовавшись унитазом, и не может вспомнить, где оставила книгу. После обеда сидит у окна спальни в ожидании подробного репортажа по Би-би-си, а Бен дремлет в кроватке. Начинаются новости, и Айлиш в ярости выключает радиоприемник, думая, разве это новости, никакие это не новости, новости — это когда гражданское лицо наблюдает за солдатом из окна собственного дома, солдатом, который развалился на мешке с песком и играет в игрушку на телефоне, штурмовая винтовка прислонена

к мешку, смеющийся рот, обертки от фастфуда и стаканчики из-под кофе разбросаны на асфальте. Это семейная пара пенсионеров с соседней улицы, решивших бежать, их ссора на подъездной дорожке, женщина размахивает руками, вслух рассуждая о том, чего нельзя брать в машину, муж отворачивается от жены, это черная сумка, которую она прижимает к себе, словно ребенка, и то, что внутри этой сумки, и то, что внутри автомобиля, и багажник, не закрывающийся, пока муж не сядет на него сверху. Новости — это ворота на подъездной дорожке, запертые в последний раз, это темный по ночам дом, светофор, неделю горевший красным, пока окончательно не потух, это автомобиль, который не пропустят через блокпост, сжимающийся воздух улиц, магазины, закрытые ставнями, витрины, забитые досками, это собаки, охрипшие от еженощного лая, это старший сын, переставший звонить, потому что это слишком рискованно, и никто не знает, жив он или мертв. Айлиш наблюдает, как офицер едет по улице на кивающей вороной кобыле, судя по лошадиным статям, это фриз, руки всадника спокойно лежат на коленях, блестят черные голенища сапог. Какая безмятежная и царственная у него осанка, настоящий эмиссар силы, солда-

ты на контрольно-пропускном пункте встают, офицер не спешивается, а просто водит в воздухе хлыстиком, словно творит заклинания. Айлиш видит, как лошадь вертит ухом, не поворачивая головы, словно прислушиваясь к чему-то за границами тревожной тишины, шепоту высокого хвойного дерева, солнечному излучению на его иглах, лошадь слышит смерть, которая затаилась по всему городу в ожидании, когда ей позволят обрушиться с небес на землю. Внезапно дом начинает гудеть, загорается ночник на прикроватной тумбочке, Бейли снизу издает радостный вопль, в гостиной включается телевизор. На миг у Айлиш мелькает мысль, что это не война, а просто учения, лошадь совершает плавный разворот, всадник одет не для боя, а для конной прогулки, коричневая кожаная перевязь поперек груди, изумрудно-зеленый галстук, копыта выбивают на тротуаре маршевую дробь. Улыбающийся будда в футболке демонстрирует кулинарные таланты на экране телевизора, часы на микроволновке мигают неоново-зеленым, холодильник успокаивающе гудит. Теперь, когда электричество вернулось, дел невпроворот, и Айлиш загружает белье в стиральную машину, выбирая короткий цикл, ставит на зарядку телефоны и ноутбуки,

а рис и рагу — на разогрев, снова пытается дозвониться до отца, видит, как он ест холодный обед, читает при свече, кричит на собаку. Она зовет Бейли к столу, перекладывает рагу в миску и несет наверх Молли, на лестничной площадке электричество снова мигает и отключается. Со стуком она опускает миску на прикроватную тумбочку, грозно смотрит в лицо, которое от нее отворачивается, вынимает из уха дочери наушник, тянет Молли за руку, заставляя сесть, ставит миску ей на колени. Послушай, говорит она, я принесла тебе обед, я даже не прошу ужинать с нами внизу, просто поешь, пока горячее. Она спускается вниз, Бейли наблюдает за ней через стол, Бен ударяет по подносу с едой, ложка падает на пол. Что нам делать с Молли, спрашивает Бейли. Не знаю, отвечает она, понятия не имею, достань, пожалуйста, чистую ложку из ящика, думаю, твоя сестра больна, у нее депрессия, сейчас очень сложно записаться на прием. Бейли задумчиво надувает губы. Ей просто нужно это выплюнуть, говорит он, только и всего, и тогда все будет хорошо. Что выплюнуть, ложку-то дай. Червяка, отвечает Бейли, я говорю про червяка.

Жара висит в воздухе, разъедает спящий разум, липнет к снам, она на улице, босиком и в ночной рубашке, она должна поговорить с солдатами о своем сыне, стоит перед лошадью в истинных и глубоких цветах ночи, животное тепло греет руку, она узнает запах, но не лошади, а человека, голос принадлежит инспектору Джону Стэмпу, его глаза смотрят на нее сверху вниз. Вы пришли ко мне за правдой, говорит, позвольте я покажу вам правду. Он держит в руках зеркало, но лицо, которое она в нем видит, принадлежит не ей, а какой-то старой карге. Джон Стэмп убирает зеркало, и, когда она снова поднимает глаза, его руки пусты. Нельзя увидеть свое истинное «я», говорит он, ты можешь видеть только то, кем ты не являешься, или то, кем хочешь быть… Лошадь плавно отступает, поднимает голову и ржет, услышав за спиной какой-то стук. Реальность всегда перед тобой, но ты ее не видишь, может быть, дело не в выборе, увидеть реальность означало бы так глубоко закопаться внутрь, что на такой глубине тебе не выжить, если только не сможешь вовремя проснуться… Лошадь кланяется и удаляется, я забыла одеться, говорит она, смотрит вниз на свои босые ноги, мне холодно, нужно вернуться домой… Бейли стоит на пороге спальни и орет,

пытаясь ее разбудить. Я не сплю, кричит она в ответ, слыша свист и сильную вибрацию, взрыв ровняет что-то с землей. Подбираются все ближе, говорит Бейли. Она боится подходить к окну и велит Бейли постоять на пороге. На пустой улице занимается ранний рассвет, на контрольно-пропускном пункте нет никого, не считая юнца, который одиноко стоит на перекрестке и выглядит так, словно ждет команды опустить оружие и идти в школу, рядом тормозит «тойота-лендкрузер». Машина останавливается, из нее выходят двое обвешанных оружием военных, они оставляют дверцы открытыми и окликают юнца. Бейли сидит на отцовской половине кровати и роется в тумбочке. Что это, спрашивает он, показывая туда, где Айлиш не разглядеть. Пожалуйста, положи на место, говорит она, мы должны снести вниз этот матрас. Она снимает одеяло и простыню и, пока они выталкивают матрас на лестницу, тихо разговаривает с Ларри, помнишь, как мы не могли запихнуть его в спальню и как веселились потом, она тянет матрас вниз по лестнице, но Бейли никак не может перетащить его через столбик, у него почти получается, но тут матрас выпрямляется и сбивает со стены фотографию в рамке, та пролетает мимо и приземляется на

пол в прихожей. Айлиш придавило тяжестью, либо Бейли тянет слишком сильно, либо совсем не держит матрас, эй, ты там полегче, говорит она, не то уронишь меня с лестницы. Я тут ни при чем, отвечает Бейли, этот матрас сам себе на уме. Они вносят матрас в гостиную и ставят у окна, завеса черного дыма медленно поднимается над крышами, солдаты и автомобиль исчезли. Что ты задумала, спрашивает Бейли. Я решила, что лучше нам пока пожить внизу, надеюсь, бои не приблизятся, но спать пока будем здесь. Звонит ее телефон, и она бежит наверх. Папа, я так рада тебя слышать, целую вечность не могу до тебя дозвониться, у нас несколько дней перебои с электричеством, а как ты? Я только что был в саду, английский плющ заполонил все вокруг, это от соседа, он всё нарочно, в прошлом году я срезал плети, а плющ снова перелез через стены и крышу сарая и намерен задушить все мои посадки, я и звонил соседу, и стучал ему в дверь, но он не открывает, скажи, куда подевался секатор с длинной ручкой, опять ты взяла его без спроса? Айлиш задерживает дыхание, вызывая в памяти лицо, которое знала всю жизнь, но видит только искаженное отражение на воде. Пап, говорит она, я так волновалась, не знаю, когда я до тебя

доберусь. Обо мне не волнуйся, говорит он, со мной все будет хорошо. О, вспомнила, он у меня в сарае. Что в сарае? Секатор, ты дал его мне, чтобы обрезать фуксию, послушай, ты уверен, что все в порядке, у тебя хватает еды, тебе что-нибудь нужно? Закончив разговор, она замечает на полу фотографию, лежащую тыльной стороной кверху. Поднимает ее и видит маленького Марка с поднятыми вверх большими пальцами, возникающего из жерла водяной горки. Рамка треснула, но стекло осталось целым, и она не может вспомнить, где была сделана фотография. Сен-Жан-де-Мон, произносит она вслух. Что там, спрашивает Бейли из гостиной. Что где, говорит она, глядя ему в лицо и видя Марка, в конце концов, разве они друг на друга не похожи.

Быстрый холодный душ, неизвестно, через сколько дней снова удастся помыться, она велит Молли спускаться, запирает дверь, стиснув зубы, стоит перед холодной струей, становится под воду. Словно во сне, волосы остаются в руках, скользят по ногам, будто некое черное водяное растение, и, выйдя из душа, она выуживает их и смывает в унитаз. Внезапный быстрый обмен пушечными выстрелами, она подходит к окну, пытаясь выглянуть наружу, невозможно понять, далеко или близко, теплая голубизна неба над деревьями, сколько дней прошло с тех пор, как Молли завязала последнюю ленточку, должно быть недели две. Она ловит себя на том, что стоит перед Молли, уперев руки в боки. Я просила тебя спуститься, говорит она. Молли странно смотрит на нее и начинает орать, мы все умрем, мы все умрем. Айлиш выдергивает ее из постели, говоря, что с нее хватит, тащит Молли в ванную, включает душ, раздевает дочь и ставит под холодную воду, худенькое белое тело не сопротивляется, Молли лишь поднимает руку, прикрывая грудь. Ты не умрешь, я просто хочу, чтобы ты спустилась вниз, бои не дойдут до нашего дома. Айлиш заходит в душ, начинает торопливо обтирать Молли мочалкой, опускается на колени, чтобы вымыть

дочери ноги, Молли дрожит, джинсы на коленях и рукава Айлиш промокли насквозь. Ты должна немедленно это прекратить, кого встретит твой отец, когда вернется, дочь, которую помнит, или чужого призрака? Она поднимает глаза и видит рассеянную улыбку дочери. Но папа не вернется, он не вернется, потому что он умер, разве ты не знала, разве они тебе не сказали, странно. Рука замирает, дыхание перехватывает, мочалка выпадает из рук, Айлиш медленно поднимается. Двумя пальцами она берет Молли за подбородок, приподнимая лицо, чтобы лучше видеть глаза, которые косят, избегая ее взгляда. Никогда больше так не говори, даже думать не смей, твой отец не умер, никто никогда такого не говорил, не знаю, кого ты наслушалась, но это неправда, правды не знает никто, ни ты, ни другие, ее просто неоткуда узнать. Все, что таилось внутри ее тела, что было заперто в сердце, выходит наружу через рыдания, руки дочери молотят по воздуху, Айлиш прижимает Молли к себе, шепчет на ухо, гладит по затылку. Мы в тоннеле, пути назад нет, нам придется идти, идти долго, чтобы выйти на свет с другой стороны. Она намыливает волосы Молли, мягко массирует голову, пальцами ощущая, что творится у дочери в голове,

ее мысли о жизни, разум был так переполнен этим миром, но мир ушел, пролился слезами из глаз. Она вытирает Молли желтым полотенцем, затем оборачивает полотенце вокруг дочери и усаживает ее на стул. Помнишь, как ты раньше говорила про хоккей, что не бывает проигрыша, ты либо учишься, либо выигрываешь, так вот сейчас мы учимся, и мне очень нужно, чтобы ты ко мне вернулась, я никогда еще так сильно в тебе не нуждалась. Молли поднимает лицо, пустое, беззащитное, боль ушла, и в необитаемом теле остался только взгляд, только шепот. Но если он не умер, откуда это чувство, почему я чувствую это в груди весь день, и когда сплю, и когда просыпаюсь среди ночи, словно что-то внутри меня умирает, и мне страшно, что это папа, который живет в моем сердце, и больше всего на свете я боюсь, что это чувство умрет навсегда, и я так сильно хочу сохранить папу в сердце, но не знаю как. Айлиш хочет взять Молли за руки, но та отстраняется. Прошлой ночью мне приснилось, что он вернулся, было девять вечера, он просто вошел в дверь, скинул ботинки, надел тапочки, оказывается, все это время он провел на работе, просто не мог найти телефон, все оказалось так просто, он поужинал, сел на диван рядом со мной,

обнял меня, и тут я проснулась. Айлиш гладит Молли по руке, смотрит в ее широко распахнутые глаза, пораженная тяжестью, которая лежит на сердце у дочери, видит, как ее сердечко трепещет в глубине горла. Твой отец всегда рядом с тобой, даже если его нет, в этом смысл твоего сна, он пришел к тебе, чтобы напомнить, что он всегда рядом, потому что живет в твоем сердце, и сейчас он здесь, обнимает тебя и всегда будет здесь, потому что любовь, которую мы получаем в детстве, остается с нами навсегда, а твой отец любит тебя так сильно, что его любовь нельзя ни отнять, ни стереть, пожалуйста, не требуй объяснений, ты просто должна верить, что это правда, потому что это она и есть, таков закон человеческого сердца.

Она выныривает из сна во тьму гостиной, не уверенная, что спала. На телефоне двадцать минут второго, Молли прижимается к ней сбоку, Бейли спит на матрасе рядом, детская кроватка придвинута к стене. Обстрелы продолжались столько дней подряд, что теперь, ночью, когда они прекратились, тело отказывается верить тишине, нервные окончания покалывает, стучит где-то в черепе. Она переворачивается к Молли, вдыхая аромат жасмина, исходящий от ее волос, чувствуя по дыханию дочери, что ее разум успокоился, протянуть руку, выдернуть ужас с корнем, а после приласкать, возвращая разуму прежнюю форму. Что-то всплывает из тьмы сознания, она замирает, отворачивается от Молли, встает и идет на кухню. На небе астрономические сумерки, она наблюдает за деревьями, чьи корни глубоко ушли в землю, думая, что когда-нибудь все наладится и снова будут слышны высокие радостные голоса, шорох ног, ищущих тапочки, шелест велосипедных колес во дворе. Она наблюдает, как вспышка пронзает небо, словно биолюминесцентная рыба рассеянно проплывает в океанской глубине, и снова сталкивается с мыслью, которую оставила в соседней комнате, но мысль последовала за ней на кухню и сейчас стоит перед ней, но Айлиш не

хочет к ней прислушиваться, настойчивая мысль, что ее сын помогает разрушать их жизнь и что он не вернется, пока все вокруг не будет разрушено. Она просыпается посреди канонады, ребенок стоит в кроватке и зовет маму, она берет его на руки, шикает, укачивает, непроизвольно сжимая лопатки, когда взрыв раздается поблизости, дети спят посреди этого грохота, словно опоенные. Рассвет проникает в дом через кухонное окно, освещая детей, спящих на полу, там, где раньше был журнальный столик, теперь он придвинут к стене, и поверх учебников стоят тарелки и чашки от вчерашнего ужина. Слышно, как в наступившем затишье перекликаются мужские голоса, и на миг она воображает, что это разжиревшие мужчины воскресным утром играют в футбол, требуя передачу, но вступает другой голос, и у нее перехватывает дыхание, пока она слушает монотонное бормотание офицера правительственных войск, говорящего в мегафон. Его слышит вся округа, с таким же успехом он мог бы вещать в супермаркете, объявляя о снижении цен на мясо. Мы ищем вас, и когда найдем — установим ваши личности, а установив личности, доберемся и до ваших семей. Разрывается снаряд, морща землю, и голос пропадает. Она приказывает себе

вдохнуть, ложится рядом с Бейли и пытается уснуть, но получается плохо, затем, вероятно, проваливается в дрему, потому что, открыв глаза, видит, что Бейли нет в гостиной, нет его и на кухне, он поднялся наверх и заперся в ванной. Спускайся немедленно, кричит она, сколько раз тебе говорить, чтобы ты не поднимался наверх? С Беном на руках она идет за Бейли, колотит в дверь, открывай немедленно. Слышит, как он пытается спустить воду в унитазе, Бейли отпирает дверь и встречает ее смущенным взглядом, затем указывает на бачок. Не смывается, говорит он, и в кране тоже нет холодной воды. Она смотрит на раковину, словно не верит. Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не поднимался наверх, если приспичит, на кухне стоит ведро. Бейли хмуро отворачивается от нее, словно она в чем-то перед ним провинилась. Незачем так орать, говорит он, я забыл, лучше в крапиву срать садиться, чем на чертовой кухне. Она смотрит, как он спускается по лестнице, ведя рукой по перилам, проверяет кран в раковине, на кухне воды тоже нет, она запаслась водой в пластиковых бутылях, но надолго ее не хватит. Они поджаривают хлеб на газовом камине в гостиной и смотрят мультики на ноутбуке. Бейли разглядывает остывший

тост, который не съела Молли, тянется к нему, и тост исчезает в мгновение ока. Айлиш слушает репортаж по радио, правительственные войска отступают, говорит она, повстанцы продвинулись с южных окраин до самого канала. В полдень Бейли осторожно прикасается пальцем к ее запястью. Ты слышишь, похоже, стрельба стихла. Они едят холодный обед из тунца, оливкового масла и хлеба, не веря тишине, которая продолжается и после полудня, тишина уплотняется, становится тревожно, тишина набирает силу, это тишина перед возобновлением стрельбы, тишина перед тем, как волк, до времени затаившийся, постучит в домик с соломенной крышей. Она велит детям помолчать, прислушиваясь к шуму двигателя на улице, слышны мужские голоса, она откидывает матрас, но из окна ничего не видать, а наверх подниматься не хочется, воздух дрожит, когда она выглядывает из-за шторы в своей спальне и видит двух небритых мужчин рядом с грузовым пикапом «ниссан», который стоит у контрольно-пропускного пункта. Мужчина в импровизированном боевом снаряжении, коричневых беговых кроссовках и с штурмовой винтовкой на груди, кажется, пытается поймать сигнал телефона, другой в футболке, джинсах

и с винтовкой на плече поднимает бейсболку, чтобы почесать затылок. Навострив уши, джек-рассел-терьер наблюдает из окна через дорогу, как на улице появляются четверо вооруженных мужчин с покрытыми пылью и грязью лицами в пестрой смеси гражданской одежды и армейской формы. Они начинают разбирать контрольно-пропускной пункт, оттаскивая мешки с песком к обочине и складывая их штабелями, беззубый бывший торчок снова здесь, предлагает сигареты и помощь в разборке блокпоста, который помогал возводить. Значит, свобода, думает она, но сердце не может освободиться, наблюдая за повстанцами, она не чувствует радости, скорее облегчение, и даже не облегчение, а глубочайший страх, холод, который пронизывает насквозь, мысль, которая окружает все остальные мысли: что, если ее муж и сын не вернутся? Наблюдая за этими мужчинами, как они закуривают и пытаются поймать сигнал, она испытывает отвращение, видя не людей, но тени, бравирующие днем, рожденным из тьмы, смертью положившие смерти конец. Как быстро пропали флаги с окон, не осталось ни одного. Спустя полчаса солдаты уходят, дорога свободна, и люди высыпают из домов. Джерри Бреннан подметает двор, огромный лы-

сеющий мужчина в ярко-розовой футболке стоит рядом с пуделем, задравшим на дерево лапу. Я хочу наружу, говорит Бейли, заметив идущего по улице подростка, хочу выйти и купить мороженого.

Глава 7

7

Бои прокатились по Коннелл-роуд, словно свирепый водный поток, превратив стены и фасады в щебень, корпус мини-автобуса «тойота», сгоревший до костяного цвета, валяется на обочине, словно выброшенный приливом, асфальт в оспинах и комьях грязи. Она рассказывает об этом Ларри, который отказывается верить, биз-

нес-центр у главной дороги так и не перестал дымиться, бетонная крошка лежит на листьях, на испещренных пулевой сыпью кузовах машин с выбитыми стеклами, в воздухе еще висит белая пыль и, кажется, до сих пор оседает на непокоренный платан возле школы, опаленный до половины высоты, словно какой-то вандал пытался его поджечь. Окна вдоль улицы заклеены мусорными пакетами и пленкой, а пожилой мужчина заколачивает фанерой эркерное окно мини-гостиницы, улица выглядит как два места сразу, будто фильм про чужую войну крутят поверх городского пейзажа, летние цвета слились с мельканием пепельных оттенков разрушения. Неизвестно, сколько придется простоять в очереди к цистерне с водой, они стоят вместе с Бейли, наблюдая за людьми, размахивающими канистрами и прочими емкостями, за детьми, играющими в косых лучах закатного солнца. Она говорит, наших пластиковых бутылей недостаточно, нужно найти что-нибудь посерьезнее. Это ложное ощущение мирного города, жужжание газонокосилки как воплощенная мечта о лете, птицы, пирующие в садах, люди вокруг говорят об инфляции, цены взлетели в десять-двадцать раз, в конце улицы есть человек, который за десятку

зарядит ваш телефон от своего генератора, и, когда появляется электричество, боишься включать свет, неизвестно, какой счет тебе потом выставят, если так пойдет и дальше, деньги скоро обесценятся. Мимо проезжает грузовик с повстанцами, она ищет среди них лицо Марка, разглядывает повстанцев, охраняющих цистерну, представляя среди них сына, как он болтает, курит, пялится в телефон, они выглядят довольными собой, недавние служащие всех мастей, студенты, стажеры, безработные, в мгновение ока привыкшие проливать кровь. Бейли хочет знать, почему Марк не звонит, мы должны были получить от него весточку. Она разглядывает лицо сына, замечает, что мягкие волоски над верхней губой начинают густеть, и у нее не хватает духу сказать ему, что их нужно сбрить, не материнское это дело — Ларри или Марк скажут ему потом. Не знаю, отвечает она, я уже ничего не знаю, возможно, мы еще долго о нем не услышим, бои продолжаются в разных частях страны, может быть, звонить на мой номер все еще опасно, мы же не знаем, кто нас прослушивает, будь добр, подставь плечо, мне что-то попало в ботинок. Она опирается на Бейли, стаскивает ботинок, ощупывает носок, это даже не камешек, а его зерно, семечко, медленно

прорастающее в острый камень, она выворачивает носок, стряхивает, проверяет ногу, семечка больше нет, но стоит ей наклониться, и оно снова там, на подушечке стопы.

Город оживает перед ней, пока она крутит педали старого велосипеда Бетти Бреннан, осколки стекла, сверкающие среди обломков, разметало по обочинам. Как быстро появились плакаты на рекламных щитах вдоль автобусных маршрутов, листки, написанные от руки или распечатанные на принтере, фотографии арестованных мужчин и женщин, вы спокойно спите в своей постели, просыпаетесь, а в комнате сотрудники ГСНБ, просят вас одеться, готовы помочь в поисках обуви. Она изучает лица на каждом плакате, шепчет имена, пожалуйста, помогите нам найти брата, вы не видели нашего друга, наша любимая мама исчезла, сын пропал без вести… Над городом висит вертолет, когда она слезает с велосипеда и катит его к отцовскому дому, шепча слова благодарности, все так, как должно быть, входная дверь закрыта, собака внутри, все совсем не так, как она себе представляла. Она распахивает настежь облупившуюся калитку, вкатывает велосипед, бросая взгляд через дорогу и делая вид, что не замечает миссис Талли, которая дежурит у окна, горшечные и висячие цветы на веранде ни живы ни мертвы вот уже двадцать лет. Она стоит перед дверью, когда ее окликают, миссис Талли подошла к калитке и машет рукой. Привет,

Айлиш, я просто хотела узнать, все ли в порядке с твоим отцом, я видела, как на днях он вышел с поводком в руке, но без собаки, просто волоча за собой ошейник. Открыв дверь, она кричит, пап, это я, Айлиш. Вкатывая велосипед, чует запах собаки, но запах сигарет пропал, из кухни гавкает Спенсер. Улыбка на лице мужчины, который входит в гостиную, принадлежит ее отцу, хотя седая борода — кому-то другому. Мне нравится твой новый образ, говорит она, выглядишь очень благородно. А мне вовсе нет, чертова штука, как там ее, отвечает он, показывая на лицо, я не могу ее включить, где ты взяла велосипед? Нужно, чтобы кто-нибудь глянул звездочку, передача соскальзывает, я должна вернуться до комендантского часа, дети остались дома одни, я прошла два повстанческих блокпоста, на третьем мне велели разворачиваться, и тогда я просто их объехала, придумывают правила на ходу, ничем не лучше режима, по району разъезжает фургон с мегафоном, зачитывает длиннющий список ограничений, никому не разрешается выходить после семи вечера. Ты, наверное, хочешь чаю, говорит Саймон, у меня нет молока, электричество то включается, то выключается, но по крайней мере у меня есть газ. По крайней мере у тебя есть вода

в кране, отзывается она и внимательно разглядывает отца, стопки грязной посуды на столе и в раковине, замечает, что он научился обходиться без ножей и вилок, тарелок и чашек, смотрит на его ладони, словно он из них пьет. Зачем ты зажег плиту, на дворе лето, говорит она. На лице отца удивление, затем Саймон переводит взгляд на собаку. Солнце совсем не греет, отвечает он, я чувствую сырость в ногах, знаешь, что учудил на днях этот чертов пес? Убежал от меня в парке, только что был на поводке, и вот его нет, а когда я вернулся домой, сидел в саду в ожидании ужина, думает, тут ему пятизвездочный отель. С грустью и удивлением она наблюдает за отцом, старый командир на посту, не сдающийся разум, храбро взирающий на мир, который расползается перед глазами. Спенсер угрюмо разглядывает их обоих, жмурится и укладывает морду на лапы. У чая привкус плесени, она моет посуду, убирает со стола, через плечо разговаривая с Саймоном. Мне следовало догадаться, что миссис Тафт больше не приходит, сейчас невозможно найти помощницу, ты бы лучше переехал к нам, не пришлось бы ни о чем заботиться, убирать посуду после еды, жил бы в свое удовольствие, пока это не закончится, да и мужчина в доме нам бы не помешал. Она

по-прежнему крадет мои вещи, говорит он. Папа, уборщица не приходила несколько недель, мне действительно нужна твоя помощь, не понимаю, как ты справляешься в одиночку, супермаркеты закрыты, за продуктами приходится стоять в очередях часами, проще жить под одной крышей, я могу вызвать такси, еще остались одно или два, соберем сумку, и сегодня же ты к нам переедешь. А ты ей заплатила, спрашивает он. Кому? Миссис Тафт, ты перестала ей платить, отсюда и проблемы. Папа, конечно, я ей заплатила, ты должен ко мне прислушаться, сейчас трудно передвигаться по городу, дорог нет, везде блокпосты, ситуация постоянно меняется, возможно, я какое-то время не смогу тебя навещать… Я уже сказал, я в полном порядке, верно, Спенсер? В твоем доме я буду только обузой, у меня есть припасы, давай сменим тему, а то ты прямо как твоя мать.

Незнакомая женщина сидит на кухне, Молли вскакивает со стула, пытаясь жестами объяснить, что не виновата, пока Айлиш вкатывает велосипед. Женщина поворачивается и встречает ее серьезным взглядом зеленых глаз. Миссис Стэк, говорит она, мне нужно с вами поговорить. Айлиш оставляет велосипед на заднем дворе, подходит к раковине, моет руки в тазу. Что-то в доме подозрительно тихо, замечает она, оборачиваясь к Молли, твой брат наверху? Бейли вышел час назад, когда я укладывала Бена спать, я не знаю, куда он пошел. Кажется, я велела вам обоим не выходить из дома. Молли пожимает плечами и отводит взгляд, пока Айлиш вытирает руки о джинсы, затем кивком показывает Молли на стеклянную дверь, закрывает за ней и выпрямляет спину. Вы пришли из-за моего сына? Легкая улыбка, красивые руки и ногти, уверенные манеры городской жительницы. Меня прислала ваша сестра. Айне? Я боялась, вы принесли новости о сыне, кофе у меня нет, но могу заварить чай. Она кивает на походную печку с кастрюлькой, незнакомка с улыбкой отказывается. Тень подслушивающей Молли маячит под дверью. Давайте выйдем на воздух, говорит Айлиш, жестом приглашая гостью следовать за

собой. Они выходят под тень деревьев, молодая женщина тянется к ленточке, дотрагивается и отпускает. Здесь нас никто не услышит, говорит Айлиш, вы не назвали вашего имени. Я состою в маленькой организации, вам незачем знать, кто мы такие, нас нанимают люди вроде вашей сестры, живущие за границей, которые могут и хотят помочь своим близким. Молодая женщина окидывает взглядом задние фасады домов, выходящие в сад, лезет в карман пальто, достает большой желтый конверт и пачку свернутых в трубочку банкнот, перехваченных резинкой. Не потеряйте этот документ, это письмо с подписью высокопоставленного чиновника и печатью Министерства юстиции, оно позволит вам беспрепятственно переходить на сторону, занятую правительственными войсками, чтобы купить свежего мяса, овощей, молока для детей, не платя втридорога, послушайте, миссис Стэк, я здесь, потому что ваша сестра поручила нам вытащить отсюда вас, ваших детей и вашего отца, но мы должны спешить. Айлиш смотрит на молодую женщину, но видит Айне в ее доме в Торонто, которая разговаривает с мужем, улаживает вопрос по телефону, она не общалась с сестрой уже несколько недель. Вытащить отсюда? Мне

понадобятся фотографии, личные данные, чтобы подделать паспорта и удостоверения личности, и мы вывезем вас из страны, а ваша сестра организует перевозку в Канаду. Внутри что-то беззвучно ухает на самое дно ее «я», Айлиш отводит взгляд, разглядывая заросшие плющом стены, клумбы, цветы на которых следовало пересадить еще весной, работы в саду невпроворот, закрывает глаза и видит, что все это исчезает, видит время, разевающее темную пасть, и маячащую в пасти чудовищную пропасть. Отсюда, повторяет она шепотом, сжимает в ладони пачку банкнот, затем сует ее в карман джинсов. Да. Такое возможно? Айлиш не может смотреть женщине в лицо. Немного рискованно, но мы занимаемся этим постоянно… Полые глаза в древесной коре наблюдают, смотрят невидящим взглядом, не моргая на ветру, распахнутые навстречу миру, Айлиш смотрит на черные ботильоны гостьи. На это сложно решиться, говорит она, поймите, нет, вряд ли, я этого не хочу. На лице молодой женщины не отражается никаких чувств, она ровно дышит, ясные зеленые глаза изучают Айлиш. Вы так и не назвались. Можете обращаться ко мне Мэйв. Спорим, так зовут вашу мать, Мэйв, неужели моя сестра, не предупредив меня, думает, что я так

вот возьму и уйду отсюда, знаете, что случается с домами, когда их бросают, мой старший сын может вернуться в любую минуту, откроет калитку во двор, скользнет на кухню, словно никогда и не уходил, подойдет к холодильнику, пожалуется, что нет ветчины, подвинет стул, спросит, какие новости об отце, моего мужа забрали, и с тех пор мы ничего о нем не слышали… Летние ночи в саду, тлеющий костер, прогоревший до золы, она закрывает глаза, видя, как Ларри наливает вино в бокал, а когда открывает их, с дерева свисает беда, ленты шевелятся на ветру, словно указующие персты, и шепчут, пора уходить. Молодая женщина поднимает глаза и улыбается. *Prunus avium*, произносит она. Простите? Ваши вишни, дички, моя бабушка была ботаником, и в десять лет я, можно сказать, почти заработала степень по латыни, выглядят старыми, давно их сажали? Думаю, да, они уже не были саженцами, когда мы купили дом, муж считает, их придется спилить, иначе во время урагана они повалятся, а я даже не знаю, лучше подождем, видели бы вы, как они цветут по весне. Миссис Стэк, ваша сестра рассказала мне про вашего мужа, я не знаю, что ответить, не знаю, что вам известно. Гостья хочет продолжить, но поджимает губы, Айлиш молча

наблюдает за ней, слышит, что хотят сказать глаза, но не хочет слушать, глаза ошибаются, откуда глазам знать, они не могут знать, ничего не подтверждено. Миссис Стэк, перед вами стоит трудный выбор, оставить собственный дом — самое тяжелое решение на свете, но мне кажется, вы не в состоянии трезво оценить ситуацию, то, что вот-вот начнется, этот самолет-разведчик над головой, как думаете, что он там делает? Прекращение огня — это ненадолго, повстанцы выдохлись, войска начали их окружать, юг города возьмут в кольцо и превратят в ад, они заставят повстанцев капитулировать, вы будете отрезаны от мира, от припасов, все, о чем я говорю, ни для кого не тайна, вы должны подумать о детях, о престарелом отце, который нуждается в медицинском уходе… Об отце? Айлиш срывает лист и скатывает в кашицу. Моей сестре почти никогда не было дела до отца, все, что ему нужно, — жить в собственном доме, в окружении воспоминаний, иметь возможность дотянуться до прошлого, скоро у него не останется ничего, кроме теней, смутного сна об этом мире, отправить его в изгнание значит обречь, по сути, на небытие, я не могу этого допустить. Миссис Стэк, я все понимаю, но вынуждена напомнить, что ваша сестра запла-

тила кучу денег. Я в этом не сомневаюсь, вы не похожи на торговку людьми. Миссис Стэк, я учусь на врача, вернее, училась, а сейчас занимаюсь этим, пока не смогу продолжить образование, все стоит денег, нужно подделать паспорта и прочие документы, заплатить взятки, транзитные сборы, это рискованное дело, я верю, что вы передумаете, но нам действительно следует поторопиться, дня через три-четыре я пришлю к вам молодого человека, вот список того, что вы должны будете ему передать, а пока можете воспользоваться письмом, чтобы пополнить припасы, у вас теперь достаточно денег, инфляция вам нипочем, канадский доллар стоит высоко. Бейли подошел к окну, и на мгновение она видит Марка в его годы, то, что не заметно в обычное время, но внезапно проявляется при случайном повороте головы или взгляде, открывающем другое лицо. Айлиш смотрит в землю, качая головой. Передайте моей сестре, что я очень благодарна за деньги, действительно благодарна, и надеюсь сама ей об этом сказать, все страшно подорожало, и что я верну деньги, когда смогу. Она смотрит, как гостья выходит на улицу, и запирает за ней входную дверь. Перепачканный Бейли стоит на кухне, сжимая в руках две прямоугольные

грязно-белые канистры. Он с улыбкой ставит канистры на пол, отказываясь отвечать, где их взял. Внутри канистры воняют плесенью, и Айлиш собирается промыть их кипятком, взяв воду из цистерны, она смотрит на Бейли с гордостью и облегчением, а затем внезапно набрасывается на сына. Разве я воспитывала тебя вором? Его потемневшие от обиды глаза сужаются, словно он хочет уменьшить ее. Почему ты не радуешься, спрашивает он, ты никогда ничему не рада, ты же не ждешь, что я верну их обратно? И снова лицо перед ней меняется, теперь это лицо Ларри, Ларри хмурится и отворачивается.

Они сплелись между сном и бодрствованием, ее рука обнимает его за талию, Ларри просыпается, что-то шепчет и, когда она открывает глаза, стоит у постели, тихо качая головой, а в глазах застыла печаль. Почему ты качаешь головой, спрашивает она, глядя, как он идет к двери, свет из прихожей падает ему на лицо, и она будто не узнает его, это и Ларри, и кто-то другой, опустошенный возрастом и горем, а когда она снова смотрит на дверь, его уже нет. Она просыпается, вялая и потерянная, думая о том, что хотела ему сказать, как ты смеешь являться ко мне во сне, словно ты мертв. Она плачет, когда заходит на кухню, достает стакан из раковины и по привычке открывает пустой кран. Каким чужим и все же знакомым кажется мир в синеватых рассветных тенях, дождь шепчет в кронах, древний дождь говорит с местом, где капал всегда, вишни, уходящие в землю корнями, полоски света — ленточки за каждую неделю, что его с ними нет. Янтарный свет заполняет окно спальни в доме напротив, она наблюдает, как свет перемещается в ванную, кто-то встал, как будто ему на работу, вы идете в ванную, брызгаете водой на лицо, чистите зубы, варите кофе, расталкиваете детей, собираете их в школу, так и живем. Когда дети просыпаются,

Айлиш говорит, что нужно продолжать занятия, школы скоро откроются, нельзя отставать. Молли нравится заниматься в одиночку, зато Бейли приходится заставлять, она сидит над ним некоторое время, потом говорит, что должна пройти через блокпост за припасами. Подгузники, говорит Бейли, не забудь подгузники и детские влажные салфетки, туалетную бумагу и шоколад, а еще батарейки в фонаре скоро совсем разрядятся. Она идет к блокпосту в районе Долфинс-Барн, вереница двухэтажных автобусов припаркована вдоль канала, прикрывая повстанцев от снайперского огня. Стоит в очереди перед Камак-бридж, наблюдая, как люди перемещаются взад-вперед по ничейной земле с тачками, тележками и чемоданами, повстанцы требуют у возвращающихся с той стороны предъявлять товар, все должно быть распаковано, и пожилая женщина с иссиня-черными волосами вскидывает руки и начинает орать на повстанцев, не выпуская сумку из рук, пока один из них не выдергивает сумку, и оттуда выскакивает взъерошенная курица, и женщина устремляется вслед за ней по дороге. Айлиш подносит удостоверение к глазам за стеклами солнцезащитных очков, равнодушный голос спрашивает, зачем она переходит мост, над голо-

вой гул военного самолета. На светофоре висит объявление, предупреждающее о снайперах, и она спешит пересечь мост, вглядываясь в окна многоэтажки, наблюдающей за происходящим с дальнего перекрестка, это чувство, будто стоишь перед кем-то, наделенным властью казнить и миловать. Женщина постарше, запыхавшись, подходит к ней и начинает говорить хриплым голосом, словно обращается к старой знакомой. Слава богу, сегодня тихо, у меня мать в многоэтажке Оливер-Бонд-Флэтс, боится выходить на улицу, храни ее Господь, всю неделю такая давка, слишком много людей, а у вас кто? Даже не взглянув на нее, Айлиш всматривается в правительственный блокпост в двухстах метрах за мостом, бетонные блоки, мешки с песком, низко висящий национальный флаг на шесте, она видит велосипедиста, который, пригнув голову, огибает одинокий ботинок, похожий на вишневые сапожки, хранящиеся у Айлиш в шкафу и ни разу не надетые, молодая женщина толкает коляску с мешком риса, пожилая с распухшими лодыжками тянет клетчатую тележку, старик опирается на палочку, впереди семенит

охотничья собака-лёрчер[3] без поводка. Айлиш проходит мимо слетевшего с чьей-то ноги вишневого ботинка на дюймовом каблуке и видит, что молния осталась нерасстегнутой.

[3] Примечания: 3

Лёрчер — помесь борзой с другими породами (шотландский колли, шелти, бордер-колли и т. п.), также известная как «браконьерская собака».

В гостиной Саймон ругает телевизор, пока она выкладывает на кухонный стол припасы из рюкзака, затем встает перед ним, уперев руки в боки. Давай побрею тебе бороду, говорит она, если хочешь, прямо здесь. Айлиш поднимается наверх за полотенцем, открывает шкафчик в ванной, находит баллончик с пеной для бритья, пластмассовую синюю бритву и недокуренную пачку сигарет, которую сует в карман. Саймон ждет на стуле, разложив руки на коленях, растопырив пальцы, заросшие темной пляжной травой, шумно выдыхает, когда она поднимает его подбородок и изучает лицо, две поляны, покрытые снегом, выпавшим на древнюю землю, ей еще не приходилось брить мужчину. Это долго не продлится, говорит он, это прекращение огня, ты слышала новости, лгут на каждом шагу, держат нас за дураков, сегодня говорят, что за сутки повстанцы нарушили режим прекращения огня двадцать восемь раз, множество снарядов и мин выпущено по нашим позициям, ля-ля-ля, но ты же сама слышишь, повстанцы молчат уже несколько дней, не считая редких выстрелов из винтовок, помяни мое слово, режим готов атаковать… Папа, говорит она, придерживая его челюсть рукой, если не будешь сидеть тихо, у ме-

ня ничего не получится, не будут они нарушать режим прекращения огня, побоятся санкций, все хотят, чтобы это поскорее закончилось. Борода сражается с бритвой, дорожка гладкой кожи растет с бесконечно малой скоростью. Тот высокий парень, что заходил вчера, хорошенько порылся там, наверху. Бритва замирает у нее в руке, она кладет ее в миску с водой и берет отца за руку. Что за парень, пап? Сама знаешь. Саймон недобро косится на нее, словно Айлиш в чем-то провинилась. Папа, почем мне знать, о ком ты говоришь? Высокий парень, один из твоих. Моих? Один из твоих внуков, что ли? Это вряд ли. Да, говорит Саймон, это он и заходил около трех. И что ему было нужно наверху? Она смотрит, как Саймон закрывает глаза, ее взгляд проникает сквозь полупрозрачную кожу век, в его разум, она вытряхнет правду из его черепа, заставит отца вспомнить. Айлиш опускает бритву в воду, с силой проводит лезвием по лицу, рука Саймона протестующе поднимается, капля крови катится по подбородку. Ты говоришь о Марке, спрашивает она, ее голос срывается, Айлиш невидящим взглядом обводит комнату, останавливаясь на стульях вокруг стола. И как ты понял, что это Марк, постой, сейчас достану салфетку. А кто

еще это мог быть, отвечает Саймон, я спросил, ты один из сыновей Айлиш, он ответил, что да, потом вошел и сказал, что хочет помочь. Хочет помочь, повторяет она, помочь с чем? Не знаю, с тем или с этим, сказал, что хочет помочь с садом. Она выходит на кухню, набирает пригоршню холодной воды, подносит ее к лицу, стоит у двери на веранду, разглядывает подстриженную живую изгородь, недавно прополотые клумбы, видит Марка, как прошлым летом тот стоял в саду в рабочей одежде. Приклеив клочок салфетки к отцовскому лицу, продолжает брить вокруг полуулыбки, и он закрывает глаза. Она что-то ему говорит, замечает, что он уснул, под ее рукой гладкий подбородок, она вытирает полотенцем розовую кожу. Айлиш выходит в коридор, снимает с вешалки его пальто, расстегивает у ворота, возвращается в гостиную, садится в материнское кресло, достает из кармана белый ярлычок, на котором написаны его имя, адрес и номер ее телефона, и пришивает ярлычок к лацкану. Прислушивается к пустому дому, различая голоса наверху, мать зовет их обедать, шаги гремят по лестнице, огонь тикает, будто обезумевшие часы, будто разговаривает со временем, поленья выплевывают время, запасенное в дровах, Айлиш

размышляет, что время одновременно сложение и вычитание, время прибавляет следующий день, отнимая от того, что осталось, спящий медленно дышит. Это тело дышит разумом, это сердце будет биться в груди мужчины до тех пор, пока он не потерпит окончательное поражение, и она ловит себя на том, что тянется к его руке, шепчет, ты у меня лучший на свете.

Тихо ступая, она подходит к передней двери, открыв ее, выдвигает и фиксирует задвижку, уже на крыльце зажигает сигарету. Сумерки переходят в ночь, легкий дождь пятнает дорожку, по улице, игнорируя комендантский час, движется фигура. Она видит сгорбленную спину подростка, оба одновременно затягиваются, подросток прикрывает сигарету ладонью. Он проходит мимо, но спустя мгновение она слышит, как из-за угла выезжает джип, она вжимается в стену, видит на переднем сиденье двух патрульных повстанцев, наблюдает, как мигающие подфарники отражаются в соседских окнах, когда автомобиль тормозит. Айлиш идет к калитке, шепотом приказывая мальчишке бежать, однако он оборачивается лицом к джипу, двое мужчин окружают его, он пожимает плечами, повстанец хватает его за руку, разворачивает и толкает к машине, чтобы надеть наручники. Закатав рукава, Айлиш выскакивает за калитку с криком, что вы делаете с моим сыном? Ей удается застать их врасплох, руки, державшие подростка, разжимаются, повстанец разворачивается, встречая ее взглядом, который она не может прочесть в темноте. Теперь она не какая-то прохожая тетка с улицы, Айлиш обретает ту ипостась, в которой она совершенна,

меч в устах, этот мальчишка — ее сын, она хватает его за рукав и встряхивает, я же велела тебе не выходить на улицу во время комендантского часа, а ну марш домой. Она встала между подростком и двумя мужчинами и теперь подталкивает его в спину, раскинув руки и заслоняя пути к отступлению. Мне очень жаль, я знаю, что сейчас комендантский час, но у моего малыша режутся зубки, за всеми не уследишь, а этот решил, что может шляться по улицам, когда ему вздумается, обещаю, больше такое не повторится. Фальшивое спокойствие улицы, ледяной изучающий взгляд, потрескивание рации в джипе. Боясь, что подросток пройдет мимо, она оборачивается и кричит, подожди меня внутри. Патрульные больше не видят его, и она складывает руки на груди, один из повстанцев откашливается и говорит с мягким городским акцентом. Считайте, что вам повезло, если я еще раз увижу вашего сына на улице, я его заберу, вам ясно? Она встречает его взгляд с кислой миной. Вы спрашиваете, ясно ли мне, да, ясно, вы тоже кое-что для себя уясните, мой старший сын ушел из дома, чтобы бороться с властью, а я стою посреди улицы, и вы мне угрожаете, мы хотели падения режима, но нам не нужна все та же старая дрянь в новом коленкоре, больше

мне нечего вам сказать. Она идет по улице, прислушиваясь к работающему на холостом ходу двигателю, наверняка патрульные наблюдают, как она берет подростка за локоть и заводит в дом. Входная дверь за ними захлопывается, и она толкает подростка на кухню, Молли и Бейли отрываются от компьютеров, они хотят знать, что происходит. Она велит подростку сесть на стул, он и вправду совсем юнец, нахохлившийся и дерганый, словно его собираются бить. Теперь она видит, что он не может быть ее сыном, бегающие глаза, грубые манеры юнца из многоэтажки, она выходит в гостиную и разглядывает улицу сквозь жалюзи. Посиди тут немного, прежде чем уйти, они сделают еще круг. Что-то неприятное проступает в лице юнца, он подходит к раковине, плюет в нее и с обиженным видом разворачивается. Зачем вы влезли, тетя, говорит он, я собирался от них удрать.

Грохот взрывов, когда она чистит зубы на кухне, шок от каждой детонации, раскалывающей ночную тишину, рука скользит к сердцу, сжимаясь в кулак. Опустив глаза, она видит в раковине зубную щетку, видит, как надежда ускользает из рук, надежда, которую дурак, заблудившийся в необъятной пустоте, пытается удержать, словно воду в ладонях, она чувствует, что Бейли подошел к стеклянной двери у нее за спиной. Последний снаряд был реактивным, говорит он, и она оборачивается, слыша в его голосе удовлетворение от собственной осведомленности, видя его безголовым в темноте, одна футболка, и длинные белые ноги торчат их трусов. Откуда ты знаешь, спрашивает она, тряся головой, и снова отворачивается к окну, церковный колокол отбивает час в синеватой летней тьме, за ним еле слышен другой колокол, бьющий вне времени, словно эхо первого, и снова глухой грохот нового взрыва. Эта ярость, которую она не может выжать из стиснутых рук, эта тоска, охватывающая ее, когда она закрывает окно и возвращается в гостиную, тяжесть, которая так сдавила грудь, что Айлиш с трудом передвигает ноги, она опирается на стол рукой, закрывает глаза, делает глубокий вдох, у нее замерзли ноги, и она не

помнит, где оставила тапочки, только что были здесь. Тапочки прячутся под одеялом, а снаряды все продолжают падать на город с медленным, ровным боем военного барабана. Она говорит детям, что бояться нечего, что режим стреляет по позициям повстанцев, и сама в это не верит. Всякий раз, когда рвется снаряд, Молли издает странный горловой звук. Бен проснулся и хочет выбраться из кроватки. Айлиш включает радиоприемник и ждет международных новостей, но в новостях нет ничего о том, что у них творится. Она говорит детям, что скоро все закончится, ничто не может продолжаться вечно, утром я перейду через блокпост на правительственную сторону и куплю еды, может быть, сумею раздобыть немного шоколада. Еще один взрыв, теперь ближе, и Молли снова издает горлом звук, на сей раз протяжнее, словно вступительная нота древнего сурового плача, она ищет материнскую руку под одеялом, и Айлиш сжимает руку дочери, сознавая, что *лжет* своим детям, *лжет*, потому что ей нечего им предложить, ни утешения, ни помощи, только ложь, недомолвки и отвлекающие байки, она рассказывает им истории из своего детства, которые они слышали не раз, о том, как ее сестра свалилась с дерева, но сломала

не спину, а задницу, и ей пришлось несколько недель сидеть на резиновом кольце, о том, как их беременную прабабушку ударило молнией и швырнуло через весь двор, но она осталась невредимой, зато дедушка родился со шрамом за ухом. В два часа ночи обстрел попадает в международные новости, правительственные войска начали стратегическое наступление на позиции повстанцев, наступление на сон, на святилище ночи, хочется закрыть глаза и найти дверь в утро, но вместо этого перед ней могильная тьма, она видит, что ночь погребла их под собой и дом рушится им на головы. Раздается равномерный треск, который не прекращается ни на минуту, правая рука Айлиш начинает дрожать, она держит ее левой, прячет под одеялом, видя перед собой лица мужчин, обстреливающих из минометов и ракетных установок их дома, понимающих, что шлют смерть на головы друзей и родных, видя мужчин, которых не раз встречала на улице. Бен снова просыпается с криком и не унимается, его сердитое дыхание у нее на руке, когда она засовывает палец ему в рот, нащупывая десну, у страдальца шатается зуб, но у нее нет обезболивающего. Большим пальцем Айлиш обводит его подбородок, спрашивая себя, что́ ребенок его

возраста знает о мире, запах страха на ее теле, малыш растет с этим запахом, от которого нельзя избавиться, который нельзя заглушить, ребенок впитывает материнскую травму и хранит в своем теле на будущее, а когда взрослеет, выплескивает на окружающих ужас и слепую тревогу, и сейчас Айлиш держит на руках раненого мужчину. Ровный бой военного барабана, ровная череда взрывов, на некоторое время артобстрел удаляется, словно грозовая туча уходит в море, по радио никаких новостей, и она выключает приемник. Молли и Бейли спят, сирены во тьме и лай собак, Бен вздрагивает, как будто, чтобы заснуть, ему нужно сбросить ее страх. Айлиш закрывает глаза и видит отца, одного в пустом доме, пес скребется в стеклянную дверь, отец лежит под лестницей, спит с открытым ртом, он врос в землю, словно скала, Айлиш видит, что земли, моря, гор и озер больше нет, мир превратился в зияющую тьму, есть только смерть, которая спускается с небес, смерть, которая хочет взорвать сон, и поэтому Айлиш боится закрывать глаза.

Она не знает, в котором часу снаряды начинают свистеть над головой, она спала с открытыми ушами, два снаряда падают так близко, что дом сотрясается и что-то падает на пол. Звериный вопль вырывается из ее горла, Молли с криком подскакивает на матрасе. Айлиш не может найти фонарик, Молли зарыла его под одеялом, и, когда они находят фонарик и Айлиш включает его, они видят осыпавшуюся перед камином штукатурку с потолка. Бейли вырвало на пол. Не знаю, что со мной, говорит он, подхватил инфекцию или отравился. Луч фонарика дрожит в ее руке, когда она идет за дезинфицирующим средством и тряпкой на кухню, где ненадолго задерживается у окна, глядя на столбы белого дыма. Нельзя тратить воду впустую, она ставит таз рядом с Бейли и велит блевать туда, жестко скребет доски, затем возвращается на кухню и видит, что рука перестала дрожать. Она вытягивает пальцы, дает руке отдохнуть, взрыв возвращает дрожь, Айлиш сметает с пола в гостиной штукатурку, принимается мыть столешницу, пространство вокруг раковины, подоконник за раковиной, зону разбрызгивания вокруг плиты, близкий взрыв сотрясает землю, и ей приходится ухватиться за раковину обеими руками, продолжая думать о

копоти на вытяжке, которую непременно нужно отскрести, слишком долго она откладывала уборку на потом, грязь расползается по столешнице, застревая за микроволновкой, остатки пищи завалились в выдвижные ящики и лежат под вилками и ножами, крошки из хлебницы, тостер, который переносят с места на место, отрезаешь кусок хлеба, и полбуханки оказывается на полу, крошки закатываются под чайник, в ящик для столовых приборов, который только что вымыли. Мам, что ты тут делаешь, Бейли снова тошнит. Она хватает дочь за руку, трясет ее вверх-вниз, но Айлиш снова стала собой. Когда станет посветлее, говорит она, нужно заклеить окна скотчем, чтобы не вылетели, который сейчас час, будем надеяться, Бен не проснется.

Айлиш стоит перед зеркалом в прихожей, пальцы теребят пуговицы пальто. Она уже несколько дней не причесывалась, поэтому распускает волосы и проводит по ним пальцами. Эта дрожь в правой руке, словно что-то забралось под кожу и питается сухожилиями и костями, она берет расческу, кладет обратно и затягивает волосы. Поднимает телефонную трубку, надеясь услышать гудок, выходит на улицу, смотрит на небо, пытаясь угадать источник стелющегося дыма, воют сирены. Джерри Бреннан кладет пакет на гору мусора, чернеющую и набухающую вдоль дорожки. Крысы, говорит он, указывая на улицу, размером с кошек, я никогда еще не жил в такой грязи. Айлиш не знает, что ответить, ее больше не волнуют мусорные баки, за последние пять дней и ночей она спала от силы час, это ощущение в теле, что все изменилось безвозвратно, глубокий черный страх, живущий в крови, ощущение безвыходности. Джерри Бреннан взмахивает рукой, хочет что-то сказать, но тут они одновременно задирают головы, гулкое эхо военного самолета, который уже пролетел, раскатывается по небу, словно по пещере, затем взрыв в нескольких километрах. Семь утра, говорит он, по ним можно часы проверять, их не слышно, пока не начнут

бомбить или уже не отбомбились. Она разглядывает небритое лицо Джерри Бреннана, видит его перед зеркалом с бритвой в руке, и так каждый день последние пятьдесят лет, а сейчас его щеки словно обсыпаны солью, вместо рубашки и галстука на нем грязный жилет, из которого выглядывают тощие руки и цыплячьи локти. Тебе что-нибудь нужно, Джерри, спрашивает она, я собираюсь сходить на ту сторону, могу оставить в сумке свободное место. Он не отвечает, потерянно уставившись на Айлиш, пока она разглядывает палисадник у него за спиной, понимая, что Джерри совершенно выбит из колеи, она видит, как он выбирал горшечные растения, намереваясь на пенсии поливать их из шланга, видит сорняки в трещинах тротуара, склоняющиеся перед его мотыгой, и как он решил, что остаток его дней сложится из одних пустяковых задач, садовые шлепанцы поверх носков, на пятках дырки, и как Джерри потирает обвисшую кожу на локтях, стоя между высокими грядками на заднем дворе, где растут пупырчатая капуста, среднеспелая морковь, свекла и турнепс на зиму, и как бегает взад-вперед по первому зову жены. А теперь Джерри свирепым взглядом обшаривает улицу в поисках крыс. Ясно как день, что они замышляют,

говорит он, хотят вывести нас, как паразитов, вот что они задумали, истребить нас, как крыс, вопрос времени, ты знаешь, я когда-то работал в архитектурном бюро, и поверь мне, в этом городе конечное число дорог и зданий, забросай его снарядами, и через некоторое время ты разнесешь каждую дорогу, проделаешь дыру в каждой многоэтажке, магазине или доме, а потом продолжай бомбить день за днем, пока не снесешь все до основания, но не останавливайся, пока не сотрешь в пыль кирпичную кладку, и тогда останутся только люди, которые отказываются уходить. Он отворачивается, бросая безумный взгляд в небо. Почему мы должны уходить, скажи мне, они не выкурят нас отсюда, а если придется, мы залезем под землю, я собственноручно выкопаю яму в своем гребаном саду, если всю жизнь прожил на одном месте, тебе просто не приходит в голову, что можно жить где-то еще, это, как ее, нейрология, это встроено в мозг, мы просто закопаемся в землю, вот что мы сделаем, а что нам еще остается, в любом случае идти мне некуда, они вынесут меня отсюда только вперед ногами. Айлиш не знает, что делать с лицом, и отворачивается, ковыряя бетон носком ботинка. Еще раз поблагодари Бетти за то, что одолжила

мне велосипед, передачи по-прежнему соскальзывают, и я позволила сыну повозиться, но стало только хуже. Это старый велосипед, там могут быть деформированы зубья на задней звездочке, покажи его Пэдди Дейви, у него мастерская на Эммет-роуд рядом с кафешкой, я всегда чинил у него велосипеды наших детей, передай от меня привет, он с тебя много не возьмет.

В полусне она бормочет Ларри, чтобы тот ответил, рука придавлена весом тела, и, когда Айлиш наконец просыпается, слышит в прихожей телефонный звонок, неподалеку воют сирены, Молли спит на ее руке. Айлиш спешит в прихожую, думая, что скоро рассветет, по пути беседуя с Марком, черт возьми, меня не удивляет, что ты забыл мой номер, кто сейчас помнит номера мобильных, но уж домашний-то номер ты мог вспомнить, я с детства тебе все уши прожужжала… Она узнает отца по манере откашливаться, характерный вдох, затем голос начинает дрожать. Ты меня слышишь, она ушла, слышишь, я спал — проснулся, а ее нет. Папа, говорит она, который сейчас час, городские телефоны не работали несколько дней, ты говоришь о собаке? Ты должна меня выслушать, я говорю о твоей матери, я обошел весь дом, но ее нигде нет, забрала все свои вещи, ее шкаф пуст. Мне следовало догадаться, что рано или поздно это случится, я должен был знать, что она уйдет от меня. Высокий голос падает до шепота, а потом ему становится трудно дышать. Я задыхаюсь, говорит он, я не могу вдохнуть… О господи, папа, пожалуйста, давай вызовем врача. Нет, говорит он, оставь меня в покое, эта женщина хочет

моей смерти. Айлиш давит на веки большим и указательным пальцами, сжимает переносицу, что она может сказать мужчине, который грезит наяву, как сообщить ему о кончине жены, если он не помнит, что она умерла. Дрожь проходит по ее телу, она поднимает глаза, видит в дверях Молли и жестом велит ей возвращаться в гостиную. Сквозь черный и пыльный телефонный провод она пытается разглядеть отцовское лицо, хочет обнять его, видит, как он стоит в прихожей без халата и тапочек, а свет горит во всем доме. Она велит ему глубоко вдохнуть, открывает глаза и видит два бледных настороженных лица, наблюдающих из-за двери. Папа, говорит она теперь уже шепотом, поворачиваясь к детям спиной. Папочка, ты должен меня выслушать, пожалуйста, вдохни глубоко и слушай, мама никуда не ушла, она скоро вернется, она просто… Ты лжешь мне, говорит он, ты вечно мне лжешь, я знал, что без тебя не обойдется, ты всегда принимаешь ее сторону, таскаешься за ней, как собачонка, без вас в этом доме стало легче дышать. Она слышит, как он с шумом втягивает воздух, затем всхлипывает. Я не могу дышать, говорит он. Папа, папочка, все будет хорошо… Я должен был знать, что это случится, должен, но я закрывал

глаза, ты же знаешь, как я любил ее, я все еще ее люблю, скажи мне, куда делась наша любовь, я не могу вспомнить, когда все пошло прахом, куда уходит любовь, ведь совсем недавно она билась в наших руках. Айлиш ошеломлена, она шепчет, извивается под кожей, дергает себя за волосы. Папа, пожалуйста, выслушай меня, ты все неправильно понял, я приду утром, как только рассветет, как только смогу. Нет, отвечает он, я не хочу, чтобы ты приходила, мне твоя доброта ни к чему, только не сейчас, твоя мать меня бросила, бросила всех нас, в этом вся она, дай мне побыть одному. Она слышит в трубке шуршание, как будто он прикрывает ее рукой. Пап, я не слышу тебя, что ты сказал? Она яростно машет детям, чтобы закрыли дверь. О, моя дорогая, что я наделал, я не слушал, я никого не слушал, я должен пойти и разыскать ее, я знаю, куда она ушла, если выйду прямо сейчас, я еще успею ее остановить… Папа, пожалуйста, выслушай меня внимательно, ты не должен выходить из дома, еще только пять утра, город обстреливают, а через два часа начнутся авианалеты, пожалуйста, оставайся на месте, я найду способ до тебя добраться и вызову доктора. Айлиш слышит, как трубку кладут на рычаг, и ей остается в тишине выкрикивать отцовское имя.

Она набирает номер миссис Талли, хочет попросить ее проведать отца, но телефон не отвечает. Автоответчик в приемной врача выдает информацию о часах работы и переключает на другое сообщение, запрашиваемая вами услуга больше недоступна, дежурный врач покинул страну вместе с семьей и вряд ли вернется, он забрал с собой своих родителей, если ваш случай не терпит отлагательства, обращайтесь в ближайшее отделение неотложной помощи. Паника на лице Молли, когда Айлиш говорит детям, что ей придется пересечь город, Молли идет вслед за ней в прихожую, Айлиш тянется за плащом, оборачивается и видит, что Молли стоит перед дверью, скрестив на груди руки. Мама, ты не должна выходить на улицу, когда там такое, неужели ты не можешь просто подождать, с дедушкой все будет в порядке, он снова уснет и потом не вспомнит, что было, сейчас он сидит на кухне и бурчит над старой газетой, пьет чай с прокисшим молоком, очки висят на груди, а он не может их найти, ты же его знаешь. Айлиш смотрит Молли в лицо, на мгновение поверив, что ее слова правда, видит, как ладонь дочери сжимает ее запястье, Молли шепотом умоляет ее не ходить. Ладно, говорит Айлиш, надеюсь, ты права, подожду, пока не раз-

виднеется, кажется, обстрелы и правда стихают после обеда. Это ощущение, словно ты входишь в темную комнату и за тобой закрывается дверь, обстрелы и авиаудары не прекращаются ни на минуту, и день ускользает из рук, а вечер сменяется ночью. Они едят холодный ужин, Айлиш слушает Би-би-си, несмотря на возмущение международного сообщества, правительственные войска усилили обстрелы, переключается на правительственное радио, режим уверяет, что бомбит террористов. Она выключает радио, но ей не спится, разная ложь вращается в голове по кругу, ее будит Бен, который наконец-то заснул, сжимая ладонями ее лицо. Утром она с решительным видом стоит перед детьми, продевает руки в рукава плаща, тон торжественен и серьезен. Я больше не выдержу, говорит она, я должна идти прямо сейчас, вернусь, как смогу.

Птицы всегда будут населять землю, птицы приветствуют рассвет в проломах и среди разбитых деревьев, пока она катит по городу на велосипеде. Просветы возникли там, где их раньше не было, здания превратились в руины, везде торчат одинокие стены и дымоходы, лестница завершается внезапным обрывом. Айлиш прокалывает заднюю шину и, спрятав велосипед за стеной школы, вынуждена продолжить путь пешком, на юго-востоке города гремит канонада и все затянуто серой дымкой, слышны спорадические ружейные выстрелы, она шепотом беседует с Ларри, граница между правительственными войсками и повстанцами размылась, возможно, ее больше нет. Она торопится миновать тихие жилые районы, клубится пыль, блокпосты повстанцев заброшены, дети жгут покрышки в мусорных баках, поднимающийся черный дым ослепляет военные самолеты. Улицы, окружающие отцовский дом, безмолвны, редко проедет автомобиль. Спенсер сидит на коврике перед входной дверью, она окликает его, и пес начинает носиться кругами в ожидании, что она впустит его внутрь, потом замирает, когда Айлиш барабанит костяшками по его черепу. Что ты здесь делаешь один? Она стучится, прислушивается,

отпирает дверь своим ключом, цилиндр замка провернут на два оборота, вступает в прихожую и понимает, что дом пуст, его пальто исчезло с вешалки, свет везде выключен, трубка беспроводного телефона лежит на зарядном устройстве. Шторы в спальне Саймона раздвинуты, кровать кое-как застелена, тапочки стоят перед шкафом. Она отправляет собаку в сад, снимает трубку, линия отключена. Прикрывает входную дверь, проходит до конца улицы, затем привычным отцовским маршрутом в сторону парка, все местные лавки закрыты ставнями, останавливает каждого встречного, но никто не видел мужчину, которого она описывает, а нетрезвый юнец на велосипеде просто смеется ей в лицо. У миссис Талли ставни опущены, дом заперт, растения сохнут на веранде. Гас Карберри не спешит открывать, затем, опершись о косяк старческой рукой и выставив наружу седые усы, оглядывает улицу, качая головой. Она переходит улицу к миссис Гаффни, которая приглашает ее зайти и перевести дух, в прихожей висит запах благовоний, Айлиш следует за хозяйкой в полутемную кухню и садится на стул. Выпейте чаю, и посмотрим. Миссис Гаффни включает газовую плитку и наполняет старый чайник водой из канистры. Я

не знаю, что мне делать, говорит Айлиш, не осталось служб, куда я могла бы обратиться, «Гарды» в южной части города, похоже, просто нет, но можно попробовать обзвонить больницы. Она смотрит на чайник, который греется на газу. Вы не могли бы за ним последить, в любой момент он вернется, позвольте оставить вам мой номер, и вы перезвоните, если будет связь, понятия не имею, что делать с этим чертовым псом, так я и знала, что от него будет одно беспокойство. Чайник начинает свистеть, миссис Гаффни встает и со звяканьем вынимает из шкафчика две чашки. Собаку я возьму, если у вас есть еда, у меня просто нечем его кормить. Айлиш разглядывает морщины на лице женщины, пытаясь вспомнить лица ее сыновей, когда-то бегавших по улице, теперь они взрослые мужчины, у них собственные дети, которые живут на фотокарточках, расставленных на подоконнике. А как поживают ваши сыновья? О, давно уехали, оба в Австралии, они меня долго уговаривали, но я не хочу. Почему, миссис Гаффни, почему вы остались? Женщина долго молчит. Прикладывает к щеке покрытую пигментными пятнами руку, собирается заговорить, но вместо этого вздыхает и отводит взгляд. Кто знает, почему мы остаемся? Айлиш бродит

по дорогам, мнется в дверном проеме, затем поворачивает к дому. На перекрестке слышит позади стук копыт, оборачивается и видит на дороге трех лошадей — две серые в яблоках, одна пегая, — лошади, словно бешеные, проносятся мимо, выпучив глаза.

Дни утекают между пальцами, по ночам кругом обстрелы, она видит Саймона как призрака, который нависает над ней, затем отступает в молчание. Она пересекает город еще раз, стоит в пустом доме, прячется на улицах, больше она не оставит детей одних, шепчет она Ларри, я должна была предвидеть, что это случится, понимала, что мне следовало сделать, да, понимала, должна была предвидеть, только я одна во всем виновата. Телефонная связь восстанавливается, и ей звонит миссис Гаффни, сообщить, что собака сбежала. Сестра звонит из Канады, и она отключает телефон, зная, как Айне воспримет новость, что отец пропал, Айлиш не справилась, и теперь ей стыдно, в надежде, что Саймон вернется, она солгала детям, она столько раз лгала себе. Айне засыпает ее сообщениями. Я не могу дозвониться, нам нужно поговорить, пожалуйста, скажи, что у тебя все хорошо. Юг города в осаде, бомбардировки не прекращаются ни днем ни ночью, по Би-би-си сообщают, что военные сбрасывают с вертолетов бомбы, начиненные шрапнелью и горючим, дети спят под лестницей, Бен вопит от боли, верхние и нижние клыки лезут наружу. Внутри ее тела что-то скрутилось в узел, который невозможно развязать, тело постоянно начеку,

тело слышит во сне, видит сквозь верхнюю часть черепа, пока Айлиш стоит в очередях за водой и продуктами. Она как раз стоит в очереди, когда встречает одноклассника, и что-то в его изможденной улыбке на миг заставляет ее вспомнить, каково это, когда тебя обнимают, каково это — лежать рядом с любимым, выбросив из головы мысли, ощущая только свое тело, на краткий миг полностью утратив свое «я». Айлиш отворачивается, стесняясь того, как выглядит, она давно перестала причесываться, опасаясь, что волосы окончательно вылезут. Тот мужчина трогает ее запястье и говорит, что на Крамлин-роуд открылся подпольный магазин электроники и там можно найти что-нибудь нужное. Она идет по полуразрушенным улицам мимо добровольцев из гражданской обороны, те в белых касках прочесывают завалы возле многоквартирного дома, вооруженный охранник запускает ее в магазин электротоваров, и она встает в очередь. Подержанные стиральные и сушильные машины, посудомойки и плиты, вот только нет электричества, чтобы ими воспользоваться, она снова надела не ту обувь, летние лоферы жмут, она снимает туфельку и изучает свои ступни, вспоминая, что раньше эти лоферы ей нравились, ее

ноги изменились с тех пор, как родился Бен, свод стопы опустился, кости вытянулись, это больше не ее ноги, в сумке звякает телефон. Она читает сообщение, смотрит на экран, перечитывает снова. Знайте, что он в безопасности. Она пишет сестре, кто в безопасности? Невыспавшиеся глаза и небритое лицо за прилавком. Ей нужно сухое молоко и детский парацетамол, мужчина уходит в заднюю комнату, а юноша подсчитывает сумму на калькуляторе. Она быстро прикидывает в уме, за парацетамол просят в двенадцать раз дороже обычной цены, в ожидании ответа Айне она смотрит на экран, такими темпами деньги скоро кончатся, и надо будет снова одалживаться у сестры. Айне долго не отвечает, и она повторяет вопрос: кто в безопасности? Она торопится домой, проклиная туфли, когда приходит ответ, она останавливается и дважды перечитывает сообщение. Папа в безопасности, наши друзья его вывезли, я целую вечность пытаюсь тебе дозвониться.

Глава 8

Заднее колесо щелкает, когда она заносит велосипед в прихожую и прислоняет к стене, с кухни доносится звон таймера. Она зовет кого-нибудь выключить духовку, оглядывается в поисках тапочек, снова зовет и босиком проходит на кухню. Где Бейли, интересуется она спустя некоторое время у Молли, которая лежит ничком на матрасе в наушниках, уткнувшись в ноутбук, Бен же с деревянной ложкой в руках дремлет в

кроватке. Она переложила черный хлеб с формы на решетку, постучала по основанию буханки, прислушиваясь к глухому звуку, прежде чем вспомнила, что нужно выключить таймер, электричество может вырубиться в любую минуту, неплохо бы устроить постирушки. Теплая умиротворенность хлебной корочки, она думает о Кэрол Секстон и ее кислой гримасе, оказывается перед Молли, размахивая прихваткой, почему ты не выключила духовку, я же просила. Раненые глаза отрываются от экрана, глаза принадлежат Кэрол Секстон, а не ее дочери, Айлиш разворачивается к кухне, прислушивается и закрывает голову руками, звук рушащегося мира, дрожь под фундаментом, шорох осыпающегося цемента. Она подбегает к Бену, выхватывает его из кроватки, велит Молли спрятаться под лестницей, Молли стягивает наушники, Айлиш диким взглядом обводит гостиную. Где Бейли, кричит она, куда подевался твой брат? Паника на лице Молли, рот открывается, но оттуда не слышно ни звука, слова унесло вперед, под лестницу, девочка показывает на дверь. Он вышел, кричит она, сказал, сходит за молоком. Айлиш сует Бена Молли в руки и пихает ее в нишу, а сама бежит к двери, выкрикивая имя сына, рука распахивает дверь

во двор, глаза обшаривают улицу, какое молоко, где он собирался его купить, и тут ее отрывает от земли и отбрасывает к дому, руки раскинуты в танце света и тьмы, во рту бетонное крошево. Она лежит в безмолвной темноте, погребенная под необъятной давящей тишиной. Что-то застряло у нее во рту, но это не кровь, кровь пульсирует вокруг прикушенного языка, обволакивает то, что во рту, но это не бетон, что-то другое, глаза видят прихожую, всю в битом стекле и пыли, Молли, наклонившись, поднимает придавивший Айлиш велосипед, в изгибе локтя она держит Бена и что-то беззвучно кричит, но Айлиш не понимает, ее тянут за руки, заставляя сесть. Внезапной волной накатывают рев, вопли, крики о помощи на фоне орущей сигнализации, как будто всех разбудил звон утренних колоколов. Молли вытирает ей лицо, Айлиш видит на рукаве дочери собственную кровь, хватает Молли за запястье, но не может открыть рот, хочет привстать, но вес тела словно бы сосредоточился в черепе, и волна головокружения откидывает ее к стене. Всем весом она опирается на руку, заставляя себя подняться, оставляя на стене кровавый отпечаток ладони. Бен хнычет и цепляется за сестру, Молли велит матери сесть. Айлиш должна заставить

свой рот говорить, заставить язык шевелиться, чтобы произнести слово, которое застряло в крови под прикушенным языком, имя, единственное имя, которое может расшевелить ее рот, и после того, как она его произносит, рот превращается в безмолвную пустыню. Спотыкаясь, она шагает через дверной проем, и нет силы, способной ее остановить, Айлиш встречает отвратительная смешанная вонь, вонь проникает в нос, рот и глаза, обжигает горло, когда она вступает в бездну дыма и пыли, заполняющую пространство между домами. Она идет, зовя сына, мужчины и женщины возникают из пыли, осколков стекла и бетонного хруста под бегущими ногами, волонтеры в белых касках перекликаются, направляясь к месту авиаудара. Сквозь пыль внезапно проступают обломки домов справа от Зэйджеков, цементная пыль висит в воздухе, легкий ветер рассеивает дым, который сливается с дымом от первого авиаудара в конце улицы. Кажется, в голове у нее сломался какой-то механизм, и она не может вспомнить, кто жил через дорогу, не может представить лица тех, кого знала, просто одиноко бредет в безмолвном мире, яростно вглядываясь сквозь пыль, кто-то берет ее за локоть, лицо под белой каской спрашивает, не ранена

ли она, ей на плечи накидывают одеяло, отводят к обочине и заставляют сесть на дорогу. Вы не понимаете, говорит она, пытаясь выдавить улыбку, несмотря на кровавую кашу во рту, мой сын должен вернуться из магазина, мой сын пошел за молоком. Молли стоит рядом, прижимая Бена к груди, волосы и лица побелели от пыли, пока Бен не разевает рот, чтобы зареветь, и Айлиш видит его забавный розовый язычок, Молли умоляет ее вернуться в дом, Айлиш пытается проморгаться, пристально вглядываясь в улицу. Через дорогу она видит занавески за окном спальни. И снова бредет к месту первого авиаудара, сжимая одеяло, борясь с накатывающей тошнотой, ощущая мерцающий запах газа, бредет к дымящемуся месиву битых кирпичей, расщепленной древесины и оборванных кабелей, где когда-то стоял ряд домов, люди толпятся на обломках, перебирают их, мужчина тянет женщину за подмышки, ее босые ноги волочатся по земле, другой мужчина подхватывает женщину за лодыжки и несет к хетчбэку, который ждет с открытым багажником, пока он откидывает сиденья. И тогда Айлиш видит сына, узнает его сразу, хотя Бейли стоит спиной, сгорбившись, между белых касок и гражданских, разгребающих обломки, его волосы и

одежда побелели от пыли, и крик застревает у нее в горле. Он не слышит ее, пока Айлиш не хватает его за руку и не вытягивает из толпы, заключает в объятия, а пыль садится на его длинные ресницы, когда Бейли моргает, пытаясь вырваться. Все в порядке, мам, говорит он, да успокойся ты, я должен вернуться и помочь. Она кричит от любви и боли, всматриваясь в него с затаенной гордостью, гладит по голове, смотрит на руку, разворачивает Бейли за плечи и видит слипшиеся на затылке волосы. Она хрипло вскрикивает, глаза обшаривают улицу, велит Молли найти врача, женщина в гражданском с маской на лице и сумкой через плечо подходит, успокаивает Айлиш, легко прикоснувшись к ее запястью, с отработанной ловкостью усаживает Бейли на землю, наклоняет его и льет воду из бутылки ему на затылок, Бейли поднимает глаза на мать. Вот видишь, я же тебе говорил, я в полном порядке. Женщина поднимается с корточек. У него в черепе застрял осколок, думаю, все будет хорошо, но осколок нужно извлечь. Сегодня утром детскую больницу в Крамлине разбомбили, но вы все равно туда езжайте, а если они не смогут его принять, тогда в больницу на Темпл-стрит, если решитесь через передовую на ту сторону, только найдите

кого-нибудь, кто вас подвезет. Прогорклый дым вьется в воздухе, забираясь Айлиш прямо в рот, заполняя ее целиком, и она не может выдохнуть, вытолкнуть из себя то, что застряло в запахе гари. Врач уже переключилась на мужчину, который одиноко сидит на обочине, обхватив колени и уставившись в пространство. Айлиш ничего не соображает, улица забита людьми, которые кричат и машут руками, пытаясь рассадить раненых по машинам, Молли заговаривает первой, Молли смотрит вниз, на ее ноги, и говорит, мам, ты забыла туфли, у тебя все ноги в крови.

Затхлость листьев и древесной смолы, тесный полумрак фургончика ландшафтного дизайнера, дверца задвигается. Она видит лицо Молли перед тем, как ту заслонила фаланга мужчин, которые тащили к такси женщину на простыне, страх в глазах дочери и внезапная твердость, когда она согласилась отнести Бена домой, Айлиш видит Молли в клубящейся пыли вне времени, понимая, что в этот миг ее дочь стала взрослой. Садовые инструменты гремят и лязгают, пока люди на заднем сиденье пытаются освободить место для юноши, которого уложили на куртку навзничь. Юноша зовет высоким прерывистым голосом, и она не может разглядеть, кто с ним, Бейли пытается выглянуть между сиденьями, она шепотом велит ему сидеть смирно и натянуть одеяло на голову. Красная напряженная шея водителя, когда тот, высунувшись, дает задний ход, тормозит, захлопывает дверцу, склоняется над рулем, двигает рычаг переключения передач, фургон дергается вперед, снова тормозит, Айлиш придерживает голову Бейли в одеяле, а водитель, опустив стекло, принимается кричать и размахивать руками. Эй, приятель, сдай назад, дай мне вывезти эту толпу. Ничем не обитый корпус сотрясается на каждом ухабе, Айлиш пытается

привести мысли в порядок, но боль в черепе так сильна, что никак не вспомнить, где находится больница и как называется, до сих пор никто не промолвил ни слова, только водитель все время чертыхается, давит гудок тылом кисти, кричит на машины впереди, опускает стекло и машет рукой, проезжая перекресток. Айлиш закрывает глаза, видя, как ее уносит во тьму, она становится пассажиркой собственной жизни, ее настоящее в этом фургоне, и больше нет ничего, настоящее возникает из прошлого, а будущего не существует, будущее отступает в тишину мертвых идей, и все же Айлиш пытается уцепиться хоть за что-нибудь, выманить будущее из небытия, нарушить его молчание, выстраивая логику событий, подставляя как можно больше переменных. Ей важно знать, что фургон остановится у двери отделения неотложной помощи, и они выйдут, и Бейли, немного помурыжив, все-таки примут и отвезут на операцию, а если нет, тогда Темпл-стрит, и они снова выпрыгнут из фургона, и снова ожидание, и долгожданная госпитализация, и будущее снова в ее руках. Она вспоминает название больницы, вспоминает здание, шепчет название, чтобы не вылетело из головы, шепчет его Ларри, видит клерка с компьютером за стеклом в прием-

ном отделении, долгие часы, проведенные вместе с Ларри в отделении неотложной помощи, пока выкрикнут имя их ребенка. Она ищет в памяти лицо мужа, но не может его различить, роется в воспоминаниях, пытаясь дотронуться до его волос, но лицо расплывается, Айлиш открывает глаза и видит, что Бейли снова всматривается вперед. Она тянет его назад за футболку, и тут фургон подпрыгивает, наехав на лежачего полицейского, и Бейли отбрасывает ей на грудь, юноша на полу вскрикивает от боли, в фургоне стонут — полегче, кричит она водителю, видит извиняющийся жест его руки, под ногтями земля. Прости, родная, орет он, домчимся мигом. Она не может вспомнить лицо водителя, смутно видя его в зеркале заднего вида, красная шея блестит от пота, темные волосы поседели за полчаса, только что ты подрезал деревья, а сейчас ты водитель импровизированной кареты «скорой помощи». Как он справится с этим, пытаясь заснуть сегодня вечером, вспоминая ребенка с лицом, посеченным шрапнелью, которого помогал внести в фургон, и до конца жизни ему суждено прокручивать в голове эту картину.

Фургон останавливается перед больничным пандусом и дальше не движется, водитель выходит, откатывает в сторону боковую дверь, и Айлиш видит совсем не то лицо, которое представляла, печальные, потрясенные глаза мужчины, растерявшего былую уверенность. Похоже, в больницу снова прилетело, говорит он, но, может, все не так уж страшно, вон люди еще пытаются проникнуть внутрь. Мужчина с ребенком на руках выпрыгивает из фургона и идет к пандусу, остальные следуют за ним, водитель зовет помощников, чтобы поднять юношу с пола. Айлиш стоит на пандусе рядом с Бейли, наблюдая клубы дыма, исторгаемые задними покоями больницы, перед входом царит хаос, люди кричат и толпятся у двери, двое охранников и медсестра уговаривают их отойти, две машины «скорой помощи», заблокированные на выездном пандусе, включили сирены, отчаянно призывая автомобили впереди освободить проезд. В голове ни единой мысли, она берет Бейли за руку и зажмуривается от боли в черепе, а когда открывает глаза, видит вереницу медсестер и гражданских, которые выносят или выкатывают по пандусу к красному микроавтобусу детей в больничных халатах, мальчик наблюдает за эвакуацией с подъезд-

ной дорожки дома напротив, вращая на ладони апельсин. Тучный клоун в неоново-зеленом парике и белом халате широкими шагами подходит к ним, жестом приглашая следовать за собой, она оглядывается, хочет увидеть, кого зовут, а размалеванный рот велит им поторапливаться. Бейли тянет ее за руку, и они усаживаются на заднее сиденье потрепанной «короллы». Она сжимает руку Бейли и закрывает глаза, борясь с тошнотой, которая распространяется от основания черепа, все происходит помимо ее воли, ее словно подхватила и тащит за собой чудовищная сила, тело не плывет, а несется в бурлящем потоке, машина выезжает с территории больницы, присоединяясь к маленькой колонне автомобилей, едущих вслед за микроавтобусом. Бейли сидит на среднем сиденье, она по новой скручивает полотенце и прикладывает к его голове, поглядывая, как они едут мимо старого торгового центра, магазинов с опущенными ставнями, в сторону канала, косясь на немолодого клоуна в зеркале заднего вида, его левый глаз меланхолично прищурен, клоун стирает салфеткой грим с лица. Парик лежит на сиденье, свежеоблысевшая голова блестит испариной, настоящий рот прячется за накрашенным, до Темпл-стрит недалеко, говорит он, меня там

знают, все будет хорошо. Когда колонна с детьми подъезжает к каналу, становится тихо, мешки с песком и колючая проволока, повстанцы машут колонне, пропуская на нейтральную полосу, где машины ползут как улитки, а из окон автобуса машут белыми бумажными салфетками и чем-то напоминающим вырванные из книг страницы, клоун тоже достает белый носовой платок и принимается медленно им размахивать, высунув из окна руку. Осталось совсем немного, и тогда поедем без задержек, я не спросил ваших имен, я Джеймс, или клоун Джимми, зовите как хотите, надо же, не успел снять башмаки, рулить в них удовольствие то еще. Он приподнимает колено, демонстрируя огромный лакированный красный ботинок с бантами вместо шнурков, опускает ногу, подносит ко рту кулак и выпускает облако алых блесток, на миг мир взрывается мерцающей кровью, алый дождь проливается на приборную панель, тюбики с гримом, парик на переднем сиденье, и Айлиш понимает, что этот человек безумен, им надо поскорее выбираться из его машины, Бейли тянет ее за рукав, шепотом спрашивает, мам, что, черт возьми, происходит? Это всегда бесит медсестер, кому-то приходится потом все убирать, говорит Джимми.

Ладно, ребята, представление начинается, опля! Клоун опускает стекло, и только тогда до Айлиш доходит, что она вышла из дома без документов, она начинает шарить по карманам джинсов, ни сумочки, ни денег, шепотом сообщает об этом Джимми, который слушает с невозмутимым видом, машет своим больничным пропуском и удостоверением личности, показывая на Бейли на заднем сиденье, у мальчика в черепе застряла шрапнель, ему нужно на Темпл-стрит. Сквозь стекло глаза изучают Бейли и Айлиш, военные требуют удостоверения, клоун взывает к их лучшим чувствам, с улыбочкой показывая на микроавтобус и колонну машин, которые уже миновали блокпост. Послушайте, говорит он, это не терпит отлагательства, ребенку требуется срочная медицинская помощь… Айлиш обнимает Бейли, когда солдат приказывает Джимми выйти из машины. Я хочу посмотреть, что у тебя в багажнике. Клоун решительно вылезает из машины, обходит ее сзади, солдат требует, чтобы он поднял запасное колесо, и когда Джимми снова заводит мотор, он уже снял клоунские ботинки и выглядит сдувшимся, трет наполовину раскрашенное лицо, вслепую шарит левой рукой в поисках салфеток. Дорога впереди опустела,

колонна уехала. Не волнуйтесь, говорит он, мы их быстро нагоним. Клоун наклоняется вперед, затем с силой бьет по рулю, сбавляя скорость. Черт возьми. Синяя вспышка на блокпосту «Гарда Шихана», двое патрульных жестами приказывают им остановиться. Клоун опускает стекло и снова объясняет, тряся пропуском, показывая на хвост больничной колонны. Потный лысый череп, из ушей торчат волосы, гарда качает головой. У меня приказ больше никого не пропускать, немедленно разворачивайтесь. Ради бога, говорит клоун, я просто довезу его до больницы, вы же видите, ребенку нужна срочная медицинская помощь. Разворачиваясь, он что-то бормочет себе под нос, вытирает рот рукавом, превращая остатки грима в отвратительное месиво. Вот суки, говорит он, простите, не сдержался. Он смотрит в зеркало заднего вида и внезапно резко сворачивает на узкую улочку. Я не смогу отвезти вас на Темпл-стрит, они видели мои номера и удостоверение личности, но вы не волнуйтесь, больница Святого Иакова недалеко, скажите, что ему шестнадцать, и они его примут, да и что они могут сделать после того, как окажут ему первую помощь, он выглядит достаточно взрослым, ну а потом пошлите их куда подальше.

Она не может вспомнить, какой сегодня день недели, в тусклом свете больничного коридора не понять, ночь сейчас или день, Бейли склоняется к ней в полусне, пока Айлиш сидит, прислонившись спиной к стене и ощупывая ступню в поисках осколков стекла. Отделение неотложной помощи переполнено, полуодетые окровавленные пациенты сидят на скамьях, в инвалидных колясках, лежат на полу, две медсестры остановились в коридоре поболтать, слышен их приглушенный смех, Бейли выпрямляется и зевает. Он складывает руки, с притворной обидой смотрит на Айлиш, а она убирает волосы у него с глаз и поправляет повязку. Я умираю с голоду, говорит Бейли, с меня хватит, как мы собираемся поесть, если ты не взяла денег, почему мы не можем сходить домой, а после вернуться? Айлиш смотрит на худого мужчину, мертвого или спящего, который лежит на одеяле в мятом коричневом костюме с пятнами крови на рукаве и в одном ботинке, сжимая в руках пакет с булочками. Другой мужчина, которого несли в операционную, тоже был в одной кроссовке, как много обуви потерялось, как много обуви слетело с ног, пока ее владельцев несли за руки за ноги или втаскивали за подмышки на задние сиденья автомобилей и

фургонов, а после — в операционные без каталок, осиротевший ботинок в спешке отбрасывали в сторону или оставляли лежать на улице, словно немигающий глаз, в ожидании владельца. Бейли толкает ее локтем в бок, когда дородная медсестра с усталой улыбкой выходит через вращающиеся двери и зовет его по имени, а сев в каталку, Бейли ухмыляется и хлопает себя ладонями по коленям. Отличный настрой, говорит медсестра, и глазом не моргнешь, как будешь в полном порядке. Медсестра кивком предлагает Айлиш следовать за ними, затем опускает глаза на ее ноги. Господи, говорит медсестра, давайте я вам что-нибудь принесу сверху. Складной серый стул отделен от остальной палаты занавеской, и Айлиш радуется, что будущее сложилось так, как она надеялась, Бейли лежит на подушке в бумажном халате, кровь и пыль смыты с лица, и ждет, когда его побреют перед операцией, а Айлиш повторяет про себя то, что сказали после рентгена, никаких повреждений сосудов и внутренних тканей. Ей хочется взять ладонь Бейли в свою, нужно найти способ позвонить Молли, на лице сына написано нетерпение, он не знает, чем занять руки, выглядит Бейли на четырнадцать, в крайнем случае на пятнадцать, а в следующее мгновение уже не

выглядит, мальчишка мальчишкой, которому исполнилось тринадцать в день дневной бомбардировки. Сегодня вторник, говорит она и хлопает в ладоши, Бейли смотрит на нее в недоумении. Не бери в голову, говорит Айлиш, тебе чертовски повезло, страшно подумать, что было бы, окажись тот осколок покрупнее. Ты повторяешься, этого же не случилось, ну и что толку рассуждать, попроси лучше медсестру дать мне кусочек тоста или чего-нибудь, иначе я умру с голоду, сходи и скажи им, что я не ел целый день. Медсестра с нижнего этажа сует ей в руку салфетки с анестетиком, пластырь и бумажные тапочки в пластиковом пакете. Старшая медсестра просила вас подойти к ней перед уходом, говорит она, это в конце коридора. Айлиш протирает и заклеивает порезы на ногах и идет по палате в бумажных тапочках, готовя лицо к встрече со старшей медсестрой, вспоминая ложь, которую сказала в приемном покое, ядовитый цветок свисает у нее изо рта, наверное, они позвонили нашему терапевту и узнали возраст Бейли, зачем вы солгали, миссис Стэк, вашему сыну нет шестнадцати, это не педиатрическое отделение, принимать детей запрещено правилами, а Айлиш потрогает затылок и изобразит удивление. Она стоит у стойки и,

наблюдая, как медсестра разговаривает по телефону, встречает ее блуждающий, отсутствующий взгляд, затем медсестра кладет трубку и кривит рот, словно хочет сплюнуть, и перекатывает конфету языком. Мне сказали, вы хотели поговорить со мной, я Айлиш Стэк, мать Бейли Стэка, который сейчас в палате. Медсестра подвигает к себе лоток для бумаг, начинает рыться, вынимает из стопки прозрачную папку. А, да, здесь пометка с нижнего этажа, у нас не хватает информации, есть только имя, адрес и дата рождения вашего сына, но нет его личного номера и номера удостоверения личности, у нас очень строгие правила. Да, говорит Айлиш, я уже объясняла внизу, я не только не вспомню личный номер сына, но не в состоянии вспомнить свой собственный, у меня нет при себе сумочки, мы не планировали приходить… Да-да, разумеется, такое случается сплошь и рядом, сегодня вечером можете об этом не волноваться, принесете нужные документы, когда вернетесь завтра. Айлиш хмурится и качает головой. Простите, но я не могу оставить сына одного, когда его прооперируют? Миссис Стэк, часы посещений давно закончились, вас и так не должно быть здесь, невозможно сказать, когда вашего сына прооперируют, вы же видите, какой

тут хаос, травматологи работают без перерыва, лучшее, что вы можете сделать, это пойти домой и немного поспать, я попрошу дежурную медсестру позвонить вам утром, когда вашего сына вывезут из операционной и вы сможете прийти повидаться. Айлиш опускает глаза на ноги в бумажных тапочках. Я не знаю, как доберусь домой, придется идти на ту сторону без документов, скорее всего, меня арестуют. Медсестра кривит рот. Давайте выпишу вам больничный пропуск, там будет написано, что вы поступили по неотложной помощи, все так делают, покажете на КПП. Айлиш наблюдает за руками медсестры, не видя их, вместо них перед ней внутреннее пространство разума, внезапно ее пронзает чрезвычайно яркое ощущение — ощущение, что с Бейли все будет хорошо, она видит, как жизнь растягивается за ее пределы, а потом снова резко сжимается, возвращаясь в прежние границы. Она закрывает глаза, чувствуя, как из тела уходит напряжение, будто она выпустила его из рук, на нее накатывает легкая дурнота, хочется присесть и закрыть глаза, она поднимает взгляд и видит, что медсестра хмурится. Простите, что вы сказали? Вы побледнели, миссис Стэк, с вами точно все в порядке, не хотите позвонить мужу, вдруг

вам повезет и дозвонитесь. Айлиш стоит перед телефоном и не может вспомнить их номер, вдруг Ларри тоже его забыл, она поднимает трубку, голова отказывает, но пальцы помнят.

На правительственном блокпосте ее разглядывают при свете фонариков, ожидая объяснений, почему она пересекает линию передовой спустя пять часов после начала комендантского часа, забирают больничный пропуск, она показывает на свои ноги, тряпичные тапки разодраны в клочья, ее заставляют ждать, прежде чем разрешают пересечь пространство перед мостом одной и в темноте, каждый шаг как целая жизнь, автобусы без окон, припаркованные вдоль дороги, безликие глаза, наблюдающие за ее приближением. Для солдата-повстанца у нее нет ни пропуска, ни удостоверения личности, и она пускается в объяснения, свет фонарика мешает видеть его лицо, ей кажется, голос звучит слишком молодо, чтобы он ее услышал, слишком молодо, чтобы понимать: мир не черно-белый и не всегда подчиняется приказам командиров. Солдат освещает фонариком ее окровавленные ноги и снова направляет свет ей в глаза, словно задаваясь вопросом, на что похоже безумие, ибо это оно и есть — не воздевание рук к небесам, не проклятия богам, а мать, вопреки всему пытающаяся добраться домой, к детям. Солдат окликает старшего по званию, который просит Айлиш подойти, это мужчина ее возраста, черный от усталости, небритый. Я отвезу вас,

говорит он, одной слишком опасно. Он указывает на «лендровер», почесывает щеку, зевает и едет, не включая фар. Вряд ли нужно напоминать, что, выходя после наступления комендантского часа, вы рискуете жизнью. По голосу она узнает местность, где прошло его детство, его школу регби и университет, жизненный путь, пройденный целую вечность назад. Она молчит, просто не может открыть рот, объяснять еще раз внезапно выше ее сил. Дорога перестает быть таковой, водитель замедляет ход, останавливается, высовывается из машины с фонариком, «лендровер» пытается проложить себе путь через обломки. Дотянув до перекрестка с Сент-Лоуренс-стрит, водитель переключает двигатель на холостые обороты, поворачивается к ней и смотрит в глаза. Мне интересно, почему вы решили остаться, ведь тут больше нечего ловить, спрашивает он. А вы, почему вы здесь? Потому что здесь моя работа, которую я должен доделать до конца во что бы то ни стало, ну или сдохнуть. Она складывает губы для ответа, но не может говорить, дергает ручку дверцы, но не в силах сдвинуться с места. Мой сын присоединился к повстанцам, и уже много времени о нем нет никаких вестей, может быть, его уже нет в живых? Трудно сказать, отвеча-

ет он, или затаился, или арестован, или у него просто хватает ума не звонить и не писать, вы же знаете, они отслеживают семьи, я отправил жене сообщение, что жив и здоров, но с тех пор не видел семью несколько месяцев. Он наблюдает, как она выбирается из машины, просит не рисковать. Еще не поздно уйти, скоро здесь опять разверзнется ад, режим вот-вот позволит ООН открыть гуманитарный коридор от стадиона на Лэнсдаун-роуд через портовый туннель на север, вам позволят уйти, как крысам, пока дудочник высвистывает мелодию, берегите себя, ладно? Она все еще сжимает в руке бумажные тапочки, пыль и дым улеглись, через дорогу высится половина кирпичного дома, словно отсеченная мясницким ножом, оконная рама на втором этаже открывается в никуда, вторая половина дома и два соседних превратились в груду обломков, машина у тротуара сгорела дотла. Она стоит перед своим крыльцом, разглядывая фасадное окно, заклеенное мусорными пакетами, крыльцо обвалилось, Молли подходит к двери с фонариком, Айлиш заключает ее в объятия, Бен спит под лестницей, Молли светит на поврежденный потолок. Наверху еще хуже, говорит она, показывая, куда замела стекло, цементная пыль еще висит в

воздухе, пыль покрывает буфет, книжные полки, рамки с фотографиями, Айлиш собирает фотографии, садится в кресло Ларри и раскладывает их на коленях, ветерок тихо колышет мусорные пакеты в окне. Завтра утром тебе придется сходить за водой вместе с Беном, говорит она Молли, я должна пораньше вернуться за Бейли, мне пришлось солгать насчет его возраста, чтобы они приняли его в больницу Святого Иакова. Она слишком устала, чтобы есть разогретую Молли еду, слишком устала, чтобы спать. Айлиш сидит в кресле, вытирая фотокарточки о блузку, наблюдая, как прошлое с насмешкой марширует мимо, шепотом рассказывая Ларри об авианалете, видя, как его брови опускаются под тяжестью непонимания, руки теребят бородку, ладони сжимаются в кулаки от ярости, бессильной перед миром, который над ними глумится, этот дом — больше не их дом.

Она идет к сыну под зонтом, птицы пением встречают рассвет, затем стрельба заставляет мир затихнуть, страх, поселившийся у нее в животе, растягивается, перемещаясь в ноги, когда над головой проносится военный самолет. У блокпоста она видит, что еще больше автобусов припарковано вдоль канала, поперек Камак-бридж и на ничейной полосе, образуя защитный барьер. Ей велят ждать за мешками с песком, вчерашнего солдата нет на месте. Она замечает перевернутый зонтик на дороге, там, где за мостом дорога разделяется, асфальт усыпан осколками, и около дюжины человек прячутся за последним автобусом с той стороны моста, ожидая команды. Молодой человек показывает за мешки с песком. По его словам, снайпер засел в многоэтажке в районе Долфинс-Барн. Раздается крик, солдаты повстанцев начинают стрелять, прикрывая гражданских, которые выскакивают из-за автобуса и бросаются бежать, мать с букетиком полевых цветов тянет за собой дочь, которая за ней не успевает, юноша бежит, вжав голову в плечи, выстрел отдается эхом, словно хлопок, мать отскакивает в сторону, дергая дочь за руку, седой мужчина прикрывает голову газетой. Пожилая женщина неуклюже бежит через мост навстречу

повстанцам, прижимая руку к груди. Потом все надолго стихает, слышно только гудение двигателей автобуса, повстанец за рулем задним ходом пересекает мост, пытаясь расширить коридор, разворачивает автобус последним в ряду, снайпер между тем продолжает испытывать удачу, хлопки следуют один за другим, бьется стекло, и автобус издает пневматический вздох, как будто пуля пробила легкое. Двери открываются, повстанец выходит и направляется к мосту. Айлиш прячет зонт в карман, сжимает его, пытаясь унять дрожь в руке. Она перейдет здесь, у нее нет другого выхода, опустошит разум, превратится в бегущее существо, лишенное мыслей, у нее все получится, от последнего автобуса до магазинов всего ничего. Гражданские переходят мост гуськом позади повстанца, который советует им держаться ближе к автобусам, а люди продолжают перебегать, направляясь к повстанческому блокпосту, пуля разрывает воздух, все вздрагивают, но пока остаются невредимыми, юноша с мелкой собачкой на руках бежит трусцой, в руках у женщины хозяйственная сумка, лицо искажено гримасой, словно она предчувствует пулю, раздробленную кость, кровотечение, уход во тьму. И тут Айлиш видит на дороге смятый пакет для

внутривенной инъекции, кровь успело размыть дождем, юноша сзади решает попытать счастья, срывается с места, перебегает дорогу, рука повстанца все еще зависла в воздухе, приказывая им не двигаться с места. Через стекла автобуса он наводит бинокль на многоэтажку, и Айлиш задумывается, чем снайпер выдает свое местоположение, движением или дымом, повстанец поворачивает к ним перекошенное лицо. Там есть участок метров пятьдесят, прежде чем вы окажетесь слишком близко, чтоб прицелиться, поэтому бегите со всех ног и держитесь ближе к тем зданиям, трудно целиться по бегущей мишени, он стреляет наугад. Мужчина позади нее говорит жене, что та надела неправильную обувь, раздается залп заградительного огня со стороны канала, и по команде повстанца она выбегает на дорогу вслед за мужчиной в развевающемся черном плаще, женщина справа от нее сжимает в руках розовую сумочку, Айлиш бежит, опустив глаза на скользкий асфальт, видя размытые очертания бегущих впереди, как будто они не бегут, а несутся по воздуху в какой-то подземный мир, она уговаривает себя не смотреть вверх, но поднимает глаза, возможно перехватывая взгляд снайпера, невозможно понять, видела она его

или нет, она бежит к перекрестку, глядя перед собой, видя вывеску индийской еды навынос и витрину супермаркета, закрытую ставнями, два автомобиля проезжают перекресток, раздается хлопок, мужчина в черном плаще спотыкается, полы плаща разлетелись, мужчина падает, женщина рядом с ней выбрасывает руку при звуке еще одного хлопка, сумочка вылетает из рук, женщина резко ныряет ей под ноги, мир вращается, и Айлиш растягивается на асфальте. Когда она открывает глаза, то лежит на дороге, закрыв голову руками, слыша затихающий топот бегущих ног, острая боль вгрызается в локоть, но на пулю непохоже. Она должна встать и бежать, мужчина в черном плаще не шевелится, женщина позади нее издает сдавленный хрип, солдаты повстанцев кричат, с моста начинается шквальная пальба, внезапно откуда-то поблизости раздаются ответные выстрелы, Айлиш лежит, вжавшись носом в дорогу, вздрагивая, когда над ней проносится пасть свирепого чудища, Айлиш не может пошевелиться, начиная понимать, что бежать некуда, над головой перестрелка, прерывистая, но все длящаяся, и в сердце возникает холодок неизбежной смерти, Айлиш открывает глаза, сознавая, что пересекла некую границу, мокрый свет на

асфальте, ржавчина на перилах вдоль тропинки к магазинам, и она знает, что лежит не рядом с дорогой, а рядом с последним рубежом, лежит, удивляясь своему спокойствию, смерть ждет ее, а она не готова, смерть нагло встала прямо перед ней, и она, не раздумывая, кинулась ей в объятия, не вспомнив о детях, горе наваливается на нее, когда Айлиш понимает, что бросила их, а ведь ей говорили, но она не слушала, твой долг в том, чтобы избавить их от опасности, но ты упрямо стояла на своем, ты была слепа и глуха к фактам, ты должна была вытащить их отсюда, прислушаться к предостережениям отца, уехать из страны и начать новую жизнь, перед ней толпятся упущенные возможности и пути спасения, все это прах, ложное прошлое, и Айлиш видит себя в земляной дыре, видит лучшие моменты своей любви, и как они проходят, и всю ее жизнь поглощает сила, правящая миром, она — ничто, крупица пыли, кроха терпения, и в отчаянии она отводит глаза и видит, что кровь мужчины вытекает из тела, все еще наполненная клетками, красные и белые кровяные тельца в странном забытьи по-прежнему пытаются выполнять свою работу, кровь следует за изгибом дороги, как будто надеется, что сточная канава вынесет ее

в грунтовые воды, где она растворится, чтобы вернуться обратно, Айлиш сжимает кулаки и упирается в землю пальцами ног, она хочет жить, хочет снова увидеть детей, над головой нависает глубокая тишина, когда стрельба прекращается и повстанец криком зовет их подняться, она боится взмахнуть рукой, показать, что жива, и лежит очень тихо, слившись с окружающим миром, уже зная, что выживет, наблюдая, как камень вцепляется в асфальт, под влиянием давления и жара камни формировались в течение целых геологических эпох, а у нее есть только это мгновение, и она его не упустит, какая-то внутренняя сила пронзает ее тело, Айлиш видит прожитые годы и годы, которые предстоит прожить, внезапно что-то приводит ее в движение, и она превращается в бегущее тело.

Она проскальзывает мимо стойки охраны, никто ее не останавливает, идет к лифту, встречает на посту другое лицо, ясные голубые глаза отрываются от экрана. Чем я могу помочь? Вчера вечером моему сыну сделали операцию, не могли бы вы сказать, где я могу его увидеть? Медсестра позволяет себе легкую улыбку, затем качает головой. Простите, говорит она, часы посещений с двух до четырех или с половины седьмого до половины девятого, вам придется вернуться позже. На столе звонит телефон, медсестра смотрит на него, затем переводит взгляд на Айлиш, которая не двигается с места. Простите, я должна ответить. Айлиш складывает руки на груди и смотрит в конец коридора, где три каталки с пациентами ждут места в палате, и думает о мужчине в коричневом пиджаке на полу, сжимавшем пакет с булочками, когда медсестра вешает трубку. Извините, говорит Айлиш, я просто хочу знать, где он сейчас, прошлой ночью ему удалили осколок из черепа. Желтоватыми кончиками пальцев медсестра мягко давит на колпачок шариковой ручки и подвигает к себе лоток. Я могу проверить его карточку, прежде чем вы уйдете, вам в любом случае должны были позвонить. Попробуй сейчас дозвониться, говорит Айлиш, и медсестра

улыбается, так и глядя вниз. Да, понимаю, это настоящий кошмар, повторите, пожалуйста, как зовут вашего сына? Она наблюдает за лицом медсестры, пока та роется в лотке, на лице слой пудры, блестящий под потолочными светильниками, пятно, похожее на экзему, тянется от уха к ключице, медсестра подвигает к себе второй лоток, просматривает до конца и возвращается к первому. Простите, Бейли Стэк? Боюсь, у нас такого нет, вы уверены, что обратились по адресу? Это отделение Энн Янг, люди все время нас путают. Да, отделение Энн Янг, я стояла здесь вчера вечером и разговаривала с медсестрой, не помню ее имени, а мой сын был в палате дальше по коридору, ожидал операции, и медсестра сказала, что утром мне позвонят. Взгляд медсестры скользит по столу. Тут такая неразбериха, подождите, я поговорю со старшей. На столе начинает звонить телефон, но медсестра заходит в дверь и закрывает ее за собой, появляется другая медсестра, отвечает на звонок, говорит «да», затем «нет», после чего удаляется. Айлиш наблюдает, как ручка двери медленно поворачивается, но не открывается, затем в двери образуется щель, из нее выглядывает еще одна медсестра и снова закрывает дверь. Очень хочется кофе и курить,

хочется переодеть Бейли в чистое и отвести домой, старшая медсестра выходит и, не глянув в ее сторону, удаляется по коридору, дежурная все еще остается внутри. Айлиш разворачивается и идет к многоместной палате, где вчера вечером лежал Бейли, на его койке спит пожилой мужчина с осунувшимся лицом, она оглядывает другие лица и задергивает занавеску, сзади подступает санитар. Простите, могу я вам помочь? Айлиш выходит мимо него в коридор и видит старшую медсестру, которая направляется к ней, поджав губы. Миссис Стэк, я старшая медсестра отделения, простите за путаницу, я надеялась, регистратор вам объяснит, прошлой ночью вашего сына перевели в другую больницу, сразу после полуночи, боюсь, такое случается. Простите, говорит Айлиш, я не понимаю, что значит перевели в другую больницу? Я же сказала, такое происходит постоянно, во время кризиса нам приходится задействовать дополнительные койки, вашего сына готовили к операции, но потом перевели в другую больницу, приказы приходят сверху, нас никто не спрашивает, у меня на столе все необходимые документы, требуется ваша подпись. Минуточку, говорит Айлиш, я действительно ничего не понимаю, вы говорите, что моего сына

нет в вашей больнице, хотя вчера вечером он лежал в этой палате и его готовили к операции? Все верно, миссис Стэк, не сомневаюсь, вам пытались дозвониться, но… Простите, но это нелепо, я никогда о таком не слышала, мой сын несовершеннолетний, я не давала разрешения никуда его переводить, я привезла его в эту больницу, а не какую-то другую, я хочу поговорить с вашим начальством и чтобы мне вернули моего сына. Боюсь, это невозможно, миссис Стэк, решение принимала не больница, за ним просто приехали сразу после полуночи. Кто за ним приехал? Медсестра снова поджимает губы, во взгляде что-то похожее на страх, но она отводит глаза, смотрит на стол, словно ищет помощи, складывает на груди руки, снова их опускает. Послушайте, я не знаю, кто принимает такие решения, нас это не касается, его перевели в Святого Брисина сразу после полуночи. Нет, я отказываюсь понимать, вы все это выдумали, первый раз слышу о больнице Святого Брисина. Это госпиталь Министерства обороны в Смитфилде. Что-то пронизывает все ее существо, оставляя после себя налет тошноты, Айлиш пытается откашляться. Почему мой сын в военном госпитале, что ему там делать? Рот продолжает говорить, ибо рот не ведает и поэто-

му спрашивает и ждет ответа, но тело реагирует, словно давно знает, Айлиш кажется, что сейчас она потеряет сознание, она обнаруживает, что уже сидит на стуле, в руке бумажный стаканчик с водой, делает глоток, встает, оглядывается в поисках мусорного ведра, протягивает кому-то стаканчик, но они боятся к ней подойти, и она гневно машет рукой. Запишите, говорит она, пожалуйста, запишите мне на бумажку адрес этого гребаного госпиталя и заберите же у меня стакан.

Что-то происходит на улице впереди, люди сидят под тентом кафе с едой и напитками, мужчина ковыряет вилкой открытый сэндвич, рядом две девушки сосут соломинки, две пожилые женщины пьют чай и беседуют, у стола их сумки на колесиках, и Айлиш презрительно проходит мимо, но после укоряет себя, люди имеют право жить своей жизнью, имеют право расслабиться. Она стоит в очереди перед воротами госпиталя под прицелом камер, репетируя речь, которую собирается сказать, подыскивая правильный тон и слова, проговаривая их про себя снова и снова, изменяя слова на ходу, представляя себя перед безликим субъектом, видите ли, произошла ошибка, моего сына перевели сюда, но ему только тринадцать, его отправили в больницу общего профиля, а должны были отправить в детскую… Ее обыскивают, забирают телефон, мол, вернут, когда будет уходить. Айлиш идет по обсаженной деревьями дорожке, и перед ней вырисовывается суровое трехэтажное здание с крыльями из красного кирпича, врачи в военной форме и гарда в штатском стоят во дворе, фельдшер захлопывает заднюю дверцу машины «скорой помощи». Внутри перед стойкой администратора небольшая очередь, шарообразная

камера смотрит вниз, людей запускают внутрь через другую дверь, где на входе стоит солдат. Она показывает удостоверение личности, пытается произнести заготовленную речь, но слова звучат неправильно, слова не важны, сотрудник набирает имя Бейли, адрес и личный номер, но, когда поднимает глаза от экрана, в них все неправильно. Мне жаль, но ваш сын не зарегистрирован как пациент, возможно, вы ошиблись. Айлиш щурится, словно плохо видит его лицо, руки сжимаются в кулаки, она опирается на стойку. Но я только что из больницы Святого Иакова, мне сказали, что вчера ночью моего сына отправили сюда на операцию, я своими глазами видела документ о переводе. Да, но он не зарегистрирован как пациент, и в любом случае мы не проводим здесь операций, это крыло предназначено для того, чтобы разгрузить городские больницы. Возможно, ваш сын был арестован и содержался в крыле для военнослужащих, иногда туда доставляют задержанных из гражданских больниц. Сотрудник щелкает мышью, глаза бегают. Что за бессмыслица, моему сыну тринадцать, зачем арестовывать тринадцатилетнего подростка, был авианалет, моего сына по ошибке доставили в больницу Святого Иакова, у меня в сумке копия

документов о переводе. Пожалуйста, выйдите на улицу и поверните налево, там будет охраняемая проходная и вы сможете навести справки о вашем сыне. Сотрудник смотрит на женщину, стоящую в очереди позади нее, делает знак рукой, чтобы Айлиш отошла в сторону, но ноги отказывают, ее снова просят отойти, она хочет что-то сказать, но губы не слушаются. Айлиш идет к выходу, оборачивается, невидящим взглядом смотрит на стойку администратора, что-то бормочет, выходит наружу, где стоит, глядя в небо, ощущение тяжести нарастает с каждым мигом, как будто она снова носит ребенка, это ощущение массы и бремени, которое неотделимо от ее собственных тканей и крови, ребенок, рожденный ее телом, всегда останется его частью. Она идет к крылу для военнослужащих с удостоверением в руках, ей говорят, что невоенный персонал внутрь не пускают, просят уйти, но она отказывается, второй военный выходит из будки охраны и говорит, извините, если вы здесь останетесь, вас арестуют, это не обсуждается. Она возвращается к главному входу, идет к стойке администратора, перебивает женщину, которая беседует с сотрудником. Мне жаль, говорит она, но тут вкралась какая-то ошибка, возможно,

компьютерный сбой, вы должны еще раз проверить записи о госпитализации, моего сына перевели сюда в пять минут первого ночи, так записано в документе, где еще он может быть, пожалуйста, взгляните, это копия, которую мне выдали в больнице Святого Иакова. Сотрудник молча кривит рот, извиняясь перед женщиной из очереди, поднимает глаза на Айлиш, берет и читает документ. Да, говорит он, но тут не сказано, что его перевели именно в это крыло, тут говорится о госпитале Святого Брисина, и я со всей ответственностью заявляю вам, что ваш сын не числится среди сверхнормативных пациентов… Странный тихий смешок срывается с ее губ, усиливая ужас, она двумя руками опирается на стойку и смотрит на компьютер сверху вниз. Поймите, моему сыну тринадцать, вы хотите сказать, что тринадцатилетний подросток может просто так исчезнуть? Это проклятое лицо маячит перед ней, и она обрушивает кулак на стойку, и все молчат, и она не понимает, что говорит, слова, слова, и все неправильные, слова громоздятся перед холодными глазками и маленьким ртом, и сотрудник отворачивается, призывая военного полицейского, и она складывает руки на груди, не двигаясь с места, слушая приближающиеся

шаги, наблюдая за пожилым уборщиком в синей робе, который пятится вдоль вестибюля, словно в ступоре, и влажная швабра описывает пересекающиеся круги, уборщик наклоняется, чтобы выставить предупреждающий желтый знак, а полицейский берет ее под руку и отводит к двери. Она стоит, глядя в небо, чувствуя подступающее безумие, задирает голову и смотрит на высокие окна, и ей кажется, будто она заглядывает в бездонную пропасть, стоит одна, и ей некуда больше идти, ей придется вернуться в больницу Святого Иакова, она вернется и исправит ошибку. Уже вечер, когда она приходит в госпиталь Святого Брисина, неподвижно стоит перед входом в крыло для военнослужащих, наблюдая, как подъезжают и отъезжают машины без номеров, внутри нарастает черная горечь, тихий голос пытается заговорить, но она не может, не хочет его слушать, фактов ты не знаешь, а остальное домыслы, гадание и ворожба, догадки часто оказываются ошибочными, да что там, почти всегда. Она попытается в третий раз взять штурмом приемное отделение, в небе тьма и свет, она стоит, глядя на здание госпиталя, словно смотрит в лицо режиму, уборщик в синей робе выходит и сует в рот незажженную сигарету, на мгновение их

взгляды встречаются, он отводит глаза, зажигает сигарету, шагает к ней, и она тянется за пачкой, принимая сигарету дрожащими пальцами, рука с татуировкой, подносящая пламя к ее рту, пахнет дезинфицирующим средством. Я слышал вас там, внутри, я слышу это каждый божий день, вечно одно и то же. Он опускает голову и глубоко затягивается, затем поднимает голову и делает полный выдох. Скорее всего, вашего сына арестовали, их свозят в военное крыло для допроса, и после того, как за ними закрывается дверь, от военных ничего не добьешься, послушайте, мне придется это сказать, вам следует посмотреть в морге, это разрешено, на вашем месте я бы первым делом сходил туда, чтобы не думать, исключить вероятность. Она хмуро смотрит на уборщика. Вероятность чего? На лице уборщика страдальческое выражение, он отворачивается и уходит, и Айлиш кричит ему вслед, зачем мне туда идти, что мне там делать?

Она стоит на пороге безумия, без сна, наблюдая, как режим поглощает ее сына, день за днем возвращается в госпиталь, чтобы услышать все те же слова, во дворе пытается заговорить с врачами в военной форме и гарда в штатском, словно старая нищенка, пожалуйста, помогите найти моего сына, вы должны мне помочь, пожалуйста, он всего лишь ребенок, она больше не ощущает своего тела, скоро она станет прахом. Айлиш видит, как другие приходят и уходят, читает по лицам, она не в силах сделать то, что посоветовал ей уборщик, не в силах сделать то, что делают другие, пока некая тайная сила не отправляет ее в здание госпиталя, где она становится перед стойкой администратора и произносит слова, которые ей велели произнести, администратор звонит, двое сотрудников военной полиции коротко переговаривают у внутренней двери, и ее выводят из вестибюля в главное здание, она идет вслед за военным полицейским вдоль коридора к двери, ведущей на темную лестницу, по которой спускается в холодный мрак, затем к другой двери и приемной, где мужчина в белом халате кладет на стойку блокнот с зажимом, ее рука дрожит, когда она поднимает ручку. Она смотрит, как мужчина читает бланк, и произносит имя сына, но он гово-

рит, боюсь, здесь внизу нет имен, только номера, когда они поступают, мы не знаем их имен, если ваш сын здесь, значит ему присвоен номер и вы должны будете сами его опознать. Ей выдают маску и перчатки, и она разглядывает свои руки, чувствуя, как внутри нее что-то оборвалось и теперь болтается и гремит, это не ее настоящее «я» следует за этим мужчиной, хранителем мертвых, ее неправильное «я» заходит вслед за ним в дверной проем. Не знаю, что я здесь делаю, говорит она, это какая-то ошибка. Мужчина не отвечает, жестом веля ей проходить вперед. Это не холодильная камера, где вокруг нержавеющая сталь, а складское помещение, где тела лежат бок о бок на бетонном полу в серых мешках на молнии, тут даже не особенно холодно и воняет дезинфицирующим средством. Тихая молитва срывается с губ, у Айлиш нет веры, чтобы ее вознести, но молитва звучит, и она шепчется с Ларри, говорит себе, что должна отсюда уйти, наблюдает за собой как будто со стороны, бестелесная, движется вперед, наклоняется к первому телу, расстегивая молнию и встречая лицо утопленника без зубов, на щеке что-то похожее на отверстие от сверла, один глаз не закрывается, она малодушно отворачивается, заламывает руки, смотрит на хранителя, словно

хочет сказать, я забрела в эту страну мертвых по ошибке, но хранитель велит ей застегнуть молнию и перейти к следующему мешку. Она опускается на колени перед еще одним телом, расстегивает мешок, шепчет, это не мой сын, и так от трупа к трупу, видя, что режим оставил отметины на каждом лице, каждой шее, эти убийства пахнут антисептиком, и каждый раз губы шепчут, это не мой сын, шепчут снова и снова, это не мой сын, это не мой сын, это не мой сын, это не мой сын, и она поднимает глаза на хранителя, и тот смотрит на часы, и она расстегивает следующий мешок, не успевая взглянуть, говоря по привычке, это не мой сын, это не мой сын, это не мой сын, это не мой сын, и видит лицо Бейли, безмятежное и разбитое, кожа пахнет отбеливателем, а то, что под кожей, так искорежено, что ее тело издает жалобный вой, и она берет его голову в ладони, смотрит в лицо своего мертвого ребенка, видя ребенка живого и желая одного — умереть вместо сына, гладит щеки, покрытые пушком, волосы, еще заскорузлые от крови. Мое прекрасное дитя, что они с тобой сделали? Кожа темнеет синяками, зубы выбиты или сломаны, она расстегивает молнию и видит вырванные ногти на руках и ногах, видит отверстие от сверла

на колене, следы от затушенных сигарет на торсе, она берет его руку и целует, тело отмыто так, что снаружи не видно крови, но кровь темнеет под кожей, и эту кровь невозможно отмыть. Она делает то, что велит хранитель, не слыша его слов, он помогает ей застегнуть мешок, выводит из двери, говоря тихим голосом, номер двадцать четыре, вы официально подтверждаете, что это ваш сын, миссис Стэк? Как только вы заполните форму, вашего сына перевезут в городской морг. Просто имейте в виду, миссис Стэк, здесь сказано, что он умер от сердечной недостаточности. И она отворачивается, видя перед собой только тьму, и стоит, затерянная во тьме, в месте, где нет никакого места.

Глава 9

Она просыпается, голова упирается в стекло, смотрит наружу, ничего не видя, закрывает глаза, погружаясь во тьму, словно в воду, с болью в сердце, сжимая и разжимая ладони. Молли зовет ее откуда-то издалека, трясет за плечо. Мам, говорит она, проснись, пожалуйста, водитель что-то

сказал, я не расслышала, мы стоим на месте уже больше часа, я пойду посмотрю, что там такое. Бена передают ей на руки, и Молли удаляется за пассажирами в переднюю часть автобуса. Дверь с шипением открывается, водитель выходит на автостраду, подтягивает джинсы, сует телефон в карман рубашки, а вокруг собираются люди. Бен со злорадной улыбкой прыгает у нее на коленях, хватает ее за нос, би-бип, произносит он, би-бип, би-бип, и ей приходится снова и снова гудеть, через силу улыбаясь, когда он щиплет ее за нос, отворачивается и хлопает ладонями по стеклу. Машинка, говорит он, машинка, машинка, машинка, машинка. Глядя в сторону, Айлиш четко произносит каждое слово, автобус, машина, фургон, грузовик, женщина, ребенок, птичка, упитанный грач с фольгой в клюве пикирует к земле, выплевывает фольгу, чтобы схватить кусочек еды, который выбросили из фургона, где на стопке матрасов сгрудились дети. Люди стоят рядом с машинами, глядя в экраны телефонов, багажники набиты крупногабаритными вещами и электроприборами, крыши сложены, имущество укрыто брезентом, автострада на север огибает холм, но автострада стоит, движутся лишь те, кто передвигается на своих двоих, молчаливая

процессия шагает по обочине, люди в зимних пальто, завернутые в одеяла, дети пристегнуты к материнской груди, едут в колясках, на плечах отцов, которые тащат багаж в руках или несут свою жизнь на спине. Ребенок, идущий впереди родителей, падает, переворачивается, плачет, раскинув руки в стороны, и, глядя на него, Айлиш чувствует внутри только омертвение, внезапная боль набухает в сердце, и она закрывает глаза. Бен прыгает у нее на коленях, снова хватает ее за нос, би-бип, би-бип, и она пытается улыбнуться, но губы только кривятся. Молли плюхается на сиденье, впалые щеки раскраснелись от новостей. Всё, приехали, произносит она, водитель сказал, коридора больше нет, они собираются перекрыть границу за Дандолком, там идут тяжелые бои, он хочет свернуть, говорит, машинам некуда деться, мы просто просидим тут несколько дней, поэтому он свернет на следующем съезде с автострады, когда колонна продвинется вперед, на других дорогах не лучше, придется идти пешком, до границы километров пятьдесят-шестьдесят, сейчас там скандал, люди требуют деньги назад, а он говорит, что никаких денег у него нет. Через сиденье Айлиш смотрит на пожилого мужчину, который показывает карту на телефоне

жене или сестре, кто их знает, они так похожи. Бен барабанит ладошками по стеклу, птичка, птичка, птичка, птичка, и она поворачивается и видит, как мимо идет мальчик с желтой птицей в маленькой белой клетке, и закрывает глаза и не может решиться, что делать дальше, сердце болит слишком сильно, чтобы она могла соображать, сердце, отныне заключенное в клетку.

Как быстро день подает сигнал ночи, на небе проступают синяки, Бен скулит, требуя еды, шаг следует за шагом, она несет ребенка, пристегнув его к груди, глаза смотрят в пустое пространство, в оцепенелую пустоту посреди ее существа. Похолодало, но Бен отказывается надевать шапку, она пытается нахлобучить шапку ему на голову, он отбивается, шлепает ее по руке, кричит. Они покидают автостраду и, следуя указателям, оказываются на автозаправке, левой рукой Айлиш придерживает головку Бена, правая затекла под весом сумки, которую они несут вдвоем с Молли. Площадка перед заправочной станцией забита людьми, которые стоят или сидят с едой и питьем, а очередь тянется за дверь. Подгузник Бена полон, и она меняет его, присев на корточки в очереди у туалета, карманы ее длинного пальто набиты подгузниками и влажными салфетками. Она стоит в очереди за горячей едой, пока Молли с Беном на коленях ждет на сумках у входа. Присесть негде, поэтому они остаются на сумках, пока Айлиш караулит розетку, у которой мужчина заряжает телефон, она говорит Молли отправить сообщение Айне, охранник просит их выйти на улицу, вы, мол, заблокировали выход. Они ставят сумки на асфальт, садятся и едят, и

Айлиш наблюдает за пронырливым молодым человеком, который, словно попрошайка, продвигается сквозь толпу, останавливается перед ними и предлагает ночлег. Молли хочет узнать, что за ночлег и во сколько это им обойдется, пока Айлиш изучает его глаза, потрепанную одежду, грязь под ногтями. Почему ты отказалась, спрашивает Молли, глядя, как мужчина отходит к следующей группе, где мы сегодня будем спать? Женщина в желтом плаще наклоняется и похлопывает Молли по руке. Осторожнее с этими типами, заманят и ограбят, они таким промышляют. Женщина протягивает Молли пачку печенья, они о чем-то беседуют, но Айлиш не слушает, она видит Бейли, который сидит на асфальте во дворе заправки, вытянув ноги, волосы выбриты на висках, ухо и часть щеки залиты янтарным светом. Он допивает из жестянки, встает, расплющивает ее носком кроссовки и пинает в сторону бензиновых колонок.

Костер в темном поле, матери, завернутые в одеяла, дети у них на коленях с лицами, освещенными мобильниками, пока взрослые собирают в лесу хворост и ставят палатки. Для них оставлено место у костра, бородатый мужчина жует сосиски, завернутые в фольгу, дует на пальцы, настаивает, чтобы они поели, в темноте женщина зовет ребенка, Молли берет сосиску на сучке, остужает, отрывает немного для Бена, тот откусывает, держа кусок обеими руками. Над окружающей тьмой темно-синее небо, и темнее всего у костра, стирающего и вновь рисующего лица, и молодая женщина с потерянным взглядом спрашивает, откуда они и куда идут, а мужчина говорит, соскребая тени с лица. Лучше бы вам пересечь границу где-нибудь в другом месте, например в Кроссмаглене, куда мы направляемся, вчера моя кузина без проблем там перешла, говорит, пограничники пускают всех, если вы им заплатите. Ходят слухи, что тех, кто пытается перейти ночью, арестовывают, о приграничных бандах, вооруженных патрулях вдоль дорог и о том, во сколько обойдется переход. Она смотрит на пламя, словно в трансе, смотрит, как свет пляшет перед глазами, остающимися в тени, кто эти люди без глаз, кто эти люди, которые больше не видят

будущего, пойманные в ловушку между светом и тьмой? Айлиш зажмуривается и видит, сколько было разрушено, видит всю глубину своей любви и то немногое, что от нее осталось, одно лишь тело, тело без сердца, тело с распухшими ногами, способное только нести детей вперед… Женщина с потерянным взглядом спрашивает, не хотят ли они переночевать в палатке. Ночью похолодает, да и дождь собирается, младенцу нельзя спать на улице, в любом случае палатка рассчитана на восьмерых, прошлой ночью нас было вообще двенадцать.

Бен ладошкой разворачивает к себе ее лицо, они лежат дыхание к дыханию в спальном мешке, и, когда малыш засыпает, Айлиш вслушивается в долгое молчание ночи, видит смерть, которая следует за ней по дороге, смерть пробирается в сны тех, кто слишком устал, чтобы спать, кто вынужден спать с открытыми глазами, всхлипы и крики вырываются изо ртов, словно смерть каждую ночь шествует мимо, и каждая смерть переживается снова и снова, много-много раз, и она лежит, слушая, как спящие шепотом проговаривают смерть во тьму, спиной ощущая холод, идущий от земли, дождь, что стучит по палатке, как будто этот дождь идет тысячу лет и снаружи нет ничего, кроме необитаемой земли, мир снаружи — тьма без боли, и, чтобы избавиться от боли, нужно принять эту тьму, но туда нет выхода, теперь она это знает, ей нет пути во тьму вслед за сыном, Айлиш и хотелось бы последовать за ним, присмотреть за ним там, но она не войдет во тьму, потому что должна остаться, это единственное, на что она еще способна, вывести детей из тьмы, а значит, не будет ей покоя, не будет спасения от боли, и даже темнота за закрытыми веками не принесет успокоения. Бен просыпается, поворачивается к ее лицу, начинает плакать,

но она успокаивает его, поглаживая по щеке. Она что-то шепчет ему, хотя для ребенка его возраста нет слов, нет объяснений тому, что было сделано, и все же то, чего он никогда не вспомнит, навсегда останется с ним, словно яд в крови. Айлиш смотрит на Молли и видит, как спящее сердце разносит яд по телу, но вопреки всему от Молли исходит свет — кожа становится голубоватой от проникшего в палатку сияния, — но этот свет изнутри, он дает силу, и Айлиш не знает, откуда он берется, свет, сияющий из тьмы изнутри Молли. Снаружи слышны шаги по размокшей земле, в палатку ползет сигаретный дым, мужчина кашляет, детские голоса возвещают о наступлении нового дня, и какой-то юноша перелезает через них, выбираясь из палатки. Молли садится, взъерошивает ей волосы, начинает массировать ноги. Мам, говорит она, давай я тебя причешу. Айлиш смотрит в лицо дочери и видит, что во сне та плакала. Она расстегивает молнию на спальном мешке, надевает кроссовки и выходит наружу. Ее встречает низкая промозглая серость, угли костра, мусор на невспаханном поле. Айлиш сажает Бена на рюкзак, чистит банан, наливает молоко в кружку, а Молли обхватывает себя руками, пытаясь согреться, Бен ковыляет в грязи,

затем направляется к деревьям, Айлиш окликает его, но малыш продолжает топать к лесу на краю поля, и она плетется за ним, не обращая внимания на боль в плечах и стопах. Бен стоит на мокрой траве, колотя палкой по стволу, затем разворачивается и, сверкая глазами, замахивается палкой на нее. Нет, произносит она, грозя ему пальцем, нет, нет и нет, забирает палку и машет ею перед ним, приговаривая, нельзя никого бить, нельзя бить другого человека, и отбрасывает палку, и разворачивает Бена, и отправляет его назад, на вспаханное поле, мертвое поле, поросшее сорняками, и черви под землей рыхлят почву, и остатки прошлого урожая перегнивают, чтобы напитать следующий, и Бен бежит по полю, подняв кулачки к небу, и на мгновение она оглядывается и видит на траве опавшие листья, непогребенные листья лежат на траве, и их лица желтеют среди умерших коричневых.

Микроавтобус подкатывает сзади и откашливается, переключая передачу, заставляя пешеходов сойти на обочину, потом замедляет ход, и, поравнявшись с ними, водитель высовывает в окно красную физиономию. Я еду на границу, говорит он, осталось два места, кому надо подъехать, по пятьдесят фунтов с носа. Пешеходы оборачиваются, смотрят друг на друга, качают головами, а Молли роняет сумку на траву. Мам, говорит она, тебе нужно отдохнуть, а у меня скоро рука отвалится. Айлиш смотрит на микроавтобус, взгляд блуждает, словно в поисках ответа, который должен сформироваться в голове, вокруг тишина и темнота, поднимаясь по ступенькам, она тяжело дышит под весом ребенка, водитель отводит глаза. Она кладет деньги сестры ему в ладонь, но он смотрит на руку и качает головой. Пятьдесят с носа. Да, но нас двое, с нами младенец. Я сказал, пятьдесят с носа, и я насчитал троих. Но ребенок будет сидеть у меня на коленях, он не займет лишнего места. Водитель вздыхает, продолжая медленно крутить головой. Пятьдесят с носа или, если хотите, идите пешком, но в автобусе безопаснее, чем тащиться одним, решайте сами. Она стоит у всех на виду, и пассажиры смотрят, как она торгуется, сзади плачет ребенок, Молли тол-

кает мать в спину, Айлиш достает из кошелька еще одну купюру и швыряет водителю на колени, заставляя его поднять поросячьи глазки, рот у него узенький и жадный. Оставь сумки у двери, Молли, пусть он отнесет их в багажник. Бен хочет сам пройти по узкому проходу, хочет попрыгать у нее на коленях, поиграть в прятки с сидящими сзади, он проголодался, ему пора спать, Айлиш поворачивается к стеклу, наблюдая, как солнце садится, проселочное шоссе забито пешеходами, которые расступаются, давая машине дорогу, женщина, толкающая коляску с ребенком, поднимает глаза к окну, и Айлиш встречает ее взгляд. Молли говорит что-то об отце, и Айлиш поворачивается, видя лицо дочери в зеркальце, Молли подкрашивает глаза. Прости, не расслышала. Я говорила о папе, скоро у него день рождения, в каком году он родился? Айлиш отворачивается к окну и закрывает глаза. Нет, она его не забыла, просто от Ларри почти ничего не осталось, он стал тенью, там, где раньше была любовь, пусто, а возможно, в сердце, раздавленном непомерным грузом, осталось место только для маленькой любви. Бен засыпает у нее на руках, когда автобус замедляет ход, останавливается, водитель дергает ручной тормоз и встает, чтобы открыть дверь. Он

выходит на дорогу, беседует с солдатом в черном берете и закуривает, пока второй солдат заходит в салон, на бедре у него пистолет. Им велят выйти из автобуса, подготовить документы для проверки, вытащить из багажника сумки для досмотра. Они выходят из автобуса и не видят границы, перед ними открытая местность, граница километрах в тридцати, говорит мужчина, проходит почти час, прежде чем они снова забираются в салон. Наступает вечер, затем ночь, один блокпост следует за другим, военные «лендроверы» и гражданские внедорожники перегораживают дорогу, военнослужащие и ополченцы в списанной форме, бритые головы, руки в перчатках сжимают у плеча автоматические винтовки, стволы направлены в землю, разные лица произносят одни и те же команды, водитель курит в стороне и подсчитывает, сколько осталось налички. Нужно без конца предъявлять удостоверения личности, объяснять, куда направляешься, открывать сумки и выкладывать содержимое на дорогу, затем снова складывать, иногда сумки становятся легче, и всякий раз цена разная, некоторые называют это налогом на выезд, взносом в дело, от которого ты бежишь. Одна за другой дороги закрываются, впереди в темноте ярко сияет заправочная станция,

и они останавливаются, чтобы сходить в туалет, закупить еду и напитки. Она чувствует границу неподалеку, чувствует, как граница отдаляется от них, словно волна, отступающая от берега навстречу бесплодному лунному свету. Ей нужно поспать, но никто не дает ей такой возможности, она снова должна будить Молли, выносить на руках спящего Бена, и когда они в пятый раз выходят из автобуса, Молли еле волочит ноги, времени час ночи, перед ними каменная стена и нависающие ветки, автобус зажат в свете фар внедорожника, фонарики выхватывают из тьмы лица. Бородатый ополченец, размахивая пистолетом, велит им построиться в ряд, он в гражданке, джинсы закатаны поверх ботинок. Ополченец вытягивает из строя пожилого мужчину и тычет ему в нос фонариком. Так от чего ты бежишь, лысый, не хочешь остаться и повоевать за свою страну, трусливый ты выродок? Мужчина недвижим, только отворачивается от фонарика, глаза полузакрыты, затем медленно моргает, словно пытается осознать вопрос. Айлиш отводит глаза, когда ополченец пинает мужчину сзади по ногам. А ну, на колени и покажи свое удостоверение. Айлиш снова вглядывается в лицо ополченца и не видит ничего, кроме злобы, вывернутой

наружу, чтобы можно было носить открыто, она берет Молли за руку и взглядом просит дочь не смотреть, наблюдает, как водитель трет кулаком глаза, и теперь понимает, почему такая цена, лучше кружить до утра между блокпостами, чем оказаться перед такими один на один в темноте, мужчина на коленях шарит в карманах пальто, пальцы прячутся, сжимаются в бесполезные кулаки, наконец он предъявляет удостоверение. Ополченец бросает его товарищу, который, подняв удостоверение с земли, зачитывает детали в рацию, бородатый пистолетом подталкивает мужчину в плечо, подносит дуло к виску и медленно проводит вниз, затем упирается ботинком ему в шею. Так кем ты, сука, работаешь? Мужчина шепчет, уткнувшись лицом в землю. Я не расслышал. Мужчина почти кричит. Я техник. Какой техник? Мужчина кашляет и начинает плакать, бородатый направляет фонарик в лица людей, стоящих в ряд у автобуса, по рации слышны помехи, затем опускает ботинок, и удостоверение личности летит на землю рядом с коленопреклоненным мужчиной. Для тебя цена выше, чем для других, для тебя, трусливый выродок, цена двойная. Айлиш наблюдает, как ополченец отходит, а мужчина остается на земле, видит, как он несет

на опущенных плечах свое унижение, руки дрожат у него на коленях, когда он садится на свое место в салоне. Она не задумываясь кладет руку ему на плечо и сжимает, мужчина поднимает взгляд и пытается улыбнуться, но что-то в его глазах сломано безвозвратно.

По ту сторону не должно быть ничего, кроме края обрыва, за которым начинается долгое падение в небытие, но за границей дорога продолжается, сборные домики сереют в рассветных лучах, электрические провода пересекают пограничную линию, не прерываясь, седельный тягач тормозит, а зевающий пограничник прикрывает рукой рот. Они присоединяются к очереди тех, кто шел пешком, люди пытаются подремать или согреться, прислоняясь к поклаже или друг к другу, Молли, припав к плечу матери, засыпает. Затем начинает что-то бормотать, тихонько вскрикивает, садится, трет глаза, и Айлиш видит в ее глазах ужас, пришедший из сна. После того как контрольно-пропускной пункт открывается, очередь начинает двигаться, они подтаскивают сумки вперед, снова ставят на землю, садятся. По мере того как последние ночные сумерки рассеиваются, британский контрольно-пропускной пункт все отчетливее проступает впереди, заграждения из гофрированной стали, колючая проволока, сторожевая вышка, и Айлиш знает, что стоит им пересечь эту линию, и плечи сдавит тяжесть, то, что осталось позади, никуда не денется, а будет лишь тяжелеть, и им суждено таскать эту тяжесть до конца своих дней. Они

стоят в зале ожидания сборного домика, и все складные стулья заняты людьми, на коленях заполняющими бланки, пол вибрирует от тяжелой поступи групп, которые подходят к окнам, Айлиш потеряла ручку, и ей приходится одолжить ее у пожилого мужчины, он смотрит ей в лицо и улыбается, но она не может улыбнуться ему в ответ и смотрит в пол. Подойдя к стеклу, она выкладывает на стойку бланки и документы и ждет, пока ей скажут, сколько придется заплатить, сумма постоянно меняется, они оценивают твою одежду и назначают цену, оценивают твою улыбку, все зависит от времени суток, фазы Луны и прилива. Айлиш говорят, что она заполнила не тот бланк, что она пытается пересечь границу с ребенком, у которого нет документов, ей надлежит заполнить другой бланк и ждать собеседования, поэтому она должна выйти в правую дверь и зайти в соседний сборный домик. В холодной неотапливаемой комнате нет никого и не на что смотреть, кроме инея на оконном стекле, стола с компьютером и пустой кружкой, она пытается унять дрожь в руке, когда они слышат приближающиеся шаги и приглушенный кашель, Молли берет ее руку и сжимает, когда чиновник входит в комнату, подвигает ей стул, худощавый мужчина с гор-

батым носом в светлой рубашке с расстегнутым воротом, непонятно, кто он: полицейский, военный или мелкий служащий, он быстро набирает текст, резко выдыхает и смотрит на Айлиш, как будто способен разглядеть что-то сквозь нее. Просит предъявить документы, отворачивается к экрану, печатает, Бен извивается, пытаясь освободиться, она хочет усадить его на колени, но он начинает хныкать, лягаться, и Молли приходится распустить волосы и дать ему в руки резинку, чиновник отворачивается от экрана, как будто изучая ребенка, но на самом деле смотрит, как Молли приглаживает волосы пальцами. Он задает один вопрос за другим и неопределенно крутит головой, когда Айлиш дает ответы, почесывает кончик носа ногтем, быстро набирает текст на компьютере, и ей начинает казаться, что всякий раз она отвечает неправильно, и она прикусывает губу. Айлиш смотрит в серо-голубые глаза мужчины, слышит, что произносит его рот, но глаза говорят другое, палец ковыряет клавишу, а глаза прикидывают, сколько она стоит, легкая улыбка приподнимает уголки его рта, как будто он прочел ее мысли, и тогда до нее окончательно доходит смысл собеседования. Айлиш оглядывает пустую комнату, понимая, что все это

игра, теребит свидетельство о рождении Бена, но оставляет его лежать на столе, откидывается на спинку стула и снова подается вперед, пытаясь улыбнуться. Давайте начистоту, сколько денег вы хотите? Мужчина позволяет себе удивленно нахмуриться, оглядывает Молли и что-то бормочет под нос, откидываясь назад. По его словам, за пересечение границы придется заплатить, назовите это налогом на выезд, однако есть и дополнительные расходы, вы хотите покинуть страну с ребенком, у которого нет выездного документа, и хотя свидетельство о рождении подтверждает его гражданство, оно не дает ему права покидать пределы страны и не предоставляет защиту, которой он мог бы воспользоваться как гражданин, оказавшись в других юрисдикциях, поэтому вы должны заплатить за временный паспорт, который будет иметь юридическую силу только в течение этого дня, а потом вам придется подать заявление на получение настоящего паспорта по вашему новому месту жительства, разумеется, за это придется заплатить, подобные услуги всегда оплачиваются. Мужчина берет ручку, быстро пишет на листе бумаги и подвигает его к Айлиш, она читает цифры вверх ногами, затем переворачивает бумагу и начинает плакать,

снова глядит на лист, качает головой и закрывает глаза, видя перед собой, как они бегут через границу, военные патрули и лающих собак, Молли берет мать за руку, но Айлиш вырывает ладонь. У меня нет таких денег, говорит она, никто не предупредил нас, что это так дорого. Чиновник резко выдыхает через нос, чиркая по бумаге, Айлиш смотрит на руку, выуживающую что-то из его подсознания, геометрические узоры сменяются путаными клубками, мысль шевелит его губы, и чиновник поднимает глаза. Контрабандист, который вывезет вас ночью, возьмет гораздо дороже, и половина ваших денег вернется сюда. Она смотрит на него, не в силах вымолвить слова, он встает, как будто намереваясь уйти. Постойте, говорит она, и чиновник остается стоять, а когда она озвучивает сумму, облизывает угол рта и отказывается, медленно мотая головой. Это покроет расходы на временный паспорт для вашего сына и вашу выездную визу, но этого не хватит на вашу дочь. Снаружи слышны голоса, голоса и шаги в строгой последовательности переходят границу, и она прикусывает язык, в глазах чиновника пустота, мучительная улыбка расползается по ее лицу. Пожалуйста, мы сумеем договориться о цене, я отдам вам все, что у меня

есть. Чиновник долго изучает ее, затем переводит взгляд на Молли и кивает ей. Я хотел бы побеседовать с вами наедине, говорит он. Айлиш смотрит на дочь, затем пытается поймать взгляд мужчины, но он щелкает по клавиатуре, ищет результаты футбольных матчей или еще какую-нибудь бессмысленную ерунду, она смотрит в заиндевевшее окно, ощущая внезапную тошноту. Айлиш передает дочери Бена и велит ей выйти. Я сказала, немедленно вынеси ребенка наружу. Молли хмурится, берет Бена и закрывает за собой дверь, в то время как Айлиш разглядывает чиновника. Вы хотите побеседовать с ней наедине, почему именно наедине? Что-то уловив в ее тоне, чиновник смотрит на дверь, молча качает головой и почесывает кончик носа. В том, что вы рассказали про вашу семью, были кое-какие неувязки, поэтому я и хотел побеседовать с ней наедине. Она наклоняется вбок, чтобы увидеть экран, чиновник раскладывает пасьянс. И как долго ты собираешься с ней беседовать, а не хочешь ли побеседовать наедине со мной, если тебе такое нравится, я накрашу губы и причешусь, но тебе нужна не я, правда же, или то, что тебе нужно, можно получить только от ребенка? Лицо перед Айлиш застывает, чиновник открывает

рот, хочет что-то сказать, запинается, рука шарит по столу в поисках ручки, пока она расстегивает «кенгурятник» и выкладывает на стол стопку банкнот. Послушай, говорит она, это все, что у меня есть, и, конечно, этого должно хватить, ведь ты забираешь у нас всё. Лицо чиновника краснеет от гнева, но Айлиш видит, что под гневом, возможно, скрывается стыд, он резко выдыхает и кладет обе руки на стол. У меня нет на это времени, говорит он, думаете, я буду сидеть тут с вами весь день, собеседование окончено, оставьте деньги на столе и возвращайтесь в зал ожидания.

Когда они пересекают границу, Айлиш приказывает себе не оглядываться, а когда оборачивается, во рту образуется камень, и ей приходится говорить шепотом, камень скользит по горлу, и нужно дышать вокруг него, она предъявляет документы, военный на той стороне, строгий, но вежливый, направляет их в регистрационный центр в хижине Ниссена[4]. Она выглядывает мужчину, с которым они должны встретиться, вдоль обочины за контрольно-пропускным пунктом припаркованы машины, и горстка людей ждет неподалеку, изучая выходящих, Айлиш всматривается в лица, ожидая кивка или улыбки, но не встречает ответа, смотрит на Молли, которая прижимает к груди Бена, Айлиш не знает, что делать дальше, инструкции были такими расплывчатыми, другой солдат показывает им, куда идти, и она ловит себя на том, что ее ведут вперед. Кто-то приближается к ней вплотную, касается локтя, звучным радостным голосом сообщает, нет, туда тебе заходить ни к чему. Айлиш оборачивается, и молодой мужчина во флисовой

[4] Примечания: 4

Хижина Ниссена — сборное строение полуцилиндрической формы с каркасом из гофрированной стали, запатентовано британским инженером Питером Норманом Ниссеном в 1916 г.; в массовых количествах производилось в Первую и Вторую мировую войну.

куртке заключает ее в объятия, и она опускает сумки, прижимая руки к бокам и стараясь не отшатнуться, пока мужчина не отпускает ее, вторжение чужого тела, запах пота и одеколона, мужчина улыбается Молли и Бену. Айлиш, говорит он, я так рад тебя видеть, скорее сюда, в машину. Он закидывает ее сумку на плечо, а они следуют за ним к темно-бордовому «форду», припаркованному у самой канавы. Это не тот мужчина, который должен был ее встретить, этого зовут Гэри, и он открывает для них дверцы, жестом приглашая Молли посадить Бена в детское креслице. Он забрасывает их сумки в багажник, садится в машину, роется в кармане на дверце и в коробке между сиденьями, находит очки, поворачивается и улыбается Бену. Вот и хорошо, говорит он, извините, я не заметил, как вы выходили. Он пристегивается, и его взгляд останавливается на Айлиш, которая сидит тихая и бледная, сложив на коленях руки, камень вырос так, что она не может дышать, и ей кажется, что ее сердце вот-вот остановилось. В чем дело, спрашивает Гэри, но Айлиш не в состоянии говорить, она взглядом призывает на помощь Молли, которая наклоняется вперед и тянет мать за плечо. Мам, что случилось? Айлиш качает

головой, вдыхает и медленно выдыхает, а Гэри похлопывает ее по руке. Не волнуйтесь, дорогая моя, вы все сделали правильно, неправильным было бы зайти в ту хижину и застрять до конца жизни, они сунули бы вас в автобус, едущий в никуда, вы торчали бы в лагерях неизвестно сколько без права покидать Северную Ирландию и провели бы остаток дней в палатке, по которой с утра до ночи барабанит дождь, по крайней мере, когда все закончится, вы сможете отправиться куда захотите, вы поступили правильно, поэтому расслабьтесь, все уже устроено.

Она сидит, оцепенело глядя на дорогу, небо, береговую линию и пенящиеся волны, Бен орет, требуя молока, но ей нечего ему дать, Гэри предлагает остановиться. Айлиш закрывает глаза, не способная ни думать, ни чувствовать, ища внутри хоть какой-нибудь путь, в темноте к ней подходит Бейли, и она касается его лица, гладит по волосам, и онемение в теле перерастает в боль, которая заставляет ее поднять веки, в зеркале заднего вида Молли расчесывает волосы, затем, глядя в складное зеркальце, подводит глаза, внезапно Айлиш протягивает руку между сиденьями, выхватывает зеркальце из рук Молли и захлопывает, показывая на заправочную станцию вдалеке. Если не возражаете, я хотела бы там остановиться. Двумя пальцами лезет за подкладку пальто, достает свернутые в трубочку купюры. Айлиш покупает молоко и фрукты и возвращается к машине с ключом от туалета. Бен со злым лицом наблюдает, как она наполняет его бутылочку. Айлиш открывает багажник, расстегивает молнию на сумке, достает овальный футляр и стучит в стекло, жестом приглашая Молли следовать за собой. В светлой уборной пахнет мочой и цитрусовым отбеливателем, и Айлиш ловит в зеркале свое отражение, видя призрак бу-

дущего, и когда она достает из футляра ножницы, на лице Молли возникает легкая тревога. Мам, говорит она, что ты делаешь? Стой прямо и не дергайся, отвечает Айлиш, я позабочусь, чтобы никто больше на тебя не пялился. Когда Молли видит, как поднимаются ножницы, ее лицо сморщивается, она отступает к стене и отталкивает Айлиш, которая хватает дочь за волосы и начинает стричь, Молли отбивается, вскрикивает, затем обмякает и закрывает руками лицо. Закончив, Айлиш оборачивается к зеркалу и принимается за собственные волосы, один яростный взмах следует за другим, пока в зеркале не появляется рваная, кособокая стрижка, и Гэри стучит в дверь. Эй, вы, что вы там застряли, возвращайтесь в машину. Он стоит, прислонившись к боковой дверце «форда», тыча в телефон, когда Молли выходит, закрыв лицо руками, он поднимает голову и говорит, какого хрена, смотрит на Айлиш, тряся головой, наблюдая, как она выбрасывает косметичку Молли в мусорную корзину. Когда Айлиш садится в машину, он не поворачивается к ней и молча рулит, изредка поглядывая на Молли в зеркало заднего вида. Айлиш сидит, скрестив на груди руки и глядя перед собой. Не осталось ни воли, ни независимости, ни силы, пустое тело

отражается в стекле, тело тянется вдоль дороги мимо пастбищ и пашен, деревьев и изгородей, домов с галечными стенами, лающими собаками, рвущимися за ограду, автомобиль плавно движется в сторону гор Сперрин. Гэри смотрит на часы, рука шарит в коробке, он вставляет в ухо гарнитуру и набирает номер. Уже скоро, братан, дай мне пятнадцать минут. Машина поворачивает, они въезжают в горы, и вскоре не остается ничего, кроме неба и остроконечных пихт по одну сторону дороги, на повороте к заповеднику машина замедляет ход, в салоне становится темно, Гэри смотрит в зеркало на расстроенное лицо Молли. Не волнуйся, говорит он, все хорошо, будем с минуты на минуту. Проселочная дорога выводит на поляну, где припаркован белый фургон, за ветровым стеклом маячит лицо с козлиной бородкой. А вот и мы, говорит Гэри, дайте мне перекинуться парой словечек с приятелем, а после выходите. Айлиш смотрит, как он подходит к фургону, оборачивается и жестом велит им вылезать из машины. Она тормошит Бена, пытаясь его разбудить, но он утыкается носом ей в шею и снова засыпает, мужчина с козлиной бородкой и злой гримасой на мелком лице выпрыгивает из кабины, Айлиш смотрит, как он, опустив голову,

подскакивает к задней части фургона и с лязгом откатывает дверцу. Фургон забит людьми, и ей не хочется внутрь, водитель засовывает в салон их сумки и большим пальцем показывает — залезайте, но она не в силах сдвинуться с места, Молли смотрит, как мужчина с козлиной бородкой раздражается, вытирает рот рукавом и орет, шевелись, твою мать. Она больше никто, просто вещь, думает Айлиш, вещь, которая забирается в фургон с ребенком на руках, Молли карабкается следом, а сзади, когда за ними закрывается дверца, со стороны деревьев доносится странный тянущий звук.

Из темноты фургона они выбираются на заводской двор, серые здания, разрисованные граффити, с разбитыми окнами и сорняками, зеленеющими в щелях бетона, худощавый мужчина в анораке, не оборачиваясь, разговаривает по телефону, глаза прикрыты козырьком бейсболки. Бен брыкается, пытаясь выскользнуть из ее рук, начинает визжать и, когда она опускает его на землю, бросается наутек, Айлиш ловит его и возвращается, неся его боком под мышкой. Водитель забирается в салон, отпихивает к краю одинокий вещевой мешок, спрыгивает и указывает на мужчину с телефоном. Вон старший, делайте, что он скажет, и все будет хорошо. Они следуют за старшим по коридору с облупившейся краской в пустой цех, где пахнет сыростью и убожеством, картонные поддоны с коричневыми одеялами стоят на бетоном полу, три новых оконных стекла с решетками смотрят во двор. Молли занимает место под окном, ставит сумку на пол и протягивает руки к Бену, когда какая-то нескладная женщина указывает двум подросткам на палеты рядом с ними, смотрит на Айлиш, представляется Моной, и, заглянув женщине в глаза, Айлиш без слов читает историю ее жизни. Старший у двери, мусолящий телефон,

поднимает два пальца, беззвучно подсчитывает количество людей и откашливается. Так, ладно, слушайте все, дела обстоят так, вы пробудете здесь всего несколько дней, но, пока вы здесь, на улицу никто не выходит, и эта дверь всегда будет заперта, тут есть туалет с душем, два мусорных контейнера в углу, и до ухода вы будете получать полноценное трехразовое питание, те, у кого маленькие дети, составьте список того, что вам нужно, подгузники, молочные смеси, я вернусь за ним через некоторое время. Мужчина в твидовом пиджаке выступает вперед, держа на руках ребенка, и показывает в сторону туалета. Вы смеетесь, спрашивает он, здесь нельзя жить, посмотрите, сколько у нас младенцев и маленьких детей, и нет ни одного обогревателя, и одна маленькая раковина на всех, вы, наверное, сошли с ума. Непредсказуемый старший стоит перед мужчиной, затем поднимает руку и проводит ладонью по щетине, не отрывая глаз от его лица. Не будь тупым уродом, говорит он, и мужчина опускает глаза, что-то бормочет и отступает назад. Айлиш наблюдает за старшим, чувствуя, как в груди что-то сжимается, ищет его глаза в тени козырька, воображая, что их там нет, когда тот выходит и запирает за собой дверь.

Айлиш ощущает внезапный приступ паники, поворачивается к зарешеченным окнам, прикладывает руку к стеклу, глядя на угол здания, красно-коричневые контейнеры, сизые поля, холмы и небо. Двадцать три человека, а вечером их становится сорок семь, проливной дождь сгущает темноту, и беременной приходится помочь сесть на пол, а люди начинают сбиваться в группы. Айлиш не хочет ни с кем разговаривать, розеток для зарядки телефонов не хватает, Айне захочет узнать, как у них дела. Маленький мальчик с копной русых волос стоит первым в очереди в туалет, зажав руки между ног, а его отец кричит и колотит в дверь. Бен скулит, требуя свой ужин, но у нее остался последний крекер, и никто не знает, когда принесут еду. Пожилой мужчина стучит в запертую дверь, просит поторопиться с ужином, ответа нет, и только в четверть девятого они слышат, как дверь отпирается, и внутрь заходит печальный юноша с хвостиком в армейской куртке, увешанный пластиковыми пакетами с едой навынос, и когда люди начинают сжимать кольцо, в его глазах появляется страх. Черт, вы не могли бы разойтись? Он ставит пакеты на стол и возвращается со следующей партией. Мона поднимает руку, призывая к порядку. Они дого-

вариваются, что представитель каждой группы забирает еду на всех. Молли уходит и возвращается с жареным рисом по-китайски, который раскладывает по бумажным тарелкам. Айлиш едва прикасается к пище, но она не помнит, когда Молли ела с таким аппетитом, Бен швыряет на пол пригоршню риса, и Айлиш сметает его рукой. Темнота снаружи льнет к стеклу, но внутри свет слепит глаза, люди совещаются, как пользоваться ванной, и решают делать это группами, долго спорят, во сколько выключать свет, дети плачут и не могут уснуть. Уже десятый час, говорит мужчина, если не выключите свет и не дадите моим детям поспать, я вырублю его раз и навсегда.

День за днем она наблюдает, как дождевой свет заливает окна, зима забирает из каждого проходящего дня то знание, что приносит с собой день, но знание остается в сердце, и сердце продолжает, как барабан, стучать в горе. Старший не говорит ни слова о том, когда придет время уходить, люди держатся группами, некоторые спят целыми днями, пока Айлиш пытается развлечь Бена, рвущегося на улицу, и она не может его отговорить. Айлиш ловит себя на том, что смотрит на Молли, но видит Бейли, ему не принадлежат только коротко остриженные волосы и пятнистая радужка, щербинка в зубах и маленький вздернутый носик, но под нижней губой есть желобок, который она нарисовала ему при рождении. Она смотрит на него и хочет навеки остаться с ним рядом в пустом пространстве взгляда. Прежде чем отвернуться, Молли странно глядит на мать. Теперь, когда Айлиш закрывает глаза, она видит одно только прошлое, и это прошлое принадлежит кому-то другому, а она стала пустотой, наблюдающей из холодной и бездонной тьмы, и мир все невыносимее, а ее муж и старший сын поглощены непроницаемой тишиной, словно открылась дверь в ничто и они шагнули туда и навеки пропали. Каждый день она просматривает

на телефоне извещения о смертях, публикуемые режимом, ожидая встретить там имя Ларри и радуясь, когда его там не оказывается и ее горе не становится еще горше. Ломтики белого хлеба, порция сливочного масла и холодные вареные сосиски на завтрак. Они стоят в очереди в туалет, а юноша, привалившись к стене, затягивается и выпускает дым к потолку, и женщина с ребенком на руках поворачивается и кричит ему, чтобы потушил сигарету, и юноша с тяжким вздохом встает и присоединяется к группе мужчин. На двери ванной нет замка, душ подключен к крану в стене, и холодная вода стекает в открытый слив, у Айлиш с собой только маленький кусок мыла и полотенце для рук, Молли отказывается мыться, она держит извивающегося Бена, пока Айлиш его намыливает. В комнате уже есть больной младенец, который плачет всю ночь, Мона отходит от группы, собравшейся вокруг его родителей. Женщина, которая держит ребенка, — медсестра из интенсивной терапии, рассказывает Мона, она считает, его нужно госпитализировать, но родители не решаются. Когда юноша с хвостиком входит в дверь, его встречает медсестра, которая указывает на ребенка и родителей, его руки заняты пакетами, и он не успевает натянуть капюшон.

Медсестра не отстает, следуя за ним к столу, и на лице у юноши появляется недовольная гримаса. В начале четвертого, звеня ключами, заходит старший. Он присаживается на корточки рядом с родителями ребенка и снимает бейсболку, обнажая узкие глазки и бритый череп, он старше, чем казалось, затем он встает и смотрит исподлобья, мотая головой. Я не могу привести сюда врача, говорит он, как только погода изменится, вы уйдете и в вашем распоряжении будут все врачи мира. Медсестра шагает к нему, берет его за руку, но он сердито ее отпихивает. Если я отвезу вас в больницу, пути назад не будет, и денег вам не вернут, это не обсуждается, про деньги — это вообще не ко мне, поэтому, если хотите в больницу, я вас не держу, но вы будете предоставлены самим себе, я договорюсь, чтобы вас отвезли, решайте сами. Ключи бренчат в его руках, и молодые родители не могут решиться, мать опускает голову и начинает плакать. Бога ради, говорит старший, я даю вам час, чтобы подумать. Айлиш смотрит на обмякшее тельце ребенка на руках у отца, думая, он совсем еще маленький, какой потерей это станет для них, он и пожил-то с ними всего ничего, смотрит на крохотные ручки и начинает плакать, и Мона встает перед ней на колени, предлагая

забрать Бена. А кто у нас такой хороший мальчик, большой, сильный, держу пари, из тебя выйдет настоящий спортсмен. Лицо Моны застывает, она смотрит в пространство и качает головой. Сколько страданий, шепчет она, мой муж пошел в магазин и не вернулся, мой брат, мой двоюродный брат, его жена и дети пропали без вести. Какое-то мгновение кажется, что сейчас мышцы ее лица дрогнут, но усилием воли Мона берет себя в руки. Вы знаете, нам предлагали визы в Австралию, но мы отказались, муж сказал нет, ясно и определенно, сказал, что в такое время это невозможно, думаю, он был прав, да и как он мог знать, как могли знать все мы, наверное, другие люди знали, но я никогда не понимала, откуда у них такая уверенность, я хочу сказать, такое невозможно себе представить, ни за что на свете, то, что с нами случилось, и я никогда не понимала тех, кто уехал, разве можно взять и уйти, оставив позади целую жизнь, для нас в то время это было совершенно невозможно, и чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, что мы все равно ничего бы не изменили, я хочу сказать, что и тогда у нас не было простора для маневра, тогда, с визами, как мы могли уехать, столько обязательств, столько ответственности,

а когда все стало хуже, возможностей и вовсе не осталось, я хочу, я пытаюсь сказать, что когда-то верила в свободу воли, и спроси вы меня раньше, я ответила бы, что была свободна как птица, но сейчас я уже не так в этом уверена, сейчас я не понимаю, о какой свободе воли можно говорить, если тебя пожрало чудовище, одно влечет за собой другое, пока эта чертова штука не обретает собственную инерцию, и ты ничего не можешь с этим поделать, теперь я вижу: то, что я считала свободой, это просто борьба, и никакой свободы нет и в помине, — смотрите, говорит Мона, беря Бена за ручку и заставляя пританцовывать, мы здесь, а сколько людей пропало, мы счастливчики в поисках лучшей жизни, мы смотрим только вперед, разве не так, возможно, в этом есть немного свободы, по крайней мере хотя бы в мыслях можно жить будущим, а если мы станем оглядываться назад, в некотором смысле тоже умрем, а ведь нам есть ради чего жить, посмотрите на моих мальчиков, посмотрите на них, они оба — вылитый отец, они должны жить, и я об этом позабочусь, и ваши дети, они тоже должны жить… О, пожалуйста, не плачьте, простите, Айлиш, если вас расстроила, послушайте, давайте я подправлю вам прическу, ваши волосы

не дают мне покоя с самого начала, наверняка же вы сами их обрезали, там просто нужно немного подправить, студенткой, целую жизнь назад, я подрабатывала летом в парикмахерской, я и дочь вашу подстригу, я умею.

Айлиш стоит у окна, наблюдая, как мать с ребенком на руках следует за старшим, а отец плетется сзади с багажом, дождь барабанит по бетону, капли стекают по стеклу, она смотрит на свое отражение и видит тень себя прежней, это постаревшее лицо не может быть ее лицом. Она смотрит на небо, видя, как дождь падает сквозь пространство, в захламленном дворе не на что положить глаз, кроме мира, настаивающего на своем, бетон медленно крошится, уступая напору подземного сока, а когда двор будет преодолен, останется только настойчивость мира, мир настаивает, что все это не видение, и наблюдателю от него не уйти, и суждено заплатить цену этой жизни, каковая есть страдание. Айлиш видит, что ее дети рождены в мир преданности и любви, но обречены жить в мире, где царит страх, и хочет, чтобы этому миру пришел конец, чтобы он был разрушен, и смотрит на свое дитя, невинного ребенка, и видит, как далеко отпала от истинной себя, и ужас охватывает ее, и из ужаса рождается жалость, из жалости — любовь, и мир снова спасается любовью, и мир никогда не кончается, какое тщеславие думать, будто миру внезапно придет конец, пока ты жив, конец придет твоей жизни, и только ей, а песнь, что

поют пророки, вечно одна и та же, пришествие меча, мир, поглощенный пламенем, и в полдень солнце уходит под землю, и мир погружается во тьму, и божество, вещающее устами пророка, изливает ярость на зло, что будет изгнано с глаз долой, и пророк поет не о конце мира, а о том, что было сделано и будет сделано и что сделается с одним, но не с другими, и мир снова и снова кончается в одном месте, но не в другом, и конец света — событие местного значения, конец света приходит в вашу страну, навещает ваш город, стучится в вашу дверь, но для других он всего лишь смутное предостережение, строка в новостях, эхо событий, вошедших в фольклор, позади нее смеется Бен, она поворачивается и видит, как Молли щекочет его у себя на коленях, видит своего сына, и в глазах его сияние, вещающее о мире до грехопадения, и она стоит на коленях, и плачет, и держит Молли за руку. Прости меня, говорит Айлиш, и Молли, нахмурившись, качает головой и обнимает ее. Но тебе не за что просить прощения, мама, и Айлиш пытается улыбнуться, а Молли вытирает ей глаза. Который сейчас час, спрашивает Айлиш, ты должна отправить сообщение Айне. Она забирает Бена из рук дочери, оборачивается и бросает испепеляющий взгляд

на подростка, который громко слушает техно на телефоне, как думаешь, спрашивает она Молли, он когда-нибудь перестанет?

Свет не горит, когда дверь отпирают и в комнату входит старший, светя фонариком на стену. Где этот чертов выключатель, спрашивает он, и мужчина отвечает, на этой стороне. Люди садятся, трут глаза, пока старший пробирается через спящие тела в центр комнаты. Так, все меня слышат, вы уходите сегодня ночью, мы заберем вас ровно в два, вы должны собраться, и чтобы дети не шумели, места для всего багажа не хватит, каждый берет с собой маленький рюкзак или хозяйственную сумку плюс одну на ребенка, если возьмете больше, сумки выбросят и вы останетесь ни с чем, это все, что я хотел сказать. Он разворачивается к двери, когда женщина кричит ему вслед, а что будет с нашими сумками, нас никто не предупреждал, другие начинают возражать, но старший поднимает руку. По одной сумке на человека, это все, что я хотел сказать. Он выходит, и люди, осыпая его проклятиями, начинают разбирать багаж, Айлиш выкладывает вещи на пол, Бен продолжает спать, Молли сидит, скрестив на груди руки. Мам, я не знаю, что брать, я не хочу никуда уходить. Просто возьми две смены одежды, потом купишь новую, ты должна взять то, что нельзя заменить. Она держит в руке фоторамку, переворачивает, достает фотографию

и вставляет в паспорт, Молли наблюдает за ней, затем с плачем опускает голову. Мам, говорит она, пожалуйста, почему мы должны куда-то идти, я никуда не хочу, это небезопасно, ты же знаешь, все эти люди… Молли, мы столько раз обсуждали, об этом можно проговорить всю ночь, Айне все устроила, другого пути нет. В два часа ночи дверь отворяется, рука тянется к выключателю, но это не старший, а небритый мужчина в вязаной шапочке, с шотландским акцентом призывающий их не шуметь, Айлиш держит спящего Бена, за спиной сумка, другая, со всем его имуществом, в руке, она оборачивается, чтобы взглянуть на оставленные вещи, на комнату, забитую брошенным багажом, мусором, рваным картоном, пахнет потом и грязными подгузниками, снаружи бодрящий холодный воздух, облака расходятся. Они обходят территорию сзади, где припаркован тягач с контейнером на прицепе, мужчина с фонариком велит им забираться в контейнер, ребенок орет, когда люди начинаются подниматься по лесенке, Молли не двигается с места, Айлиш подталкивает ее локтем, приказывая залезать в контейнер, она толкает дочь в спину, пока Молли не сдается и не лезет вверх, освещая себе путь экраном телефона, внутри под-

доны, на которых можно сидеть, и все смотрят на мужчину в вязаной шапочке, который стоит в дверях и говорит, сидите тихо, когда тягач остановится, и чтобы дети тоже тихо сидели. Петли скрипят, ребенок кричит, когда дверь запирают, женщина в темноте начинает молиться, и Молли сжимает материнскую руку, заводится мотор. Айлиш шепчет Ларри, что все будет хорошо, а когда открывает глаза, контейнер залит белым светом от экранов, люди отправляют сообщения и отслеживают маршрут, и спустя некоторое время тягач притормаживает, разворачивается и едет прямо на низкой скорости, пока не останавливается, и лишний воздух с шумом выходит из тормозов. Задняя дверь открывается, впуская тусклый свет, и мужчина велит им тихо вылезать, Молли цепляется за материнскую руку, пока они идут через контейнер, хочется слиться с рассветом, с новым, зарождающимся днем, мужчина протягивает Айлиш руку, и она узнает старшего, который стоит, засунув руки в карманы. В темноте виднеется старое бунгало, ночь тиха, мир не подает никаких знаков, если не считать слабого ветерка, подгоняющего их вперед. Скоро наступит рассвет, и они идут по узкой дорожке с детьми на руках мимо пастбищ, где пасется молчаливый скот, и

никто не произносит ни слова, фонарик старшего вспыхивает и снова гаснет. И тогда становится видно море, шум океана сплетается с порывистым бризом, и они переходят дорогу и идут по песчаной тропе через дюны, и она знает название пляжа, она столько раз бывала здесь раньше, и на пляже стоит мужчина в светлом анораке с надвинутым капюшоном и набирает сообщение на телефоне, Айлиш видит две надувные лодки у кромки воды, и при виде темного безжизненного океана — белеют только пенные валы у мыса — что-то внутри ее переворачивается. Мужчина кричит, но слов не разобрать, и она идет вслед за остальными к спасательным жилетам, сваленным на песке, и жилетов не хватает на всех, и Айлиш берет один для Молли, но Молли трясет головой и отказывается его надевать, смотри, говорит Айлиш, Бен пристегнут к моей груди, я бы все равно в него не влезла, и Молли открыто плачет, когда мужчина в анораке назначает в каждой лодке того, кто будет ею править, Айлиш слышит слова мужчины, когда тот вручает рулевым GPS-навигаторы, ориентируйтесь по координатам, и будете на месте в мгновение ока. Молли возится с жилетом, хлопает в ладоши, и Айлиш поправляет завязки и смотрит в лицо до-

чери. На мгновение кажется, будто мир затихает и тишина эта принадлежит шевелящейся тьме за горизонтом, Молли умоляет, начинает кричать, мам, пожалуйста, я не хочу туда, я не хочу этого делать, и Айлиш на мгновение застывает, наблюдая, как люди забираются в лодки, и ветер врывается им в рот, словно пытается выдернуть что-то изнутри, и она видит темный пологий мыс, и в дальнем поле нежно синеет лошадь, и она наблюдает за синей лошадью и внезапно понимает. Айлиш смотрит Молли в глаза и не может найти нужных слов, сейчас у нее нет слов для того, что она хочет сказать, Айлиш смотрит в небо, видя только тьму, понимая, что они с ней были едины и остаться означало бы навеки застрять в этой тьме, но она хочет, чтобы они жили, и она прикасается к голове сына, берет Молли за руку и сжимает, словно обещая, что никогда ее не отпустит, и говорит, к морю, нам нужно к морю, ибо море — это жизнь.